

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРИЯ СОЦИАЛИЗМА

- А. Бузгалин.** Социальные революции: ассоциированное социальное творчество и культура.....3
Б. Славин. Социализм и Россия.....26

II. ПРАКТИКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

- Франсуа Утар.** Гражданское общество и социальные альтернативы неолиберальной глобализации.....48
Третий европейский социальный форум. Заметки российских участников.....67

III. УРОКИ ИСТОРИИ

- Д. Чураков.** Гуманизм и реалии гражданской войны: роль правых социалистов в становлении системы белого террора. 1918 год.....85
С. Величко. Рабочее движение шахтеров Кузбасса в годы перестройки (июль 1989-1991 гг.).....92

IV. ПОРТРЕТЫ

- Ю. Шахин** Гражданская позиция Николая Островского (1920-1930-е гг.).....103

V. АНАЛИЗ И ОБЗОРЫ

- В. Букреев, Э. Рудык.** Труд и власть на предприятии в России...115
А. Очкина. Высшее образование в структуре мотиваций молодежи в современной российской провинции.....140
Г. Сметанина. Положение молодежи в России.....154
О. Хлобустов. О положении современного рабочего класса России.....166

VI. ПОЛЕМИКА

- И. Макаров.** Ещё раз о вреде озлобления.....170
Б. Славин. Реплика на письмо-отклик И. Макарова.....177

VII. ЭССЕ

- А. Ботвин.** Легенда без фактов, или «И кошка тоже смотрит на короля».....180
В. Алпатов. Три этапа российского неокapитализма.....187

VIII. РЕЦЕНЗИИ

- М. Веков.** Теория “национал-большевизма” Николая Устрялова..199

IX. НАША ПАМЯТЬ

- Памяти Ю.В. Сухотина (1935-2004).....204

I. ТЕОРИЯ СОЦИАЛИЗМА

Предлагаемая вниманию читателей статья является сокращенной версией завершающей главы новой книги А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитал» (М.: УРСС, 2004). В этой книге предлагается целостная авторская концепция противоречий современной глобальной гегемонии капитала и «царства необходимости» в целом, противоречий трансформационной социально-экономической системы в России и предпосылок социального освобождения.

Социальные революции: ассоциированное социальное творчество и культура

Александр Бузгалин

*«В грядущей социальной революции пролетариям нечего терять, кроме своих цепей, обретут же они весь мир»
К. Маркс и Ф. Энгельс*

Автор этой статьи в своих работах¹ неоднократно апеллировал к противоположности отношений отчуждения (во всем их многообразии – от общественного разделения труда до глобальной гегемонии капитала) и ассоциированного социального творчества; поэтому вполне логичным (во всяком случае, в рамках данного «категориального поля») будет вывод о том, что движение к «позитивной свободе» предполагает диалектическое отрицание, снятие отношений царства необходимости (мира отчуждения) и создание новых отношений, добровольное [само]ассоциирование индивидов.

Бузгалин Александр Владимирович - д.э.н., профессор, главный редактор журнала «Альтернативы»

¹ Основные выводы этих разработок сформулированы в названной выше книге «Глобальный капитал». Многие тезисы нижеследующей статьи были сформулированы автором на основе обобщения известных работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, А. Грамши и других марксистов прошлого века, а так же работ Г.Г. Водолазова и О.Н. Смолина по проблемам социальной революции См.: Водолазов Г.Г. Диалектика и революция. М., 1978; Смолин О.Н. Излом. М., 2002.

Именно этот процесс (в единстве качественных, революционных и эволюционных преобразований) мы и будем называть **социальным освобождением**, а меру (опять же в единстве качественных, интенсивных и экстенсивных изменений) продвижения по этому пути – **мерой социального освобождения**².

1. Революция как праздник: диалектика созидания и разрушения

Начнем с очевидного: революция ломает старую систему институтов отчуждения и (вплоть до победы нового способа производства) знаменуется кратковременным торжеством отношений непосредственного социального творчества истории, новых общественных отношений самими массами и в этом смысле - кратковременным торжеством царства свободы (обратная связь здесь состоит в том, что **царство свободы** как снятие отчужденных детерминант жизни человека **есть перманентная революция**). В момент революции (а она может длиться долгие дни или несущиеся стремглав годы), когда старая система подчинения уже разрушена, а новая еще не возникла, и рождается тот самый **«праздник угнетенных»**, когда Вы, кажется, можете своими руками изменять мир как захотите («опьянение свободой»).

Пока длится революция - этот «праздник» угнетенных - объективные детерминанты, «ограничители» (в том числе, новые производственные отношения, социально-политические институты и т.п.) уже или еще не действуют. Революции снимают (пусть на время – время революции) власть денег, бюрократии, классовое и сословное неравенство, даже разделение труда (в революции рабочий равен профессору, а иногда и ведет его за собой).

В этом смысле революции есть высвобождение в широчайшем пространстве и времени потенциала иной (не-отчужденной – не-рыночной, не-иерархичной) жизни (М.Бахтин его связывал с феноменом карнавала³). Но если карнавал – это игра, имитация

² Ее косвенным количественным («теряющим» качественный социальный скачок) отражением может быть соотношение свободного (используемого для гармоничного свободного развития индивида [в ассоциации]) и необходимого времени, которым обладает общество (Эта идея раскрыта в ряде работ П. Кузнецова; см., напр.: По ту сторону отчуждения. М., 1990, с. 227 - 251).

³ См.: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

временного снятия рамок, то революция – это подлинный праздник, «всеобщее *празднество*» (именно так, например, характеризовалась современниками Парижская коммуна).

Как период снятых внешних детерминант и предельно раскрепощенного социального творчества *революции становятся полем широчайших и глубочайших достижений в области самоорганизации и сотворения новых общественных форм*. В эти короткие, но предельно насыщенные периоды, сами граждане рожают на основе инициативы снизу столько новых общественных отношений, сколько эволюционные периоды не приносят за десятилетия.

Это становится и причиной, и следствием невиданного в иное время *всплеска широчайшего спектра реализованных (реализуемых) человеческих талантов, скрытых среди представителей самых разных социальных слоев и профессий*. Именно в революциях поручики и шестнадцатилетние мальчишки становятся великими полководцами, рабочие – общественными деятелями мирового масштаба, и даже в таких сферах как разведка и контрразведка недавние гимназисты и инженеры, слесари и врачи оказываются способны сделать то, что не по плечу профессионалам...

Именно в революции общественная практика масс часто создает такие *новые социальные формы*, которые затем долго изучают и пытаются понять теоретики. Привычная логика творческой деятельности здесь как бы переворачивается: теоретическая модель и ее практическое воплощение рождаются почти одновременно (примеры этого – Парижская коммуна, первые Советы в России 1905 года, опыт СССР со всеми его противоречиями и даже современное альтерглобалистское движение – хорошо известны).

Но эта мощная социальная энергия неизбежно несет в себе и противоположный потенциал, что очевидно: *революция по определению всегда есть и процесс разрушения старой системы*. Общеизвестно (во всяком случае, для знатоков классического марксизма, о чем мы уже мельком упомянули выше, обозначив *подход* к данной проблеме), что в принципе *разрушению в революции подлежат старые, отжившие свое социальные формы (производственные отношения, экономические и политические институты, социальные градации, идеологические стереотипы и т.п.)*. Однако на практике революции почти всегда разрушают вместе с тем и производительные силы, некоторые элементы культуры, уносят человеческие жизни. Было бы неверным считать ответственными за это только революции: едва ли не в большинстве случаев эти раз-

рушения связаны с яростным сопротивлением старого мира, провоцирующего террор и войны⁴. Но и революция не может не нести с собой разрушительного потенциала.

Суммируя сказанное о субъекте ассоциированного социального творчества и революции, мы можем определить в первом приближении ***меру разрушительности/созидательности революции***⁵.

Первая тем выше, чем (1) более жесткой, варварской и мощной была система отчуждения и чем (2) отчаяннее ее сопротивление – с одной стороны; чем ниже (3) уровень самоорганизации и (4) культуры революционных масс, но больше (5) стихийность и (6) влияние отчужденных мотивов борьбы (типа «грабь награбленное»), характерных для «обиженного» старой системой мещанства; чем слабее (7) мотивы (как объективные, так и субъективные) борьбы за собственно социальное освобождение и, следовательно, больше (8) «забегание революционеров вперед» по отношению к объективным возможностям сотворения новых отношений.

В той мере, в какой для революционного процесса характерны эти черты, последний будет разрушительно-варварским, несущим с собой уничтожение не только старых форм угнетения, но и их материальных и культурных основ, а так же (и это наиболее трагичный элемент вырождающейся в бунт революции) человеческих жизней. Однако в данном случае всякий судия таких разрушительных действий должен задать вопрос: а кто довел массы до того состояния, когда уже ничто, кроме испепеляющего все вокруг социального взрыва не может разрешить социальных противоречий? И здесь более чем справедлива позиция А.Блока, указавшего «рафинированной» интеллигенции на то, что сжигавшие поместья крестьяне уничтожали не столько памятники культуры, сколько социальное пространство своего порабощения и закабаления (попросту – место и символ унижения, ограбления, порок).

И, напротив, ***революция будет тем более созидательно-освободительной, чем в большей степени [1] прогнила старая система (глубоки ее объективные противоречия) и [2] слаб господствующий класс («верхи не могут управлять по ста-***

⁴ Подробнее об ответственности господствующего «старого» класса и революционных сил за инициирование и использование насилия в революции см. в работе автора «Анти-Рорре» (М.: УРСС, 2004).

⁵ Автор в данном случае в основном суммирует хорошо известные положения Маркса, Энгельса, Ленина, Грамши, Троцкого и других революционеров-марксистов.

рому»); чем [3] в большей степени общество не только находится в кризисе («низы не хотят жить по старому»), но и готово к социальным преобразованиям как [4] материально (имеются достаточные объективные социально-экономические и т.п. предпосылки генезиса нового типа общественной организации), так и [5] духовно (востребованность революции значительной частью критически мыслящих граждан и творческой интеллигенции, предреволюционная атмосфера в культуре и общественном сознании); чем в большей степени [6] субъект революционных изменений осознал свои конструктивные цели (в частности, превратился из «класса-в-себе» в «класс-для-себя») и, следовательно, [7] подготовлены общественные формы самоорганизации этого субъекта (революционные силы организованы, способны к *позитивному* социальному творчеству, имеют достаточно мощные «социальные мускулы»), плюс чем более [8] культурны революционные силы (развит «социальный интеллект» революции).

В той мере, повторю, в какой развиты эти объективные и субъективные предпосылки, хорошо известные каждому марксисту

сту⁶, революция пройдет мирно и не разрушительно (для Человека, его производительных сил и культуры).

Эта «формула» однако, имеет крайне ограниченное значение, *ибо революции – это исторические явления* и происходят они не тогда, когда их в должной мере подготовила та или иная партия, а *объективно*, во многом независимо от воли и желания тех или иных политических сил. И потому не только искусственное форсирование, но и всякое субъективное торможение революционного процесса контр-революционными силами чревато реакцией и неисчислимыми материальными, культурными и прежде всего – личностными жертвами: в реакции люди гибнут и физически, и нравственно в масштабах не менее массовых, нежели в преждевременных бунтах. Классическим примером таких реакционных систем являются различные разновидности фашистских режимов (от итальянских, немецких и испанских до чилийского и иных латино-американских), возникавших, как правило, как реакция господствовав-

⁶ В наиболее полном виде этот блок вопросов был развит в работах В.И. Ленина по проблемам социальной революции, о чем ныне принято «забывать» (отчасти, быть может, вследствие аллергии от чрезмерно апологетических работ советского прошлого).

Не могу в этой связи не напомнить знаменитое ленинское определение революционной ситуации: «Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главных признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению.

Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция – по общему правилу – невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией.» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218-219).

шего класса на угрозу развертывания социалистических преобразований⁷.

Задача революционеров, следовательно, состоит не в том, чтобы совершать революцию «по правилам», а в том, чтобы понять реальную диалектику рождающихся и развертывающихся революционных событий, «алгебру (я бы сказал, высшую математику, сложнейшую диалектику) революции», максимально подготовить революционные силы и общество к грядущим потрясениям, содействовать, насколько это объективно возможно, сознательности и организованности революционных сил, помогая (как талантливый акушер) своевременному и сколь возможно безболезненному рождению нового социального организма. И здесь нерешительность и промедление могут быть не менее опасны, чем торопливость.

Более того, поскольку практически каждая революция рождается в условиях, когда на лицо отнюдь не все необходимые и достаточные условия ее безболезненного совершения, великая миссия и ответственность революционных сил состоит в том, чтобы суметь «достроить» недостающие элементы нового общественного здания уже в процессе революционных событий.

И в этом смысле надо отдать должное смелости и ответственности «ленинской гвардии», решившейся пойти в сложнейших условиях кризиса Российской империи именно по этому пути, не предав – из-за осторожности или трусости, свойственной меньшевикам – интересы и действия широчайших масс, поднявшихся на революцию в начале XX века во многих странах мира; другое дело, что выдержать эту линию «достраивания» предпосылок революции после политического переворота большевикам не удалось: они потерпели поражение в борьбе... со своим *Alter Ego* – мутациями социализма. Впрочем, наряду с поражением и трагедией большевиков мутантный *социализм* был еще и их подвигом – подвигом всех тех, кто вырос из Октябрьской революции и сделал XX век эпохой борьбы за социализм в мировом масштабе.

Итак, в той мере, в какой «достроить» предпосылки социальной революции не удастся (или объективно невозможно вследствие недостаточности предпосылок рождения нового общества), она неизбежно вырождается в контр-революцию, приводя либо к восстановлению прежней системы, либо к появлению мутантного вида нового общества, приспособленного (именно в силу этих мута-

⁷ Автор в данном случае не рассматривает проблемы собственной природы фашизма и ответственности сталинизма за победу фашизма в Испании и Германии

ций) к неадекватным объективным и субъективным (таким, в частности, как перерождение революционных сил, «термидор») условиям.

Примеры таких мутаций – не только сталинский СССР, но и многие другие социумы, в том числе – мутантно-капиталистические монстры конца XIX – начала XX века, соединявшие в себе военно-феодальные и империалистические черты. И если в случае с СССР мы можем говорить об «опережающей» мутации, возникшей вследствие объективной тенденции Великой октябрьской социалистической революции создать новое общество «слишком рано», то в случае с буржуазными преобразованиями в Российской империи правильнее было бы говорить об «отстающей» мутации капитализма⁸. Последняя возникла в силу того, что движение к буржуазному обществу началось слишком поздно и проходило слишком медленно, искусственно тормозилось правящими классами, осуществлялось недостаточно радикальными, половинчато-реформистскими методами, что и привело к рождению «военно-феодального империализма» с массовой нищетой, неграмотностью и политической диктатурой распутиных и романовых.

Но! Еще и еще раз подчеркнем: было бы большой ошибкой считать эти мутации следствием того, что в первом случае революционеры слишком поспешили и были слишком радикальны, а во втором – были слишком слабы и нерешительны. Диалектика объективного и субъективного в революции гораздо сложнее и отчасти мы постарались выше показать некоторые азы этой «алгебры», дополняя в меру сил опыт и теорию великих революционеров прошлых веков.

2. Социальная революция как временное торжество царства свободы. Революции как «праздник культуры»

И все же эти аспекты революций относительно известны теоретикам-социалистам. Гораздо реже (за исключением ряда критических марксистов-«шестидесятников») акцентируется другая важнейшая особенность социальных революций - феномен своего рода *«коммунистичности» любой (в том числе – буржуазной) подлинной, идущей снизу, социальной революции*. Это явление сотворения массами элементов позитивной свободы особенно харак-

⁸ Диалектика «опережающих» и «отстающих» мутаций раскрыта в наших статьях в журналах «Вопросы экономики» (2001, №12) и «Вестник Моск. Ун-та. Сер. Экономика» (2002, № 3, 4, 5).

терно для стадии революционного подъема, когда люди, ломая власть старых форм отчуждения, становятся, как мы уже сказали, на краткие исторические мгновения свободными. В этом смысле любая социальная революция есть ломка не только одной из исторически конкретных форм отчуждения (старой формации), но и **«революция против царства необходимости»**.

Более того, поскольку всякая революция (в том числе, ориентированная «всего лишь» на смену одного способа угнетения на другой, более прогрессивный) есть вместе с тем и революция против мира отчуждения в целом (кратковременное торжество царства свободы – мы ниже еще раз специально обратимся к этому вопросу), постольку *всякая революция* (в том числе и не социалистическая) *стремится сделать и объективно невозможное – хотя бы на время создать хотя бы некоторые элементы реального освобождения для трудящихся, а не только для нового господствующего класса и обеспечить простор для развития креатосферы*.

Это было характерно практически для всех великих революционных потрясений – от таких долгосрочных как *Ренессанс*, когда муки несколько преждевременного (не забудем: в Италии первая попытка прорыва к буржуазному обществу потерпела поражение) рождения негативной свободы сопровождались невиданным прогрессом креатосферы, до таких драматически-взрывных событий как *Великая французская революция*, в которой элементы борьбы за освобождение трудящихся от эксплуатации были представлены наряду с антифеодальной борьбой.

Как таковая всякая **социальная революция** (кроме, возможно, коммунистической) оказывается **имманентно обременена внутренним (первым из выделяемых нами) противоречием**: как революция против царства необходимости в целом она должна соединять [для борьбы с отчуждением] все силы освобождения и культурно-творческие силы человечества; как конкретный акт конкретной смены антагонистических способов производства она неизбежно носит конкретно-классовый характер, разделяющий общество именно по классовому признаку.

В своем первом качестве, как антитеза *всякого* отчуждения всякая *революция оказывается и антитезой мещанства* (обывательского конформизма, социально-пассивной позиции человека, с радостью подчиняющегося внешним правилам жизни и способного на озверение в случае разрушения этих привычных ограничений его существования) *как универсальной социальной формы бытия «человека отчуждения»*.

Вот почему антитеза «мещанин - революционер» так значима для понимания сути социального творчества.

Мещанин тем и отличается, что просто не видит, не слышит и не чувствует сил отчуждения, воспринимая себя-марионетку (раба профессии, капитала, должности, статуса) как единственно возможное человеческое бытие и будучи вполне удовлетворен тем, что им манипулируют, освобождая тем самым от личной ответственности за поступки.

Понимание этой связи позволяет сформулировать еще одну важную тезу, известную нам из творческого советского марксизма: *первым шагом человека к революции является осознание отчуждения как личной и социальной проблемы*, осознание (и культурно-духовное, и практическое) себя как функции, марионетки внешних, чуждых Человеку общественных сил (денег, государства и т.п.). *«Ощутить отчуждение – значит наполовину его преодолеть»*, – так афористично можно выразить эту связь, повторив здесь идеи наших предшественников-марксистов. И именно революция, сдирая с жизни (а заодно и с обывателей) ее отчужденные маски, сдирая их подчас с кожей и мясом тех, к кому они намертво приросли, оказывается наиболее радикальным (и потому наиболее ненавистным для мещанина) способом осознания того, что же такое есть мир отчуждения.

Революция как борьба с отчуждением вкупе с уже отмечавшимся феноменом объективно обусловленного «опьянения свободой» рождает (и позволяет, кстати, теоретически объяснить) хорошо известный философам истории феномен **«забегания революций вперед»**, когда освобождающие себя массы заходят чрезмерно далеко по отношению к объективным возможностям.

Отсюда, кстати, и **романтичность** всякой подлинно социально-творческой (прежде всего – революционной) деятельности, осуществляемой в условиях царства необходимости. Создавая элементы позитивной свободы, выходя из подчинения господствующим социальным формам, мотивам, ценностям (жажда денег, власти), Человек в мире отчуждения всегда оказывается «несвоевременен», романтичен. Эта романтика может быть востребована обществом (как, например, подвиги летчиков, геологов, строителей новых заводов и городов в СССР в период его расцвета); более того, власти могут даже паразитировать на этой объективной востребованности (что и делала, например, некоторое время советская номенклатура). Но он может быть и активно отторгаем, причем не только

элитой, но и омещаненным большинством общества в периоды застоя или контрреволюции.

В отличие от этих периодов *революции романтичны по самой своей природе, как «абстракции будущего»*. Будучи качественным скачком, *революции становятся эпохой* (быть может очень кратковременной – в несколько недель или месяцев, как, например, Парижская коммуна), *в которой люди живут не в длящимся настоящим, а в диалоге прошлого с будущим*, в процессе сотворения-рождения будущего, создаваемого-рождающегося здесь и сейчас. Причем в условиях слома внешних отчужденных детерминант это рождение будущего прямо и непосредственно зависит именно и прежде всего уже от самого человека, его личной способности (и способности его товарищей) видеть это будущее, жить им и в нем, подобно тому, как поэт живет в своих стихах, композитор – в музыке, педагог – в учениках... Это и делает всякого подлинного революционера романтиком, а революцию – «абстракцией будущего».

Но здесь как никогда оказывается важна и обратная сторона этой медали: снятие внешних детерминант высвобождает поле для субъективизма и волюнтаризма, а простор самореализации Человека оборачивается и необузданностью антитворчества. За этой проблемой скрыто еще одно (*второе* из отмечаемых нами) ***противоречие революции как социального творчества в мире отчуждения***: с одной стороны, она вызывает к жизни социальное действие огромных масс, призванных решать сложнейшие социально-творческие задачи, с другой – ломает все и всяческие институционально-организационные формы для столь массовой деятельности. Формы разрешения этого противоречия могут быть более или менее конструктивными в зависимости от *меры созидательности/разрушительности революции*. Ее «формулу» мы привели выше, но при этом, однако, мы хотим вновь подчеркнуть, что революция – это процесс объективный и всякие «формулы» отражают лишь некоторые законы-тенденции, устойчивые социальные связи и не могут быть использованы для арифметического вычисления результата революционных действий (хотя могут и должны служить теоретическим компасом для прокладки курса в штормящем океане революции).

Кроме того, специально оговорим еще раз, что здесь особенно важна ***мера «культурности» революции***, ибо, как мы отметили выше, именно эта мера должна ограничивать претензии ре-

волюционеров (характерно в этом отношении «отступление» Ленина к нэпу, не принятое сталинистами).

Более того, оставляемый как бы «за скобкой» в данном параграфе анализ диалектики взаимодействия процессов развития креатосферы и социального освобождения (коротко она была выражена в законе взаимообогащения прогресса культуры и социального освобождения) позволяет показать, что **социальные революции являются** не только следствием противоречия производительных сил и производственных отношений, резкого обострения классовых противоречий (что относится – и совершенно справедливо – к неустаревающим азбучным положениям марксизма), но **и взрывом перенакопленного культурного потенциала общества, сжатого до взрывоопасного состояния «старой» системой отчуждения.** Культуре (равно как и производительным силам – эти два феномена, кстати, частично пересекаются), развитие которой оказывается особенно необходимо для самосохранения старого, загнивающего общества, с одной стороны, становится тесно в прежних социальных рамках. С другой стороны, культура, креатосфера (нелинейное развитие которой есть инвариант жизни рода Человек) стремится в лице своих лучших представителей как бы к самозащите себя от агрессивного-разрушающего (или застойно-разлагающего) воздействия мира отчуждения, дозревшего до очередной революционной ситуации (я пока веду речь об объективных слагаемых последней).

Не случайно поэтому и то, что первоначальный импульс подлинной революции сначала рождается в умах «диссидентской» (и как правило творчески наиболее продуктивной) интеллигенции. Другим слагаемым этого процесса является протест творческой части общества против разрушения и подавления подлинной культуры старой системой, которая одной рукой пытается влить в свое дряхлеющее тело «кровь молодых девушек» (развивать культуру), другой тормозит все новое и прогрессивное.

Взрывающая это противоречие революция, как мощный энергетический всплеск социального творчества и анти-отчуждения, рождает тем самым и мощное поле, генерирующее потенциал для развития креатосферы. Последнее, в частности, связано с тем, что **социальная революция как революция и против отчуждения** (а не только одной из конкретных систем производственных отношений и надстройки) **есть вместе с тем и высвобождение из-под социального подчинения (хотя бы на короткое время подготовки и осуществления качественных социальных преобразований) про-**

гресса креатосферы как одной из подчиненных, но постоянно присутствующих в рамках царства необходимости «линий» развития Человека. В этом смысле мы можем сказать, что *социальная революция, в той мере, в какой она является революцией против отчуждения вообще (а не только одного из его видов) решает и «сверхзадачу» прогресса культуры – снятия отчуждения*. Очевидно в этой связи, что ***императивом коммунистической революции является снятие отношений отчуждения (как системы), открывающее простор для развития креатосферы (культуры, Человека как свободно и гармонично развивающейся личности, биосферы)***. Мера решения этой задачи революцией (в том числе – происходящей внутри царства необходимости) ***показывает и меру ее коммунистичности (а вместе с тем – культурности и гуманности)***.

Отсюда, в частности, тот всплеск культуры, которым сопровождается подлинная позитивная социальная революция – будь то Ренессанс как слагаемое буржуазной революции или пред- и после-революционный подъем культуры в России XX века.

Но всякая революция, как мы показали выше, есть и разрушение старой системы, когда «заодно» с прежней, устаревшей системой производительных сил и надстройкой революционные силы (в XVI – XIX веках – «третье сословие», в том числе – буржуазия, в XX – трудящиеся и прежде всего – пролетариат) разрушают и материальные, и культурные элементы экономической и политической систем прошлого. *В этой диалектике освобождения и разрушения – суть революции и именно мера этого соотношения (с учетом и меры реакционности, разрушительности прежней системы⁹) по-*

⁹ Так (используем наиболее очевидный пример), слом фашистской модели капитализма и обеспечение победы социал-демократической потребовали массовых человеческих жертв и привели к колоссальному разрушению материальной и духовной культуры (вплоть до массированных бомбардировок городов Германии английской авиацией и уничтожения в ядерном пожаре сотен тысяч жителей Хиросимы и Нагасаки американской «демократией»); какие из этих жертв были необходимы, а какие нет для того, чтобы остановить развертывание на Земле фашистской системы – сложный вопрос. Так же стоит вопрос и в других случаях: буржуазные революции предотвращали дальнейшее варварское угнетение человека, культуры и производства реакционными феодальными системами, но несли неисчислимые жертвы, которыми Кромвель и якобинцы оплачивали свои победы. Социалистическая революция в России стала (вкуче с революцией в Германии) условием прекращения I Мировой войны и предотвращения образования в России диктаторской модели все того же

казывает действительную прогрессивность (или реакционность, т.е. по сути контр-революционный характер) тех или иных качественных социальных преобразований. И в этом смысле мы имеем теоретически определенную меру, позволяющую отнести всякое качественное изменение общества к ряду революций (при всей их трагической неоднозначности) или контр-революций (при некотором позитивном потенциале и этих действий).

И все же всякая подлинная революция служит прогрессу культуры. Более того, мы можем сказать, что **только тот социальный качественный сдвиг («взрыв»), который способствует (1) новому скачку в развитии креатосферы, (2) рождению системы отчуждения, относительно менее антагонистичной для прогресса культуры, чем предыдущая (или, в коммунистической революции, снятию отчуждения) и (3) росту меры социального освобождения, мы можем назвать подлинной социальной революцией** (а не бунтом), **праздником не только угнетенных, но и культуры.**

Именно поэтому подлинная социальная революция, рождая временное состояние социального освобождения, притягивает к себе наиболее ищущую и творчески открытую часть интеллигенции (в то же время всасывая как мощный вихрь и массу мусора). При этом подавляются (и разрушаются) основы жизнедеятельности той части интеллигенции, кто был сращен со «старой» системой отчуждения, в чьей личности творческие качества оказались подчинены ролью привилегированного раба, обслуживающего гегемонию власти. Именно эта часть интеллигенции как правило наиболее рьяно выступает против революции (если, конечно, новая власть не успевает вовремя «прикормить» этих «деятелей»).

В то же время, всякая социальная революция в рамках царства необходимости, начинаясь как освобождение, заканчивается как торжество новой системы отчуждения и творцам приходится или подчиняться новой власти (например, при переходе к капитализму интеллигенция, уйдя от подчинения аристократии попадает в подчинение рынку, золотому тельцу); как заметил В.Межуев, интеллигенция ждет Дон Кихота, а попадает в удушающие объятия Санчо Пансы.

«военно-феодального империализма», но она же вызвала агрессию со стороны «белых» и АНТАНТЫ. Есть, однако, и другие примеры псевдо-революций (Пол-Потовская диктатура - типичный пример), в которых мера разрушения превышала меру созидания, рождая реакционные социальные системы, выступавшие под революционными знаменами.

3. Революция как творчество трудящихся

Общеизвестно, что всякая революция (в отличие от бунта или государственного переворота) поднимает к творчески-преобразовательной, созидательной деятельности широкие слои трудящихся, возвышая их до совместных сознательных, позитивных действий. Причем, чем глубже преобразования, тем более масштабные и организованные действия оказываются востребованы историей. Не случайно поэтому *революции поднимают до творческой деятельности (и культурной, и социальной) столь широкий круг новаторов из «низов»* (так, например, большая часть культуры Ренессанса, Просвещения и других периодов буржуазных революций была создана именно представителями угнетенного третьего сословия) и оказываются праздником именно **угнетенных**. Именно для них революция становится праздником. Причем не просто карнавалом (вспомним Рабле и его замечательную трактовку в книге Бахтина), но пространством и временем высвобождения из под власти угнетения и возвышения до самостоятельного творения новых отношений, когда *трудящиеся могут на деле почувствовать свою созидательную мощь, доказав практически свою способность самим стать достойными хозяевами общественной жизни*.

В результате не только творческая часть общества (о ее противоречивом положении в революции и отношении к революции – ниже), но и «рядовые» трудящиеся в революции преодолевают узкие границы своего отчужденного производственно-экономического бытия (статус частичного наемного работника, функции общественного разделения труда и капитала, например), вступая в сферу отношений самоорганизации (пусть в ряде случаев и стихийной), становясь субъектами непосредственного социального творчества (в условиях революций, совершаемых в рамках царства необходимости – преимущественно в формах политической борьбы). В результате именно (а в рамках царства необходимости - только) **революция делает «простого» человека творцом**.

В революциях ранее никому не известные рядовые граждане (особенно – молодежь) творят кажущиеся чудесами, невозможные в обычных условиях вещи, именно потому, что в эти периоды кратковременного разрушения власти отчуждения они скидывают с себя порабащивающие человека внешние оковы (государства, денег, традиций), снимают устоявшиеся стереотипы (когда каждый человек заранее и точно знает, что члену такой-то страты в такие-то

годы позволено то-то, а нечто иное не было и не будет позволено никогда), свободно совершают то, что еще вчера казалось совершенно невозможным (и оно действительно было невозможно, но не потому, что человек не мог этого совершить, а потому, что это не позволяли совершить устоявшиеся социальные формы). *Революция срывает социальные наряды*, обнажает всех – королей и нищих, – так что всякому становится видно, на что действительно способна данная Личность, а не ее социальный мундир. Она *открывает дорогу дремлющим в каждом человеке талантам*, ибо в ее мире каждый оценивается по его личностным способностям, поступкам, а не по социальной роли (дворянина или серва, миллионера или нищего).

То, что выше мы назвали «родовой сущностью Человека», в революции получает свое наиболее полное (из возможных в мире отчуждения) воплощение и социальная «немота» (Д.Лукач) человека сменяется широчайшим и молниеносным распространением чувства Человека. Выражаясь языком Лукача, можно сказать, что *в революции вековая мечта человека об обретении своей родовой сущности* (не только о справедливости, но и обретении человеческого достоинства - вспомним сказанное выше о роли культуры, в частности, трагедии, как силы, сохраняющей и передающей гуманизм из поколения в поколение, от страны к стране) *не просто реализуется в практических действиях, но и становится (как и самая культура) важнейшим фактором революционных сдвигов*¹⁰.

Более того, революция не только открывает дорогу талантам; в условиях радикальной ломки старой системы и революционного созидания основ новой, в вихре несущегося с необычайной скоростью социального времени, *талантливые, неординарные (подчас героические) личности и поступки оказываются востребованы обществом в массовом масштабе*. Соединяясь с возможностями свободной, а не навязанной извне силами отчуждения самоорганизации, объединения в ассоциации и союзы, эта атмосфера пробуждения и востребованности талантов вызывает к жизни в людях такие качества, которые потрясают обывателя десятилетия и столетия спустя, рождают поколения личностей на удивление сильных, талантливых, привлекательных – *титанов* в полном смысле этого слова (как тут не вспомнить «ленинскую гвардию» - когорту людей, творивших – будучи «рядовыми» интеллигентами или рабочими – то, что было не под силу лучшим профессионалам

¹⁰ См.: Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991, с. 273.

эпохи, вызывавших восхищение и трепет, поражавших своими человеческими качествами даже после сталинских лагерей¹¹).

Другое дело, что *угнетенные классы так же двойственны, как и творческая интеллигенция. В массах* (будь то «третье сословие» в буржуазной революции или пролетариат в ранне-социалистической) *скрыты, как мы показали выше, мощные оппозиции раба-слуги системы отчуждения и социального творца. Революция предельно обнажает это противоречие*, открывая простор для энергии (в том числе – разрушительной) как созидателю, так и обывателю-разрушителю, взбешенному ужасами прежней системы (как тут не вспомнить известный тезис о кошмарах, которые способен сотворить «взбешенный ужасами капитализма мелкий буржуа»). При этом снятие жестких социальных ограничений с обывателя в условиях разрушения не только внешних институтов, но и устоявшихся нравственных норм превращает конформистскую часть трудящихся (в капиталистическую эпоху – прежде всего мелкую буржуазию) в «хама».

«Хам» - это раб, который, во-первых, не способен к самостоятельным действиям по созиданию новых социальных отношений. в силу (1) не преодоленного (в-себе и для-себя) социально-подчиненного состояния, (2) атомистичности (социальной не организованности) и (3) бескультурности, хотя не обязательно безграмотности. Во-вторых, это раб, который активно отвергает и даже разрушает все то, что не вписывается в рамки установленного (сформировавшими его правилами) миропорядка (а этим миропорядком могут быть и законы сталинского доносительства, и рыночного фундаментализма).

В условиях революции, когда установленный миропорядок рухнет на глазах у звереющего от этого хама, все это вкуче вызывает у него неспособность к самоориентации и провоцирует *стремление хама одновременно и к хаотически-разрушительным действиям (бандитизму и уголовщине), и к власти твердой руки.*

¹¹ Кому-то, быть может, захочется добавить: «которые они же и вызвали к жизни». Что ж, это законная постановка проблемы. Известно, что революция, оборачиваясь термидором, часто пожирает своих творцов. К анализу этого феномена мы еще вернемся, а сейчас заметим, что его принципиальное объяснение уже было дано: характеризуя мутантный социализм, мы отметили, что в условиях недостаточных предпосылок социальное творчество может рождать и как правило рождает мутантные социумы, в которых происходит частичное разрушение прогрессивного потенциала революций.

Именно такого обывателя-мещанина, «взбесившегося» от неопределенности и противоречий революций, от необходимости (но неспособности) самостоятельно, сознательно, со знанием дела принимать решения и действовать, мы можем назвать «хамом».

И я готов согласиться с российской интеллигенцией в том, что этот хам - величайший враг культуры и общества, и что революция (среди прочего) временно оставляет этого хама вне социальной узды. Но я категорически не согласен с теми, кто видит в революционных массах только и прежде всего хамство. И дело здесь не только в том, что революция тем и отличается от бунта, что в ней лидирует сознательный социально-творческий (т.е. культурный и самоорганизованный) субъект, но и в том, что *освобожденная от порабоощающей личность опеки* (причем не только подкормки, но и идейных помочей) *правлящих кругов «элитарная» интеллигенция точно так же «хамеет»* (что, впрочем, отнюдь не удивительно: по своему социальному статусу она является верхним слоем конформистов, занятых в сфере духовного производства, например, мелких буржуа).

Она «бесится» от необходимости самостоятельно решать все свои проблемы (от идейно-нравственной ориентации в незнакомом для нее мире, где нет «верхов» и «низов», до необходимости зарабатывать на хлеб) и угрозы потери своих материальных и духовных (как же, мы же «духовные отцы нации»!) привилегий. Вот почему она превращается в «хама» ничуть не в меньшей степени, чем «некультурный» обыватель. И эти два хама, вначале испугавшись и возненавидев друг друга («бей тех, кто в шляпе!»; «быдло – на виселицу!») очень быстро находят друг друга в общей жажде скорейшего установления власти твердой руки. При этом «элитные» интеллигенты подчас не просто хамеют, но озверевают в своем призыве к уничтожению революции, а заодно и культуры (достаточно вспомнить лютую ненависть многих «интеллигентов» к Блоку, Маяковскому и многим другим деятелям культуры, доходившую до призывов их прямого уничтожения, поддержку со стороны ряда эмигрантов-«интеллигентов» немецкого фашизма, уничтожавшего целые народы, не говоря уже о памятниках культуры – перечень легко продолжить...¹²).

В этом смысле мы можем с полной ответственностью сказать, что «хам» (в том двояком смысле, который был раскрыт

¹² Весьма интересны в этой связи заметки М.И. Воейкова о социально-политических воззрениях В. Розанова и И. Бунина (См.: «Альтернативы», 2001, №2, с. 227-230)

выше) *есть действительно главная опасность всякой революции и культуры. Именно поэтому двойственность масс (интеллигенции) в революции (субъект социального творчества – «хам») есть глубочайшее и опаснейшее противоречие*, разрешение которого возможно в той мере, в какой революция выдавливает из трудящихся (в том числе, намеренно повторю, – интеллигенции) не просто раба, но и хама, помогая им осознано трансформировать самих себя в творцов нового общества и культуры, условием чего, как мы уже писали выше, является интеграция сил революции и культуры.

4. Революции как локомотивы истории. Революции и реформы

Будучи особым миром социального творчества, [временным – если мы говорим о социальных революциях в рамках царства необходимости] торжеством социальной свободы, революция рождает особый тип социального времени и пространства. *Мощные выбросы энергии революционного творчества массового субъекта спрессовывает социальное пространство и время, существенно меняя их конфигурацию.*

В течение нескольких дней или месяцев в революционные периоды происходит столько исторических событий, сколько не случается за десятилетия застоя или стагнации. *Время революции как время непосредственного социального творчества несетя необычайно быстро*, требуя от участников этого процесса столь же быстрой и точной, самостоятельной творческой (и в этом смысле – обязательно *талантливой*) реакции (выше я особо отметил, что в условиях революций человеческие таланты оказываются востребованы в массовых масштабах, ибо *истории, которая так же как и природа не терпит пустоты, в условиях слома старой системы требуются – и в массовых масштабах – творцы новых общественных форм*; в этом величие и опасность этих эпох).

Не менее радикально изменяется и социальное пространство: *революция спрессовывает субъектов социального творчества в единый интернациональный мир*, где рабочие и крестьяне не только крупнейших стран, но и деревень в глухих районах других континентов (и это, заметим, в эпохи, крайне далекие от информационной эры) не просто узнают о революции (в Петрограде или Париже), но и готовы своими действиями поддержать товарищей по борьбе. В этих условиях *центр и периферия существенно*

меняют свою конфигурацию; зачастую вообще преодолевается периферийность и на маленьких окраинах «цивилизованного мира» (таких, например, как Куба в конце 50-х годов XX века) происходят события, потрясающие весь мир. В результате спрессованное в пространстве и во времени социальное творчество миллионов людей (до и после революции, в «обычные» эпохи рассеянное по миру и истории) вызывает к жизни огромные общественные силы, порождая чрезвычайную насыщенность этих кратких эпох взаимосвязанными событиями и изменениями.

*В условиях социальных революций историческое время несутся необычайно быстро, а пространство спрессовывается, сокращая социальные дистанции между людьми, классами и государствами, ибо здесь действуют законы непосредственного социального творчества, когда для созидания новых общественных отношений используется энергия (1) широких масс, а не узкого слоя элиты, и (2) эта энергия направляется на творение истории прямо и непосредственно (вне барьеров отчуждения). Именно поэтому революции становятся **«локомотивами истории»**. Именно социальные революции оказываются пространством и временем максимального (в рамках царства необходимости) продвижения человечества по пути социального освобождения. Революции, подчеркивая это вновь, оказываются теми уникальными периодами предыстории, когда люди сами, непосредственно, на глазах у ошеломленных обывателей создают новые общественные отношения и оформляющие их институты: новые отношения собственности и распределения, новые формы организации труда и политической жизни. В течение дней и даже часов создаются общественные феномены, навечно остающиеся в истории - Декларация прав человека, Советы рабочих и крестьянских депутатов и тысячи других...*

Но это происходит только в той мере, в какой эти действия не вырождаются в активизм и волюнтаристическое насилие. Между тем на практике в той или иной мере (а для нас объективно важна именно эта мера) все имевшие место в истории революции «переболели» этой заразой вырождения; все – от крестьянских войн в Европе до Войны за независимость в Северной Америке, от Великой французской до Великой октябрьской революции - и истории еще предстоит рассудить, где была, а где не была перейдена та качественная грань, за которой революция вырождается в бунт, где перегретый пар взрывает «локомотив истории», неся разрушения, жертвы и социальный регресс. Но как угроза взрыва локомотивов не могла остановить процесс развития железных дорог, так и угроза

вырождения революций не может остановить прогрессивных изменений, непосредственно и прямо совершаемых трудящимися на пути к царству свободы.

А что же **реформы**? Можно ли их квалифицировать как социальное творчество, шаги к освобождению Человека? Опять же оставляя в стороне раскрытые автором в предшествующих публикациях политические аспекты проблемы, ограничусь лишь одной социо-философской ремаркой. В рамках царства необходимости на этапе, который я назвал «закатом» этой системы, с необходимостью появляются феномены, которые, с одной стороны, подрывают системное качество мира отчуждения, а с другой, как бы добавляют ему новую, молодую кровь, помогая найти ответ на тот вызов, который бросают старому миру им же самим вызванные к жизни силы научно-технического и социального прогресса. Этой «новой кровью» и становятся элементы ассоциированного социального творчества, которые, «вливаясь в старое тело», приобретают вид реформистских переходных отношений, соединяя черты отчуждения (власть рынка, капитала, бюрократии и т.п.) и социального творчества. Именно такими переходными формами, как я уже заметил, является, в частности, большинство современных общественных организаций, движений и союзов, несомненно способствующих процессу социального освобождения, но в весьма узких рамках и весьма противоречиво.

Суммируя основные тезисы второй главы, можно сделать вывод, что **основными предпосылками, которые подводят человечество вплотную к великой эпохе перехода из царства необходимости в царство свободы**, являющееся прямым наследником и адекватной формой прогресса и креатосферы, и социального творчества **становятся**:

1. *рост производительности труда и материального богатства, прогресс производительных сил*, создающие необходимые основы для социального освобождения; и в этом смысле все трудящиеся, независимо от их субъективного отношения к прогрессу свободы, являются созидателями материального фундамента последнего;

2. *прогресс креатосферы*, являющийся, с одной стороны, импульсом повышения производительности труда, прогресса производительных сил, в конечном счете - прогресса личностных качеств человека (развития его родовой сущности), вплотную подводящих к необходимости скачка «по ту сторону» материального производства, к превращению творческого труда в основной фактор раз-

вития, а с другой – основой «культурности», созидательной позитивности будущих социальных преобразований, своеобразной «прививкой» против активизма и чрезмерной гносеологической гордыни, условием адекватного постижения законов истории; и в силу этого, все культурно-творческие силы общества, кто созидает на протяжении тысячелетий мир креатосферы, так же служат делу освобождения Человека;

3. *борьба за социальное освобождение* (идущая через серию реформ и революций к негативной свободе и далее - классовый борьбу пролетариата); пройдя ряд ступеней, она приводит к образованию переходных форм самоорганизации трудящихся и граждан и, в конечном счете, ведет к формированию субъекта ассоциированного социального творчества, непосредственно совершающего подвиг социального освобождения - **коммунистическую социальную революцию**; вот почему все подлинные революционеры и реформаторы, борцы за справедливость и свободу («Гренада, Гренада, Гренада моя...») стоят в едином строю тех, кто совершали эту революцию.

Именно в коммунистической революции – в процессе качественной трансформации царства необходимости в царство свободы, который займет, возможно, долгие десятилетия, если не более - *силам освобождения действительно нечего терять, кроме целей отчуждения* (и не потому, что они бедны, а потому, что они превращают в этой революции материальное богатство из самоцели в средство и предпосылку прогресса Человека). Именно в ней они действительно *обретут весь мир* (опять же не потому, что установят всемирную диктатуру, но потому, что откроют дорогу развитию ассоциированного социального творчества, позволяющего Человеку обрести *мир подлинной свободы*, а значит - мир Добра, Истины и Красоты), наследуя развитие всего богатства культуры, накопленного человечеством; и именно с этого момента развитие родовой сущности человека будет происходить в адекватных формах, знаменующих переход от предьистории к истории Человечества.

Этот новый мир, по дороге к которому мы уже идем, несмотря на все зигзаги пути, будет отнюдь не раем с вечно комфортным существованием всех и каждого. *Царство свободы - мир креатосферы и социального творчества - будет сузубо противоречив* (выше мы немало писали об этих противоречиях). Более того, как и всякая диалектическая система, оно будет *исторически ограничено*, на определенном этапе «умирая» и освобождая пространство новому обществу, о котором нам сейчас еще рано говорить. Еще

более жестко-противоречивым будет период рождения царства свободы – процесс формального освобождения и путь к нему («социализм»). Вот почему мы не рисуем утопическую картину райского мира с молочными реками и кисельными берегами. Автор исследовал объективные и субъективные предпосылки рождения нового мира, противоречия, делающие его рождение неизбежным и социальные силы, делающие его генезис возможным. Рождение царства свободы – это не телеологическая установка или следствие нормативного подхода к действительности, а вывод позитивного диалектико-материалистического исследования противоречий и закономерностей развития царства необходимости, капиталистического способа производства и его современной формы – глобальной гегемонии капитала, - исследование, которое марксизм ведет без малого два столетия и который ныне продолжили автор в книге «Глобальный капитал».

Насколько это исследование доказательно – судить читателю. Но это в любом случае не формула веры авторов. Это «формула» развития объективных тенденций материального производства, отношений отчуждения, креатосферы, практической и духовной борьбы Человека за свое освобождение. Вот почему мы можем, перефразируя К.Маркса и Ф.Энгельса, сказать, что ***мир отчуждения в силу своих внутренних противоречий сам создает материальные и культурные основы своего снятия и вызывает к жизни социальные силы, своих «могильщиков».***

* * *

Эпоха непосредственного перехода к царству свободы, эпоха социалистических преобразований началась в 1917 году в России, но она впитала в себя подвиги, ошибки, кровь, пот и вдохновение известных всему миру и неизвестных никому реформаторов и революционеров; ученых, художников и педагогов; великих мыслителей и «рядовых» новаторов-тружеников... Она породила великие достижения социального творчества и чудовищных мутантов; она стала основой невиданного всплеска культуры и страшных преступлений против Человека...

Мы только начали движение. Величайшему в истории человечества восхождению еще предстоит вступить в решающую фазу. Пока что, на рубеже XX - XXI веков мы переживаем откат, реванш мира отчуждения. Но уже сегодня, анализируя пределы царства необходимости, противоречия его высшей ступени (позднего капи-

тализма), характерные для нынешних переходных форм роста будущего, достижения и ошибки (преступления?) мутантного социализма - обобщая все это мы можем сформулировать известный творческим марксистам **закон-тенденцию возвышения свободы: нелинейного прогресса материальных, культурных и социально-творческих предпосылок царства свободы** и прогнозировать реально видимые черты будущего царства свободы.

Но эти черты – тема другого исследования.

Социализм и Россия

Под таким названием в этом году в издательстве УРСС вышла в свет книга члена редколлегии журнала «Альтернативы» д.ф.н., профессора МПГУ Славина Бориса Федоровича, который известен нашим читателям по своим многочисленным публикациям. В этом номере журнала мы публикуем введение к названной книге, в котором, по мнению редколлегии, поднят ряд принципиальных методологических и теоретических вопросов, представляющих определенный интерес для читателя.

В начале третьего тысячелетия призрак социализма вновь появился на горизонте капиталистической действительности как возможная и реальная альтернатива решения существующих проблем человечества.

Факты прошлой и современной истории упрямо свидетельствуют, что действительность буржуазного общества за столетия своего существования так и не сумела снять ключевое противоречие между трудом и капиталом: максимум, что ей удалось – это смягчить и модифицировать его в развитых странах мира. Одновременно современный капитализм породил новые проблемы, связанные с острыми противоречиями процесса глобализации, международным терроризмом, экологической безопасностью населения земли, растущим антагонизмом между Севером и Югом, социальной незащищенностью эмигрантов в развитых странах, трагедией народов Югославии и Ирака, двукратным падением жизненного уровня народов России. Нет никакой уверенности, что капитал, в принципе, может решить эти или подобные проблемы. Там, где есть корыстные интересы наживы, - страдания простых людей будут продолжаться.

Вместе с тем, продолжается и нарастает борьба против власти капитала. В последнее время в Америке и Европе все большую силу набирают акции, направленные против политики капиталистической глобализации, проводимой МВФ и другими международными финансовыми и политическими организациями. Достаточно вспомнить в этой связи мощное выступление аргентинского народа против неолиберальной политики властей, многочисленные демонстрации антиглобалистов, прошедшие под антикапиталистиче-

скими лозунгами в Генуе, Сиэтле, Праге, Порто-Алегре, Флоренции и других городах мира.

Как и прежде забастовки рабочих, фермеров, транспортников продолжают потрясать страны развитого капитализма.

Аналогичное происходит и в новой буржуазной России, где постоянно требуют улучшения условий труда шахтеры, повышения зарплаты авиадиспетчеры, а горожане солидарно выступают против попыток правительства переложить на плечи населения тяготы коммунальной реформы. О желании взять предприятия в собственность все чаще высказываются трудовые коллективы. Антикапиталистические акции энергично проводит российская молодежь. Ее внушительные демонстрации в Москве в последние два года стали для властей полной неожиданностью. Одним словом, современная история подтверждает старую истину: *пока жив капитализм будет жить и социализм, как его порождение и отрицание.*

Опыт и логика истории показывает, что только строй, опирающийся на власть человека труда, на бескорыстные интересы народных масс может решить острейшие проблемы эксплуатации одной частью общества другой, ликвидировать разрыв между уровнем жизни народов Севера и Юга, создать нормальную среду обитания, прекратить террор и насилие, установить мир на земле. Таким общественным строем и является социализм, призванный историей преодолеть на практике отчуждение трудящихся от собственности, власти и культуры, решить, казалось, неразрешимые социально-экономические, национальные и духовные противоречия современного буржуазного общества.

Особенно нуждается в социализме современная Россия, переживающая второе пришествие капитала. Чем глубже буржуазные отношения входят в плоть российской действительности с ее атрибутами поклонения «золотому тельцу», общественного неравенства, непрекращающихся национальных и социальных конфликтов, безработицы и низкопробной массовой культуры, тем больше людей поворачиваются к социализму с его идеалами свободы, справедливости, солидарности, равенства и интернационализма.

По мере становления и укрепления капитализма в России усиливается его неприятие трудящимися. По данным социологов более половины россиян сегодня негативно оценивают «плоды» радикальных неолиберальных реформ. При этом некоторые из них требуют невозможного: вернуться в прежний сугубо бюрократический советский социализм, лишь бы были осуществлены государ-

ственные гарантии трудовой занятости, регулярной выдачи зарплаты и социальной защищенности

Наука видит в социализме такое общество, в котором власть принадлежит трудящимся и служит удовлетворению их интересов. К сожалению, бывшая советская власть на практике, не всегда выражала и удовлетворяла эти интересы. Мало того, она нередко направлялась против них: незаконные массовые репрессии в сталинские времена, нарушение социальной справедливости и двойная мораль в брежневскую эпоху, неумение вовремя оседлать научно-техническую революцию и поднять жизненный уровень народа в восьмидесятые годы подтверждают это. Именно эти негативные явления послужили, в конечном счете, причиной ее крушения в начале девяностых годов.

Тем не менее, нельзя сбрасывать со счетов те завоевания трудящихся, которые были рождены Октябрьской революцией и наглядно проявились в ликвидации остатков средневековья и социально-экономического неравенства, в решении проблемы трудовой занятости и удовлетворении основных потребностей населения, индустриализации и создании стабильной системы социальной защиты, в массовом образовании, передовой науке и культуре. Эти завоевания трудящихся до сих пор во многом продолжают стабилизировать политическую обстановку в России, во второй раз переживающей первоначальное накопление капитала со всеми вытекающими отсюда негативными, а иногда и трагическими последствиями.

Умение видеть противоречивость реального капитализма и социализма, их сильные и слабые стороны дает возможность правильно наметить линию в спорах о прогрессивности социалистической идеи.

В начале девяностых годов прошлого века сторонники буржуазных преобразований в России утверждали, что «социализм умер» и «никакого второго дыхания» у него не будет. Сегодня мы видим, что «слухи о его смерти» были большим преувеличением. Подтверждением этому служат не только миллионы людей, отдающих свои голоса за левые партии в странах капитала, не только успехи социалистического строительства в Китае, но и признания самих представителей правящей элиты в России, вынужденных говорить о преимуществах «социал-демократической идеи» и «социал-демократической сущности общества».

Не смотря на подобные высказывания и декларированные в Конституции идеологический плюрализм и свободу слова, неприятие левых взглядов в официозных средствах массовой информа-

ции является характерной чертой политической жизни современной России. Это во многом затрудняет распространение социалистической идеологии, приобщение к ней широких слоев общества. Однако это обстоятельство не должно мешать ее современному критическому осмыслению, обновлению и развитию. Напротив, только такой подход к истории и теории социализма может привлечь новые поколения россиян к левым ценностям и идеалам.

Прежде всего, нельзя понять исторический оптимизм сторонников левой идеологии, не разобравшись в сути социалистической идеи. Что же собой представляет идея социализма в ее философской и научной аутентичности? Каковы ее характерные признаки? Как ее следует понимать после крушения реального социализма в СССР и странах Восточной Европы? Какие изменения происходят с ней в современную эпоху глобализации и информатизации общества? Наконец, на каких теоретических и методологических основах базируется ее современная критика? На эти и другие вопросы я пытаюсь ответить настоящей книгой, куда включены мои статьи разных лет.

Содержание данной книги пронизано одним стремлением – не дать совершиться исторической несправедливости, когда идейное невежество, опирающееся на политическую конъюнктуру и мнимые истины, пытается бросить тень на истины и идеалы, выработанными лучшими представителями человечества.

Надо прямо сказать, что на рубеже восьмидесятых и девяностых годов двадцатого столетия было не просто отстаивать в России историческую правоту социалистических идеалов, ибо действительность сошедшего с исторической арены советского социализма явно проигрывала реальности развитых капиталистических стран по многим параметрам качества и уровня жизни простых людей. А то, что было хорошего в нем, либо не замечалось, либо считалось само собой разумеющимся. Тогда считали (а некоторые считают и сегодня), что утверждение капитализма в России породит чудо, и все мы в одночасье окажемся в обществе благоденствия и стабильности. И так думали не только простые люди, но и ученые, и политики вроде Бориса Ельцина, раскаявшегося в этом публично лишь в конце своей политической карьеры.

В этой связи вспоминаются гимны капитализму, пропетые такими экономистами, как В. Селюнин, Л. Пияшева, Е. Гайдар и др. Вздорность и ангажированность этих гимнов была очевидна уже тогда многим трезво мыслящим обществоведам. Исключение составляли лишь те доморощенные «неистовые ревнители» либерализма

из бывших идеологов КПСС, которые до сих пор не хотят понять, что «цивилизованный капитализм» не может появиться в России в одночасье. Да и «цивилизованность» его во многом не выдерживает объективной критики. Чтобы лишний раз убедиться в этом, достаточно посмотреть на последствия цивилизаторской миссии данного капитализма в Аргентине или Венесуэле. Попытка же насадить его в стране, которая когда-то от этого исторического пути отказалась, приводит на практике только к хроническому всеобщему кризису, если не к катастрофе.

Характерны в этом отношении слова одного известного экономиста из плеяды новоиспеченных ревнителей неолиберальных реформ в России, который утверждал, что в ходе этих реформ возможен и «летальный исход» общества. Во многом подобный исход сегодня переживает российский народ, продолжающий сокращаться с каждым годом на сотни тысяч человек. Сделав в начале девяностых годов ложный выбор между «идеалами» и «интересами», он в итоге растерял не только социалистические, но и общечеловеческие идеалы, и до сих пор не может удовлетворить свои насущные жизненные интересы.

Конечно, большинство людей уже не помнит тех, кто первыми ратовал за проведение радикальных реформ, принесших так много горя и слез. Где сегодня те экономисты и идеологи, которые с пеной у рта доказывали, например, прелести всеобщей «либерализации цен» и необходимость повальной «ваучерной приватизации»? Где те политики, которые во имя «светлого капиталистического завтра» применили к народу метод «шоковой терапии», который используется в практике лечения душевнобольных? Где они все? Иных уж нет, а те далече... продолжают доказывать, что их неправильно поняли. Характерны в этом отношении покаянные письма одного из ведущих олигархов, признавшего воровской характер приватизации в России и призвавшего своих коллег по бизнесу «поделиться с народом» своими несправедливо нажитыми богатствами. Вместе с тем, не следует думать, что подобные откровения отдельных олигархов, как и столкновение россиян с реальностью варварского капитализма может окончательно выбить почву из под ног тех, кто идейно обосновывал его приход в Россию. Все это лишь ослабляет их влияние, но не меняет объективный социально политический и идейной ситуации в стране: пока жив капитализм, его идейные защитники будут иметь работу.

С концом «эпохи Ельцина» и приходом к власти второго российского президента, многие идеологи неолиберализма быстро

сменили свой мягкий демократический костюм на жесткий мундир сторонников авторитарных и даже тоталитарных форм управления страной. В последнее время все чаще в официозных СМИ звучат ностальгические воспоминания по временам Пиночета и даже Сталина, являющиеся, по-видимому, отголосками того, что думают за кремлевскими стенами различные политические технологи о так называемом «порядке» и «управляемой демократии» в обществе. Сохраняются, к сожалению, и массовые иллюзии на этот счет.

Тем не менее, думать что продолжающийся неолиберальный курс, оплодотворенный политикой державного авторитаризма, приведет нас к цивилизованному демократическому обществу, значит ничего не понимать ни в экономике, ни в политике. Российский авторитаризм в форме «либеральной империи» или прямого усиления власти президента может лишь более «эффективно» защитить награбленные за предшествующие десять лет капиталы новой буржуазии (не поэтому ли и вызван к жизни?), но он никогда не приведет к социальной стабильности и демократии. Уже сегодня он порождает и оживляет старые страхи тоталитарного прошлого, ведет ко всеобщей подозрительности, а иногда и доноситељству.

Если авторитарный режим станет господствующей тенденцией в России, безусловно, усилится идейная борьба и нетерпимость, возродится ушедший на время в тень воинствующий антисоциализм и антимарксизм. Нечто подобное уже имело место в телевизионных передачах и на страницах некоторых право - радикальных газет в ходе последних парламентских и президентских выборов. В частности, снова зазвучали призывы к «раскаянию коммунистов» и запрету социалистической и коммунистической идеологии. Подобные призывы время от времени возникают и в стенах Государственной думы. Новым подтверждением этому стало голосование думцев, фактически запрещающее демонстрации и митинги около административных зданий. Лишь под давлением общественности инициаторы данного закона вынуждены были отступить. Все это напоминает мне атмосферу начала девяностых годов XX века. Цель создания подобной атмосферы очевидна: канализировать и направить недовольство людей ходом неолиберальных реформ против левых сил, критически настроенных к власти.

Пойдет ли по этому пути нынешняя президентская власть покажет время, однако, в любом случае нельзя думать, что при авторитарном правлении будет больше политической и духовной свободы. Напротив: ее станет намного меньше. Это уже проявилось в запрете на проведение референдума, в «выстраивании» послуш-

ной властям партийной системы, в появившейся практике уничтожения «ненужных» и «вредных» книг и т.д. Есть также все основания говорить, что господствующая неолиберальная идеология в России постепенно трансформируется в консервативно-державную и право-радикальную идеологию. Все более модным идейным течением становится «либеральный» или «социальный консерватизм». Наиболее характерные проявления этого можно найти в фактах проникновения религии в школу, в возрождении символов царской России, в соответствующих публикациях «Известий», «Литературной газеты», «Гражданина» и др. газет. Знаменательно, что после провала «правых» на последних парламентских выборах правящая партия «Единая Россия» стала называть себя право-центристской организацией, не смотря на то, что еще недавно она выражала желание вступить в Социнтерн. Такая идейная трансформация политических сил в стране может привести к усилению антисоциалистической направленности господствующего режима власти. Продолжает оставаться в силе и социальный заказ капитала – идейно оправдывать его «неизменно прогрессивную» миссию в человеческом обществе.

В стремлении доказать непреходящий характер капиталистических отношений и соответствующих им либеральных ценностей во многом проявляется идейный пафос многих критиков социалистической идеи, включая модных ныне в России Карла Поппера, Раймона Арона и Френсиса Фукуямы. К сожалению, некоторые «друзья» этой идеи из современного коммунистического движения, исповедуя догматические взгляды сталинской школы фальсификации марксизма, постоянно дают повод профессиональным антимарксистам для враждебной и примитивной трактовки теории и истории социализма. Здесь классовая ангажированность одних дополняется невежеством других. Одной из целей настоящей книги является критика как той, так и другой стороны.

Формат введения не позволяет разобрать все аргументы, направленные против актуальности идеи социализма, провести четкую грань между мнимыми и подлинными взглядами на нее. Это задача всей книги, и не только ее одной. Ниже я ограничусь лишь критикой наиболее существенных методологических подходов, которые взяты на вооружение современной антимарксистской мыслью, пытающейся дискредитировать идею социализма.

В этой связи, целесообразно сначала прояснить такие важнейшие понятия и категории обществоведения как «идея» и «иде-

ал». Без них трудно понять, в чем заключается суть социализма, его историческая возможность и осуществимость.

На первый взгляд, такая постановка вопроса кажется абстрактной, т.е. слишком общей, но это только «на первый взгляд». На самом деле нет ничего более конкретного, чем общие понятия в их содержательной, материалистической интерпретации. Дело в том, что многие исследователи и философы считают «идею» и «идеал» понятиями сугубо психологическими и формальными. Так, в ныне модном, кантовском понимании идеал считается недостижимой нормой, находящейся только в сознании человека, но никак не в реальности. Реальность может приближаться или отдаляться от этой нормы, но никогда с ней не совпадает. Отсюда делается непосредственный вывод о недостижимости социалистических идеалов, которые похожи на воображаемую линию горизонта, которая, сколь бы к ней ни пытались приблизиться, все время удаляется. Именно так в свое время трактовали социалистический идеал ныне модные русские критики марксизма неокантовцы П. Новгородцев и Б. Вышеславцев, (См.: Новгородцев П. Об общественном идеале. Вып. 1., М., 1917; Вышеславцев Б.П.. Философская нищета марксизма. Франкфурт на Майне, 1957). В том же духе его трактуют сторонники современного этического социализма на Западе. (См.: Вилли Айхлер. Этический реализм и социальная демократия. М.: Антал, 1996 и др.).

С материалистической точки зрения в понятии «идеал» фиксируется сугубо реальное, земное содержание. Он, по сути дела, есть образ, или отражение в человеческом сознании того или иного явления природы или общества, находящегося в развитом (совершенном) состоянии. Идеал есть образ (образец), созданный природой, обществом или человеческой деятельностью, имеющей всеобщее значение. Признак всеобщности – характерный признак любого идеала. Всеобщей идеальной природой обладает и цветок, и животное, и человек, и общество.

Что касается понятия «идея», то оно означает синтез идеальной цели (идеала) и различных путей ее осуществления в жизни. Так социалистическая идея есть не только образ будущего социалистического общества, но и указание конкретных способов его осуществления на практике.

Идеал, оторванный от жизни, есть иллюзия жизни. Идея без понимания конкретных путей ее практической реализации есть утопия. Я называю социальным идеалом разумное или совершенное устройство общества, отвечающее интересам различных социаль-

ных групп или всего человечества. Социальный идеал – это форма общества на высшей стадии его развития. В нем в определенной степени сняты исторически существующие общественные противоречия.

Говоря о социалистическом идеале, я имею ввиду, прежде всего, образ такого общества, где труд властвует над капиталом в отличие от классического буржуазного общества, где капитал господствует над трудом. Что касается социалистической идеи, то я включаю в ее содержание и устройство нового общества, и ее социальных носителей – трудящихся, и методы ее практического осуществления: эволюционные или революционные, мирные или насильственные. В литературе понятие «социализм», часто связывается, только с господством общественной собственности на средства производства. Такое узкое понимание будущего общества явно недостаточно. Оно носит сугубо экономический характер. Маркс, напротив, отождествлял социализм с переходом к гуманистическому обществу, где экономика становится не целью, а средством социального развития. В нем начинает исчезать всякое отчуждение, свойственное прошлой истории, и человек возвращается к себе как человеку общественному. Здесь люди постепенно перестают противостоять друг другу как враждебные классовые индивиды. Они начинают дополнять и творить друг друга как свободные существа, наделенные разумом и сердцем. В этом обществе прошлое перестает господствовать над настоящим, и люди начинают сознательно творить свою историю, подчиняя себе вещи и общественные отношения.

Могут спросить, образ какой же реальности содержится, например, в социалистическом идеале, если социализм – это общество будущего? Ответ может быть только один: социализм подготавливается всей предшествующей историей. В форме конкретного зародыша он появляется при капитализме в многочисленных фактах автоматизации производства, в попытках сознательного планирования и управления экономикой, в конкретных процессах ликвидации наемничества (в частности, на предприятиях с собственностью работников), в различных акционерных обществах и самоуправляющихся кооперативах, которые, по мысли Маркса и Ф. Энгельса, делают «лишними» буржуа и являются своеобразным «отрицанием капитализма в рамках капитализма», наконец в нарастании и повышении роли творческих и информационных процессов в жизни общества. Наряду с этим, для понимания будущего также нельзя сбрасывать со счетов тот положительный опыт социалистиче-

ского строительства, который накоплен в странах реального социализма, как бывших, так и ныне существующих.

Может быть, наиболее популярным доказательством несостоятельности социалистической идеи является стремление буржуазных идеологов убедить людей в том, что социализм есть явление, противоречащее естественной природе человека, а капитализм, напротив, ее прямое следствие. Обосновывается это следующим образом. Поскольку природа человека сугубо индивидуальна, постольку частная собственность как основа капитализма ей полностью соответствует, а общественная собственность, составляющая основу социализма, полностью противоречит. Частная собственность, - писал в свое время идеолог «белого движения» Иван Ильин, - «вложена в человека и подсказана ему самую природою, подобно тому, как от природы человеку даны индивидуальное тело и индивидуальный инстинкт». Отсюда вывод: «Бесмысленно вводить социалистической строй, обреченный на гибель своею противоестественностью; и нелепо воображать, что естество человека можно переплавить в социалистическом духе...» (См.: И.А. Ильин. О частной собственности. «Русский мир», №1, 2000г., с. 44, 48).

На самом деле, все не так просто, как казалось Ивану Ильину. Частная собственность не является индивидуальным свойством человека. Как говорил еще Маркс, полемизируя со Штирнером, «я владею частной собственностью лишь постольку, поскольку я имею что-нибудь такое, что можно продать, между тем как свойственные мне особенности отнюдь не могут быть предметом купли – продажи». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое, т.3, с.218). отождествление частной собственности с индивидуальными или естественными свойствами человека есть прямое следствие того, что сугубо общественные отношения купли-продажи в буржуазном обществе стали основой всех других отношений.

В тоже время общественные отношения не сводятся к естественным индивидуальным свойствам человека. Мало того, все «естественное» в человеческом обществе модифицируются и «переплавляется», приобретая новое «социальное качество». Это относится и к телу человека (например, прямохождение), и к его инстинктам (которые осознаны), и к его мозгу (который развит под влиянием трудовой практики). Что же касается категории «собственность» (включая все ее формы), то она выражает, прежде всего, отношение людей друг к другу по поводу средств производства и обращения товаров, и уже поэтому не может быть сугубо естественным (природным) началом.

Общность людей, их постоянное взаимодействие в процессе производства порождают потребность людей в общественной собственности, которая, между прочим, гораздо древнее частной. В этом смысле, общественная собственность более «естественна», чем частная, а социализм более соответствует природе человека, чем капитализм. Попытки приписать частной собственности статус «естественного» начала, а общественной собственности статус «протivoестественного», противоречат истине и лишь выдают классовую заинтересованность таких идеологов.

Нечто похожее происходит и с такими понятиями, как «равенство» и «неравенство». Например, доказывается, что рассуждения социалистов о возможности равенства людей полностью противоречат тому факту, что люди от природы неравны. В итоге следует заключение: неравенство богатых и бедных вечно, ибо обусловлено самой природой. Данный предрассудок настолько прочно вошел в сознание современных обывателей из класса «новых буржуа», что полностью вытеснил из их сознания некогда популярную русскую поговорку «бедность не порок».

Следует отметить, что подобные суждения свойственны как радикальным демократам, так и их противникам - консерваторам. Например, рассуждения о «естественности» частной собственности и «протivoестественности» общественной я неоднократно слышал из уст покойного депутата Г. Старовойтовой, а пассажи о якобы принципиальной невозможности социального равенства можно найти в многочисленных статьях и книгах (в том числе по социализму) известного математика и постоянного автора газеты «Завтра» академика И. Шафаревича.

На самом деле, апелляция различных идеологов к «естественной природе» человека ничего не дает для понимания социально-исторической специфики общества, социального равенства людей, или их умственных способностей. Мало того, подобную апелляцию можно повернуть совершенно в обратную сторону и с не меньшим пылом доказывать, что общественное бытие человека более естественно, чем его частное или индивидуальное начало. Вспомним известное выражение Аристотеля «человек – животное политическое». Нечто подобное говорил и Маркс, утверждая, что «Павел смотрится в Петра как в свое зеркало». Нельзя забывать, что человеческий род не имел бы продолжения, если бы у людей не было «естественного» чувства общности и общения. Даже такое, казалось, индивидуальное и естественное чувство, как любовь, во многом социально.

Что же касается равенства людей, то они от природы столь же равны, сколь и неравны. Они в равной степени обладают руками, ногами, головой, которые, конечно, у разных людей имеют различные размеры, форму и привлекательность. Рассказывают, что в начале XIX века некоторые активистки женского движения пытались обосновывать эмансипацию женщин, ссылаясь на «естественное чувство» влечения мужчин и женщин друг к другу, их равную принадлежность к человеческому роду. Что касается противников женской эмансипации, то они с не меньшим пылом доказывали преимущество мужчин перед женщинами, ссылаясь на «естественное различие» полов, и явное преимущество мужчин перед женщинами в физической силе. Около двух веков прошло с тех пор, и каково же было мое удивление, когда в беседе с одним из «новых русских» я услышал рассуждение о «неполноценности» женщин, в точности воспроизводящее «доказательства» противников эмансипации прошлого века. Поистине, время и пространство не властны над глупостью.

Любому вдумчивому человеку должно быть понятно, что социализм невозможно вывести из сугубо естественных, или природных закономерностей, ибо здесь мы имеем дело с социально - историчеки, а не природным явлением. Он закономерно вырастает из противоречий позднего капитализма, как необходимый способ разрешения этих противоречий. Главным из них, безусловно, является противоречие между трудом и капиталом, или между наемными работниками, лишенным собственности на средства производства и буржуазией, владеющей и распоряжающейся этими средствами производства.

В споре с откровенными противниками и мнимыми друзьями социализма не следует уходить от рассмотрения методологически наиболее трудных проблем, используемых для доказательства ложности социалистической идеи. Одной из них, поднятой известным автором книги «Открытое общество и его враги» Карлом Поппером, является проблема научного предвидения в общественной науке и марксизме. По его мнению, научное предвидение отдаленных исторических явлений, вообще, невозможно в общественной науке, а, стало быть, невозможно и предвидение социализма, как необходимой перспективы истории. Он называет такое предвидение «пророчеством», порождаемым ложными «историцистским» подходом, которым пользовались такие мыслители как Гераклит, Платон, Гегель и Маркс.

В чем же не согласен Поппер с этими великими мыслителями человечества? Как это не парадоксально, но он обвиняет их в антидиалектике, в стремлении остановить и законсервировать вечно меняющийся мир природы и общества. У этих мыслителей он находит тайное желание вернуться в прошлое, поместив его в качестве социального идеала будущего. У Гераклита таким идеалом выступают судьба, у Платона – идеальное государство, у Маркса – социализм и коммунизм.

По мнению Поппера марксизм при доказательстве исторической неизбежности социализма подменяет историю так называемым «историцизмом», то есть слепой верой в якобы открытые им законы истории. С точки зрения Поппера, в истории нет, и не может быть, никаких объективных законов, никакой исторической необходимости и, следовательно, невозможно никакое историческое предвидение, или, как он предпочитает говорить, «пророчество». Апеллируя к уровню развития современной науки, идеалом которой для него выступает физика XX века, Поппер говорит об отсутствии причинности не только в естественных, но и в социальных явлениях. По его мнению, вероятностный, случайный характер этих явлений делает невозможным какую либо общественную науку, а стало быть, и ее способность предвидеть существенные и отдаленные процессы истории. Максимум, что может предвидеть социальная наука – это ближайшие последствия отдельных действий людей, постепенно совершенствующих свои политические институты. (См.: К. Поппер. Открытое общество и его враги. М.: 1992. Т.1, С.29-35, 199-211). Отсюда его глобальный вывод: современное капиталистическое общество, называемое «открытым», намного лучше других, как ныне существующих, так и будущих. Обращаясь к русским читателям, он писал в 1992 году: «...Открытые общества, в которых мы живем сегодня, - самые лучшие, свободные и справедливые, наиболее самокритичные и восприимчивые к реформам из всех, когда-либо существовавших». Или: «...С исторической точки зрения наше открытое общество – лучшее и справедливейшее из всех донныне существовавших на Земле». «Конечно, действительность западного мира вовсе не рай, но она к нему гораздо ближе, чем реальность коммунистического общества» (См.: К. Поппер. Указ. соч. Т.1. С.15. Т.2. С.485-486).

По разному можно относиться к современному капитализму на Западе, но утверждения о его «близости» к идее «земного рая» воспринимается как шутка. Общество, в котором проповедуется культ денег и насилия, вряд ли следует называть словом «рай».

Аналогичное можно сказать и по поводу «справедливейшее из всех». Общество, где сохраняется глубокая социальная пропасть между богатым меньшинством и бедным большинством населения вряд ли следует считать справедливым. Не следует забывать так же, что абстрактная категория «справедливость», всегда выражала и выражает существующие экономические отношения с их консервативной или революционной стороны. В данном случае консерватизм Поппера очевиден.

Очевидна бессодержательность слов Поппера и о «реальности коммунистического общества», которого, в точном смысле данного понятия, никогда не было и не могло быть в истории. Из вышеприведенной восторженной оценки современного западного общества можно заключить, что для Поппера буржуазное общество и есть тот социальный идеал, о котором грезило на протяжении веков человечество. Оно не требует никаких радикальных изменений: его можно лишь постепенно совершенствовать, но не более того. Как это не парадоксально, но из этого следует, что не великие философы, а сам Карл Поппер подсознательно считал капиталистическое общество вечным и неизменным феноменом истории.

Отказываясь радикально изменять существующее западное общество, Поппер фактически превращает его из «открытого» в «закрытое» и, тем самым, останавливает историю. В итоге получается, что не коммунизм будущего, а современное западное общество является своеобразным «концом истории». Конкретно Поппер этих слов не произносил, но его ученик Френсис Фукуяма об этом заявил во весь голос. Таков неизбежный итог ложной методологии в социальной науке.

Основанные на этой методологии утверждения одного из видных учителей современного неолиберализма, конечно, ничего не доказывают и ничего не опровергают ни в диалектике, ни в материалистическом понимании истории, ни в научном социализме. Они лишь свидетельствуют о бесперспективности той «методологической культуры», которая подразумевает под материальной причинностью только механическую причинность, под научным историческим предвидением – «пророчество», а под социализмом – субъективный идеал людей, разочаровавшихся в жизни.

На самом деле, «вероятностный характер» социальных явлений не исключает их закономерности и причинной обусловленности. В обществе, как и в природе, есть повторяемость, а стало быть, и закономерность, тенденция, закон. Без них вообще никакая наука не была бы возможна. Так с возникновением дарвинизма

была открыта повторяемость и изменчивость видов в животном мире, а с появлением исторического материализма повторяемость и изменчивость в человеческой истории, что дало возможность понять структуру и закономерную смену различных общественных организмов, то есть осознать прошлую, настоящую и будущую историю человечества.

Со времен Маркса стала азбучной истиной положение о повторяемости и смене общественных отношений в ходе развития производительных сил человека. Сегодня не трудно эмпирически зафиксировать рост и развитие производительных сил человеческого сообщества и на их основе спрогнозировать появление в истории новых социалистических отношений, являющихся закономерным следствием такого развития. Именно производительные силы являются конечной причиной смены любых производственных отношений, включая капиталистические. Раскрытие основоположниками марксизма механизма взаимодействия производительных сил и производственных отношений сделало возможным материалистическое понимание истории, создало необходимые предпосылки для научного предвидения социальных процессов. Благодаря этому открытию и произошло превращение социализма из утопии в науку.

Общим местом является утверждение марксизма о том, каков способ производства материальных благ, таков и характер всех общественных отношений. На этом, строго эмпирически обоснованном постулате, строится вся марксистская формационная теория, кстати, до сих пор никем не опровергнутая. Стремление некоторых современных исследователей противопоставить марксистской «формационной теории» так называемый «цивилизационный подход» ведет, по сути дела, к отказу от принципа историзма в понимании социальных явлений, игнорированию взаимосвязи таких философских категорий, как «общее» и «особенное», «логическое» и «историческое». В русле подобного подхода одна цивилизация всегда будет противостоять другой и между ними нельзя будет найти никаких общих моментов развития. В этом случае общественно-историческая наука становится излишней. Отсутствие общей основы у разных социальных явлений и целых общественных организмов делает невозможным и понимание истории, как общего процесса возникновения, становления и развития человеческого сообщества.

Напротив, теория смены общественно-экономических формаций предполагает рассмотрение истории как единого процесса становления человечества, имеющего свои особенные стадии раз-

вития. Общим и связующим звеном этих стадий, своеобразной субстанцией и основой развития человеческого рода является труд и его производительные силы.

Хотя этого современные последователи Поппера или нет, но тождественные производительные силы всегда, в конечном счете, порождают и соответствующие им тождественные производственные отношения, над которыми возвышаются или надстраиваются все остальные отношения людей: социальные, политические, идейные. С изменением производительных сил меняются сначала производственные, а затем и остальные отношения людей. Неумение или нежелание замечать и предвидеть эту объективную историческую диалектику общественных отношений, как я уже отмечал, лишь проявляет классовую ангажированность современных представителей общественной науки, совершенно некритически считающих капитализм лучшим и вечным обществом на земле.

Хорош, или плох капитализм? На этот вопрос по своему отвечают люди разных социальных групп и стран. При этом ответы совершенно различны у тех, кто проводит акции протеста и тех, кто предпочитает сидеть в это время дома, для тех, кто удобно едет в «мерседесе» и тех, кто стоит в очереди за нищенской зарплатой, у тех, кто живет в Африке или Европе, Азии или Америке. Не трудно, например, понять, как на данный вопрос могут отвечать миллионы простых людей в России, когда им во имя частных интересов различных компаний отключают свет и тепло в домах, когда «внешний инвестор», закрывая предприятие, выгоняет их на улицу, когда государство бессильно опускает руки перед произволом различных криминальных структур и проворовавшихся чиновников.

Все меняется в этом мире. На пороге радикальных изменений стоит и современный капитализм, запутавшийся в глобальных и социальных противоречиях, порождающий условия, провоцирующие действия национального и международного терроризма. Вызовы времени требуют иных, альтернативных отношений. Сегодня не только социалисты, но и многие буржуазные исследователи считают, что капитализм противоречит таким новейшим производительным силам, как автоматизированные производственные системы, ядерные, космические и компьютерные технологии, биотехнологии, информационные сети и т.п.. Они убеждены, что современная информационная эпоха требует новых более справедливых отношений людей, которые со всей определенностью можно назвать посткапиталистическими или социалистическими.

Типичным аргументом против социализма является утверждение о сугубо утопическом характере социализма и коммунизма как конечных, стратегических целей общественного развития. Даже нынешний российский президент сумел отметить на этом идеологическом поле, назвав марксистские представления о будущем обществе «не более чем красивой и вредной сказкой». (См.: фильм Игоря Шадхана «Вечерний разговор»).

Оставим на совести президента такое сравнение. Со своей стороны заметим, что только абсолютно затемненному сознанию не видно объективных и субъективных предпосылок социализма в современных развитых капиталистических странах. О них свидетельствует появление, робототехники, заводы-автоматы, ИНТЕР-НЭТ, концентрация капитала и образование ТНК, возникновение различных акционерных обществ и предприятий с собственностью работников, усиление роли внерыночных секторов экономики, повышение доли творческого труда в производстве и сфере услуг, создание государственных и негосударственных (корпоративных) систем социальной защиты населения, наконец, политическая активизация не только традиционного рабочего класса и его левых партий, но и появление новых движений в лице антиглобалистов, нетрадиционных профсоюзов, различных забастовочных комитетов, объединений протестующей интеллигенции, интернациональных молодежных и женских организаций, коммунитаристских и экологических объединений и т. п.

Конечно, все это не означает, что человечество уже вплотную подошло в развитых капиталистических странах к социализму (логическое и историческое не всегда совпадают по времени), но движение в этом направлении – очевидный и неопровержимый факт истории. Главная проблема здесь – это солидарность всех антикапиталистических сил, которые сегодня во многом раздроблены, и раздробленность эта всячески поддерживается правящими буржуазными режимами власти.

Что касается российского общества, то оно в определенном отношении сегодня движется в противоположном направлении: «от социализма к капитализму». Однако это движение не абсолютно: в нем уже появились многие зародыши демократического отрицания утвердившегося в стране криминального олигархического капитализма. Они прослеживаются в фактах борьбы общественности против деиндустриализации и превращения России в сырьевой придаток развитых западных стран, в требованиях сохранения в государственной собственности «естественных монополий», в многочис-

ленных предложениях национализации природной ренты, сохранения бесплатности и доступности для широких масс образования, здравоохранения, культуры, появлении акций протестного движения трудовых коллективов, оживлении традиционных профсоюзов, радикализации оппозиции, определенном полевении центристских и правоцентристских партий и т.д.

Вместе с тем, здесь следует иметь ввиду, что многие годы государственного патернализма и догматического выхолащивания теории социализма в советские времена, оголтелого антисоциализма и антикоммунизма последнего десятилетия XX века, сделали свое дело, лишив трудящихся ясного научного видения общественной и политической перспективы. В итоге, в России снова в порядок дня встал вопрос о превращении трудящихся из «класса в себе» в «класс для себя», со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Конечно, социализм не есть результат некоей «железной необходимости» - тезис, который приписывают марксистам его различные критики, утверждающие, что Маркс проводил (где?! когда?!) прямую аналогию между приходом социализма и процессом «солнечного» или «лунного затмения» (см.: К. Поппер. Ук. Соч. Т.2, с.480). На самом деле марксизм никогда не был и не является объективистским или фаталистическим учением. Объективные законы истории в отличие от природных законов реализуются только через деятельность людей и без последних вообще не существуют. В тоже время они не есть следствие и неких сугубо заговорщических или волевых действий отдельных групп революционеров и их организаций. Марксистское понимание социализма противоположно и объективизму, и субъективизму.

С марксистской точки зрения объективные законы истории не зависят от сознания отдельных людей, но проявляются через их (стихийную или сознательную) деятельность как тенденции. Чтобы эти законы не приобретали разрушительный характер, их следует познавать и сознательно к ним относиться. Конечно, глупо создавать революционные партии для содействия солнечному или лунному затмению, в тоже время, они необходимы для радикальных преобразований капиталистического общества и построения социализма. И здесь нет никакого противоречия в марксизме, на которое часто указывают его критики, а есть лишь констатация и понимание различных механизмов действия природных и социальных сил.

Необъективность критиков социалистической идеи проявляется особенно наглядно, когда ими обсуждаются методы перехода к социализму, в частности, когда речь заходит о таких понятиях

как «эволюция» и «революция». Противники революции, считая ее насильственным и, в силу этого, противоестественным явлением, настаивают на эволюции как естественной форме общественного развития. Разведение и противопоставление этих понятий часто доходит до абсурда, когда на революцию накладывается запрет в форме следующих утверждений: «Страна исчерпала свой лимит на революции» (Г. Зюганов), «путь России в будущее должен быть только эволюционным» (Из проекта тезисов программы партии «Единство»). «...За революцией обычно следует контрреволюция... Но мне кажется, пора твердо сказать: этот цикл закончен. Не будет ни революций, ни контрреволюций!» (В. Путин. Из «Послания президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию». 3 апреля 2001г.). Авторам подобных заключений, и «справа» и «слева», следует напомнить, что не бывает эволюции без революционных изменений и не может быть революции, которой бы не предшествовала эволюционные изменения. На самом деле, история никаких «лимитов» на революцию не имеет. Революция, являясь сугубо стихийным явлением, не возникает по заказу тех или иных личностей, партий или классов. Последние лишь могут использовать ее в своих интересах и целях.

В последнее время в научной литературе и публицистике появилась идея о том, что все попытки сознательного, революционного изменения действительности заранее обречены на провал, так как общество не терпит экспериментов и искусственных изменений. Антиреволюционный характер этой идеи очевиден. Тем не менее, она также ложна, как и предыдущая. Различие их состоит лишь в том, что если первая противопоставляет революцию эволюции, то вторая - сознательные изменения стихийным. Вместе с тем, в любом стихийном процессе всегда есть элемент сознательности, и наоборот. Стихийность всегда будет иметь место в обществе, но это не означает, что нельзя познавать законы общественного развития и на основе этого познания проводить эксперименты, управлять общественными процессами.

Конечно, произвольные и в этом смысле, искусственные социальные эксперименты не нужны, но без продуманных и нужных людям экспериментов не обойтись никому. Опыт истории уже неоднократно показывал, что те силы, которые осуждают революции, как ненужные социальные эксперименты, после прихода к власти начинают самые что не на есть произвольные и радикальные эксперименты над обществом. Именно к таким экспериментам можно

отнести российские реформы конца XX века, которые одни называют «революцией», а другие «контрреволюцией».

В истории есть место разным началам: эволюции и революции, стихийности и сознательности, традиции и эксперименту. Задача прогрессивных сил и состоит в том, чтобы понять эти начала и тем самым овладеть ходом истории.

Одним из модных приемов «критики» теории социалистической революции является ее сведение к насилию и террору. На самом деле такое сведение некорректно: здесь формой революции (мирная, немирная) пытаются подменить ее сущность, связанную со сменой классов у власти. Истории известны случаи, когда социалистические революции происходили без применения силы, не менее известны случаи осуществления революции в форме гражданской войны. Мирный или немирный характер революции, во многом, зависит от соотношения сил, участвующих в революции, точнее, от силы сопротивления правящих классов. Если последние не прибегают к силе для сохранения своего господства, революции совершаются мирно и бескровно.

Неприятные идеи революции у ее противников часто доходит до смешного. Так с некоторых пор в официозных СМИ стало общим местом утверждение о том, что в известном революционном гимне «Интернационал» провозглашается необходимость разрушения «до основания старого мира». (См.: Социал-демократия сегодня. Вып.2. М.:2003. С. 128). На самом деле всякий, ознакомившись с текстом «Интернационала», обнаружит, что там говорится нечто прямо противоположное, а именно, что речь идет о разрушении «до основания» «мира насилия» и ничего другого.

Еще одно характерное заблуждение современных критиков социализма состоит в отождествлении социализма с тоталитаризмом. В этой связи встает общий вопрос: как понимать тоталитаризм?

Нет сомнения, что тоталитаризм является определенным политическим режимом власти, охватывающим своим влиянием все сферы общества, начиная с экономики и кончая политикой. Но означает ли этот факт, что политический режим тождественен социально-экономическому строю общества, его классовой природе, как думают некоторые идеологи левого и правого толка? На мой взгляд, такая точка зрения не имеет под собой научных оснований. Мало того, она находится в плену чисто формальных обобщений, отождествляющих, например, разные политические режимы в истории СССР и современном мире.

На мой взгляд, идея тоталитаризма слишком идеологизирована, чтобы с ее помощью можно было разобраться в сложной диалектике советской истории, где сошлись ленинские и сталинские традиции, демократические и тоталитарные тенденции, завоевания и трагедии. Вскрыть эту диалектику, на мой взгляд, и призваны наши обществоведы, к сожалению, с трудом преодолевающие в себе такие недостатки прошлого, как догматизм, конъюнктурность и субъективизм.

Наконец, еще один актуальный методологический вопрос. Он связан с пониманием природы советского общества. Насколько это общество было социалистическим? Иначе этот вопрос можно сформулировать так: был ли в Советском Союзе построен «первичный» социализм, или нет? Еще недавно на него многие советские обществоведы не только однозначно отвечали «Да!», но и убеждали всех в существовании у нас «развитого социализма». Только ортодоксальные троцкисты были непреклонны, доказывая невозможность построения социализма в одной, отдельно взятой стране.

Пристальное изучение этого вопроса привело меня к выводу, что ответ на него во многом связан с трактовкой понятия «социализм». Если мы это понятие полностью отождествляем с будущим глобальным коммунистическим обществом, то такого общества никогда не было и не могло быть в истории. Если мы понятие «социализм» рассматриваем как отражение в теории процесса перехода отдельной страны от капитализма к коммунизму, начинающееся с взятия трудящимися политической власти, то становление такого общества со всеми его реальными противоречиями (многоукладность, рынок, деньги и т.п.) мы можем наблюдать на практике многих стран, осуществивших социалистическую революцию.

Подробнее на этот существенный вопрос я отвечаю в данной книге, в частности, полемизируя с философом и культурологом Вадимом Межуевым и экономистом Михаилом Воейковым. Здесь отмечу только одно: нельзя рассматривать социализм в отрыве от реальной практики его построения, какой бы грубой и несовпадающей с идеалом эта практика, на первый взгляд, не являлась. Те, кто отрицают социалистичность советского общества, или напротив, видят его социалистичность только в таких явных антиподах социализма как «сталинщина», «тоталитаризм» и «державность», смешивают извращение социализма и его научное понимание.

Проницательный читатель может спросить, зачем так много говорить о социализме в России, который уже давно сошел с исторической сцены? Ответу просто: история социализма не сразу де-

ляется. Как революция находит свою меру в реставрации, так и социализм в России может найти свою меру в появлении и становлении дикого капитализма. Во всяком случае, не следует забывать, что падение советского социализма - лишь исторический зигзаг на пути прогрессивного развития человечества. Оно не означает прекращения социалистического строительства в других странах, тем более оно не означает исчезновение социалистических идей и ценностей: напротив, они продолжают сохранять свою актуальность для тех, кто ищет действенную альтернативу миру отчуждения и насилия, кто считает, что лучший мир возможен, и за него следует бороться.

* * *

Данная книга, помимо специально написанных к ней введения и заключения, состоит из отдельных опубликованных и неопубликованных работ и выступлений автора, сделанных за последние годы. При таком характере книги не удалось избежать некоторых повторов отдельных тем: о «свободе», «тоталитаризме», «собственности», «НЭПе» и др. Однако, поскольку эти темы повторялись каждый раз в ином контексте, автор не счел нужным их сокращать.

В первой главе книги дано философско-историческое прочтение «природы» социализма, его «старого» и «нового» видения, связи социализма с собственностью и самоуправлением. Вторая глава посвящена, в основном, проблемам становления современной российской социал-демократии. В третьей главе воспроизведена социально-политическая картина прошлой и современной России, как она представляются человеку левых взглядов. Четвертая глава раскрывает проблему глобализации и будущего человечества. В пятой главе автор размышляет о марксистском наследии. Здесь читатель познакомится с социальным идеалом Маркса, вкладом Ленина в теорию и практику социализма, узнает о соотношении социализма и сталинизма, а так же об основных идеях Льва Троцкого, которые до сих мало известны российской общественности. Шестая глава книги носит сугубо полемический характер. В ней автор дискутирует с различными учеными и политиками по актуальным вопросам современной теории и практики социализма. В качестве приложения к книге включены тезисы Института теории и истории социализма ЦК КПСС «Исторические судьбы социализма: ответ критикам» (публикация их была прервана Августовским путчем 1991 года) и Манифест новых социалистов, в написании которых автор принимал непосредственное участие.

Автор выражает признательность и благодарность всем, кто способствовал выходу данной книги в свет.

II. ПРАКТИКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Гражданское общество и социальные альтернативы неолиберальной глобализации

Франсуа Утар

1. Гражданское общество как полис общественной борьбы

Нарастающее сопротивление существующему этапу накопления капитала исходит от гражданского общества. Этот термин, очень распространённый в наши дни, однако, настолько широк, что приводит к его всевозможным интерпретациям, значит, и к разным видам неопределённостей. Смысл, в котором Мировой банк употребляет термин "гражданское общество", отличен от того, который вкладывается в это слово на Форуме бедных в Таиланде или Движением безземельных крестьян в Бразилии. Таким образом, наш анализ должен проводиться по ту сторону лозунгов "Гражданское общество - полис общественной борьбы", определяющий общественные проблемы. Давайте остановимся на этом подробнее.

1.1. Что такое гражданское общество?

Концепция гражданского общества динамично развивалась во времени. В эпоху Ренессанса оно противопоставлялось "естественному обществу" (natural society), поскольку представляло собой организованный общественный порядок и превосходило естественное общество, так как было цивилизованным и рациональным. Английский философ Локк включил в его в концепцию государства, а для Адама Смита гражданское общество представляло собой всё то, что было построено обществом, включая рынок и государство. Для Гегеля социальное пространство определялось как нечто лежащее между семьёй, с одной стороны, и государством - с другой. Маркс, напротив, рассматривал его как всю совокупность общественных и экономических отношений, обуславливающих все остальные общественные формы. Для Антонио Грамши обществен-

Франсуа Утар (Francoise Houtart) - Генеральный секретарь Всемирного форума альтернатив (Бельгия)

ные отношения включали как "политическое" общество, так и гражданское, представленное институтами, сформированными индивидами и направленными на достижение согласия ("идеологические аппараты" типа школ, СМИ и религиозных учреждений). Последняя точка зрения, можно сказать, определяет местонахождение гражданского общества между принцем и торговцем, между государством и рынком. Этот короткий обзор исторической эволюции концепции гражданского общества демонстрирует разнообразие значений этого понятия в соответствии с разными представлениями об обществе. Ни одно определение не является абсолютно корректным, особенно когда оно используется для описания функционирования человеческих сообществ. Это верно и по сей день. Фактически можно выделить три основных тенденции, рассматривая различные позиции, доминирующие в настоящее время. Первая - это буржуазная концепция гражданского общества, рассматриваемого "сверху", вторая - то, что можно назвать наивной концепцией - определяет гражданское общество как объединение всех обществ, осуществляющих благотворительную деятельность, и третья - аналитическая концепция - рассматривает гражданское общество "снизу".

Буржуазная концепция гражданского общества

Буржуазная концепция определяет гражданское общество как существенный элемент стратегии классов. Оно рассматривается как пространство, в котором развивается потенциал индивидуума, а поэтому как пространство, в котором достигаются индивидуальные свободы. Наиболее важная из них - свобода предпринимательства, рассматриваемая фактически как источник всех других свобод. Поэтому центром гражданского общества является корпорация. Институты идеологического характера, играющие роль в социальном воспроизводстве, интегрированы в эту идею свободы (школы, религиозные организации, СМИ, равно как и весь общественный сектор, и особенно благотворительные организации, функция которых - превращать недостатки всей системы в её достоинства). В рамках этой концепции роль государства сводится к созданию правовой структуры, гарантирующей свободу предпринимательства и частную собственность; обеспечению социального воспроизводства (системы образования и здравоохранения и т.п.) и защите индивида. Это соответствует определению "трёх рук", данному Мишелем Камдесю - невидимой руки рынка; руки государства,

которое должно устанавливать правила игры; и руки милосердия, заботящейся о тех, кто "выскользнул из сети безопасности".

Безальтернативная логика этого образа мышления связана с капиталистической рыночной экономикой. Согласно этой логике, рынок - естественное явление, а не социальная конструкция. Поэтому ему должна быть предоставлена максимальная свобода, чтобы он мог функционировать без помех, особенно со стороны государства. Суровая внутренняя этика рынка позволяет ему выполнять функции государства как универсального регулятора человеческих взаимоотношений. Проблема становится ещё более серьёзной, поскольку речь идёт о логике, проникающей в сердце и душу наиболее уважаемых индивидуумов.

Но рынок не может быть отделен от производства, потому что покупаются и продаются именно товары и услуги. В рамках капиталистической экономики общественные отношения в процессе производства создают классовые связи, которые и сами подвержены закону конкуренции. Таким образом, согласно буржуазной концепции, укрепление гражданского общества означает поощрение свободы предпринимательства, предоставление свободы деятельности экономическим агентам, сокращение роли государства и, наконец, поддержание таких общественных отношений, которые бы гарантировали классовое доминирование, ставшее теперь глобальным. Подобно общественным отношениям, производственные и торговые отношения (то есть рынок) становятся "естественными" (не имеющими, следовательно, никакой альтернативы).

Таким образом, намечается весьма последовательная стратегия создания гражданского общества, т.е. создания сети институтов, образующих основу общества, идеологического аппарата и добровольных частных организаций. Это позволит ввести общественные требования групп и уязвимых классов в институционализованные рамки, тем самым фрагментируя эти социальные силы: в самом деле, гораздо легче поглотить отдельные добровольные организации, как религиозные, так и светские, особенно те, деятельность которых направлена на сокращение нищеты.

Реализация на практике концепции "гражданского общества "сверху" приводит к некоторым заметным эффектам. Поскольку рынок становится универсальным стандартом человеческих отношений, он определяет не только сферу потребления, но также и культуру. Результатом этого является целый ряд сдвигов: от политики к рынку, от развития к росту, от гражданина к индивидуальному потребителю, от политических взглядов к культурным отсылкам (эт-

ническим, гендерным, религиозным и так далее). Гражданское общество становится аполитичным, поскольку политика, которой противостоит рынок, становится всё более "виртуальной". Общественные движения стремятся к самоопределению исключительно в пределах сферы их деятельности, не заботясь о политических традициях. Некоторые неправительственные организации развивают радикальную антигосударственную идеологию. Возникающие религиозные движения сосредоточены на "личном спасении" и лишены любых социальных целей. Поэтому очень важно понимать, что скрывается за понятием "гражданское общество" в рамках его буржуазной концепции. А сходство употребляемых терминов не должно приводить к появлению иллюзий.

"Наивная" концепция гражданского общества

Согласно этой точке зрения, гражданское общество состоит из организаций, созданных социальными группами, являющимися слабыми в современном обществе. Это НПО, общественный сектор экономики и такие общественные институты, как система образования, здравоохранения и культура, т.е. своего рода "третичный сектор", существующий наряду с государством и рынком и способный противостоять им. Иными словами, это организация граждан - всех тех, кто ищет Добро и стремится изменить этот несправедливый мир. В то время как цели, преследуемые ими, действительно, отвечают реальным потребностям, этот подход не приводит к изменению социальных отношений. В рамках этой концепции принято считать, что общество состоит из набора индивидуумов, объединённых в некие слои, расположенные один над другим, императивом для которых является требование равенства. При этом, однако, не признаются социальные отношения, порождённые капиталистической экономикой и являющиеся необходимыми для обслуживания этой системы.

Конечно, можно вести общественную борьбу, исходя даже из такой концепции гражданского общества. Однако это может привести лишь к осуждению пороков существующей системы, но не к конструктивной критике её логики. Поэтому такую концепцию легко использовать в рамках идеологии, являющейся анти-государственной, межклассовой, "культуралистской" и утопичной в отрицательном смысле этого слова. Выражая желание изменить парадигму общества, эта концепция, однако, неэффективна в долгосрочном плане. В некотором смысле эта концепция подсознательно напоминает

буржуазную концепцию гражданского общества. И именно по этой причине институты, признающие этот подход, постоянно "поглощаются" транснациональными корпорациями, Мировым банком и МВФ.

Аналитическая концепция гражданского общества

Термин "аналитическая" в данном случае означает рассмотрение гражданского общества в терминах социальных отношений. Гражданское общество само по себе представляет собой политический феномен, поскольку является пространством, в котором существует неравенство, включая институты и организации, представляющие интересы самых разных слоёв населения. Таким образом, изменения в душах и сердцах людей недостаточно для автоматического изменения общества, даже несмотря на то, что первое чрезвычайно важно.

Ясно, что существующие сегодня формы капиталистических общественных отношений больше не похожи на те, которые существовали в Европе в XIX веке. Это имеет серьёзные последствия для гражданского общества. Отношения труда и капитала регулируются в рамках неолиберальной экономики. Они имеют относительно меньшее значение в странах "Юга", но большая часть населения косвенно интегрирована в капиталистическую систему посредством макроэкономических механизмов кредитно-денежной политики, внешнего долга, цен на товары первой необходимости и т.п. Новые технологии, концентрация компаний, глобализация рынков, непостоянство финансового капитала и многие другие факторы современной экономической системы, конечно, не разрушили логику капитализма, но помогли распространить его эффекты в пространстве и перераспределить их во времени. Фактически, существует всё меньше и меньше границ для капитала, а социальной защите всё труднее противостоять властям, принимающим решения, а ведь они больше не тождественны правительству. Более того, время перестаёт быть значимым в финансовых транзакциях, в то время как их социальные последствия наблюдаются в течение длительного периода.

Эксплуататорская природа капиталистических общественных отношений стала менее заметной в силу того, что они стали более «фрагментированными». Это оказывает влияние на формы общественной борьбы. Существуют слои населения, не вовлечённые в классовую борьбу: рабочие, считающие себя, прежде всего, по-

требителями; социальные группы, которые сделала уязвимыми существующая экономическая система и которые реагируют на ее противоречия лишь в рамках своей касты (подобно *далитам* в Индии) или этнической группы - вне связи с экономической логикой, являющейся причиной их проблем. Борьба всё чаще и чаще разворачивается по каким-то специфическим проблемам, оставаясь фрагментарной, в то время как её противник становится всё более концентрированным.

Таким образом, гражданское общество при капитализме предполагает неравенство общественных групп, вступающих в неравноправные отношения. В общественное пространство вторгаются экономические силы. Доминирующие группы, используя правительства, функционируют на мировом уровне, но не для перераспределения богатства и защиты обездоленных, а для управления населением (миграциями, общественными движениями, "народным" гражданским обществом) и служения рынку. Механизмы довольно различны и часто весьма последовательны: от кредитно-денежной политики до соглашений о свободной торговле, от юридических реформ до реформ системы образования, от приватизации системы общественной безопасности до приватизации системы здравоохранения, от сокращения субсидий на общественные исследования до сокращения поддержки общественных организаций, от запрета рекламы в левой прессе до контроля телекоммуникаций, от ослабления прогрессивных религиозных институтов до управления неправительственными организациями. Иными словами, рынок делает взгляды правительств и ООН согласованными, подчиняет их себе, а также осуществляет управление гражданским обществом, динамизм и многообразие которого принимаются и даже поощряются, в той мере, в какой они серьёзно не противостоят капиталистическим общественным отношениям.

Такой анализ может привести к более глубокому общественному осознанию действительности. Фактически существует базис гражданского общества, представленный малоимущими и подавляемыми социальными группами, экспериментирующими и ищущими причины сложившейся ситуации. Именно это гражданское общество поддерживает различные формы сопротивления, становящегося глобальным. Именно это гражданское общество требует социальное пространство для всего человечества, а не для избранного меньшинства. Именно оно хочет превратить в граждан тех, кто некогда был сведен исключительно к производителям и потребителям, тех, кто барахтается и идёт ко дну в неформальной экономике,

тех, кто для глобальных рынков является лишь "бесполезными массами".

1.2. Какое гражданское общество, какое общественное пространство и какие альтернативы?

Хотя переживаемые сегодня события кажутся порой чрезвычайно важными, мы не должны забывать историю. Общественные движения родились не вчера. Сопrotивление капитализму, колониализму, "завоевательным войнам рынка" можно найти в истории многих народов. Рабочее движение развивает парадигму борьбы в течение практически двух столетий. Восстания крестьян потрясли множество обществ, особенно когда зарождался аграрный капитализм. Многие местные народы, которые сегодня принято называть "первыми народами", боролись против своего культурного или физического уничтожения вследствие торговой экспансии или завоевания их территорий. Начиная с XIX столетия движения феминисток противостоят эксплуатации женщин на работе и исключению их из полноценного гражданства. Что же тогда ново?

Одним из относительно новых элементов стало появление на арене сопротивления экологических движений. Разрушение окружающей среды было вызвано эксплуататорским отношением к природе, что ни коим образом не было приостановлено «реальным социализмом», который очень быстро определил в качестве своей цели такое развитие производительных сил, которое помогло бы "догнать капитализм". Разрушение существенно усилилось за последние тридцать лет, во время неолиберальной фазы капиталистического накопления, и не могло не вызвать протеста. Всё чаще и чаще движения, защищающие окружающую среду, находят связь между экономической логикой и экологическими проблемами.

В течение Холодной войны существовало множество движений пацифистов. Они выросли из традиций сопротивления войне и насилию, уходящих корнями в конец XIX века. В то же время, казалось, они переживают стагнацию, поскольку конфликты локализовались не в центрах глобализации, а на её периферии. Но такие события, как война в заливе, Косово и Афганистан оживили наши воспоминания, напомнив, что экономический империализм не может отказаться от силы оружия, независимо от того, как она называется - НАТО или План Колумбии.

Распространение НПО (акроним того, что реально существует), являющихся аморфным объединением организаций, вырастаю-

щих из гражданского общества, стало ещё одной новой характеристикой нашего времени. Часто они являются двойственными гибридами: от тех, что создаются доминирующей системой, до тех, кто послушно позволяет этой системе использовать себя. Но НПО включают в себя и те организации, которые отождествляют себя с общественной борьбой и выражают искреннюю солидарность с борьбой угнетенных, особенно по вопросам "Север-Юг".

"Старые" общественные движения, представленные профсоюзами и политическими силами; "новые" движения, определяемые целями, являющимися вне-классовыми, хоть и неизбежно ими обусловленными (движения женщин, местных народов, за мир, в защиту окружающей среды, за культурную идентичность); неправительственные организации; добровольные организации – все они представляют столь широкий круг инициатив, что их координация, конечно же, затруднена. И все же, если базис гражданского общества должен быть эффективным (как на национальном, так и на мировом уровне), то должны существовать и критерии анализа и систематизации этих структур.

В противоположность этой нашей интенции, сторонники концепции постмодернизма чувствует себя в этой ситуации более чем вольготно, интерпретируя её как конец того, что принято называть "великим повествованием" ("the great narratives"), подходя к исследованию общества с позиций лингвистики. По их мнению мир переживает конец системы и крупных структур, равно как и всесторонних исследований. Всё это заменяется историей "здесь и сейчас", взаимодействием индивида с его/её мгновенным окружением, распространением "малых повествовательных форм" - иными словами, индивидуальными инициативами. Как (вполне законная) реакция на новаторскую природу современности, на дискуссии, подводящие некие промежуточные итоги, постмодернизм предлагает такой подход к действительности, в рамках которого наше существование просто атомизируется. Вследствие этого действительность представляется осколочной: необъяснимой в своём происхождении и незначимой по отношению ко всей совокупности исторических и современных событий - в общем, гражданским обществом, являющимся хаотичной и беспорядочной совокупностью движений и организаций. Однако их абсолютной численности должно быть достаточно для противостояния политическому или экономическому тоталитарному порядку.

Такой подход - настоящая находка для глобального капитализма, который, преуспев в построении материального базиса сво-

ей глобализации как системы (благодаря телекоммуникационным и информационным технологиям), теперь является свидетелем появления идеологии, провозглашающей конец систем! Ничто не могло бы быть более полезным для глобального капитализма. Хотя критика современности, управляемой капитализмом, со стороны постмодернистов может выглядеть фундаментальной, её вклад никоим образом не поможет при анализе современного гражданского общества, не говоря уже о создании динамичных сил, способных возглавить сопротивление и вести эффективную борьбу. Фрагментарность этой борьбы является результатом как стратегий, так и последствий капиталистической системы.

Критерием анализа множества компонент базиса гражданского общества должна выступать их анти-системная позиция, или мера, в которой каждая из них (независимо от того, идёт ли речь об общественном движении или НПО) вносит вклад в исследование (в своей сфере) логики капиталистической системы. Прежде всего, они должны быть способны включить свои размышления и действия в общий контекст. Они должны понимать и объяснять, почему появляются безземельные крестьяне ещё до того, как земля становится исключительно капиталом, почему местные народы становятся первыми жертвами структурной перестройки, почему женщины несут бремя нищеты, усугубляющееся патриархальными отношениями. Они должны осознавать, что средний класс ослаблен монетаристской политикой и спекулятивными финансовыми транзакциями, что коммерциализация подрывает систему здравоохранения, что школа становится недоступной для детей в связи с элитарной концепцией образования и что социальная политика становится ненадёжной вследствие огромного внешнего долга.

Общественные организации и НПО должны осознавать, что культура рушится всесторонней американизацией, что экономические интересы приручают коммуникационные сети, что исследователи и учёные подчинены в своей деятельности критериям доходности, что искусство сводится к его рыночной стоимости, что сельское хозяйство подчиняется химическим ТНК и корпорациям, занимающимся агро-бизнесом, что окружающая среда уничтожается вследствие развития, определяемого исключительно в терминах экономического роста. И что всё это, так или иначе, происходит из-за погони за богатством, что является частью логики капиталистической системы.

Следовательно, движения и организации, лежащие в основе гражданского общества, необходимы, чтобы подвергнуть сомнению

доминирующую экономическую систему, став мощным практическим оружием ее практической критики. Речь идёт не только об осуждении её пороков, что, в принципе, уже делается, и не только этическими представителями (типа христианских церквей или представителей ведущих религий), но и некоторыми адептами системы, осознавшими, что эти методы подвергают опасности капиталистическую систему. Важно осуждать не только логику, лежащую в основе системы, но и её политику, которая неизбежно ведёт к социальным противоречиям и, хуже того, лишает экономику возможности выполнять свою основную функцию - обеспечивать материальную базу физической и культурной жизни всего человечества.

Наконец, это вопрос поиска альтернатив. Речь идёт не о временных решениях, которые просто смягчают нищету в краткосрочном периоде, и не о нереалистичных мерах, создающих впечатление спасения от системы, которая через какой-то период возникает снова. И, конечно же, не об альтернативах *в рамках* этой системы, которые были предложены (типа 'третьего пути', который приветствовался реформистскими кругами, цепляющимися за иллюзию, что возможен капитализм "с человеческим лицом").

Нет, это должна быть посткапиталистическая организация экономики. Это, конечно, долгосрочный проект, но крайне важно очертить его границы. Они должны включать одновременно и утопическое измерение (вид общества, которое мы хотим строить), и среднесрочные проекты, и краткосрочные цели, постановка которых - задача базиса гражданского общества.

1.3. Какое гражданское общество противостоит глобализации?

Его признаки довольно очевидны, даже если действия непросты, а противник силён. Можно выделить пять основных тенденций.

Первая из них - продвижение базиса гражданского общества, который сам себя определяет как *антисистемный*. Он объединяет тех, кто в разных сферах общественной жизни помогают построить иную экономику, политику и культуру - со всеми их достижениями и поражениями, успехами и ошибками. Это гражданское общество нуждается в "интеллектуальной элите", которая, совместно с общественными движениями, постоянно рассматривает проблемы и цели. Они должны сформулировать свою программу, которая не контролировалась бы "глобальными игрока-

ми". И они должны найти новые формы выражения, свою культуру, подобно тому, как это сделали многие другие движения в прошлом.

Вторая характеристика основы гражданского общества заключается в том, что она имеет утопическое видение мира - то, которое мобилизует людей, воскрешает надежду и вырастает в конкретный опыт социальной борьбы. Это видение никогда не стирается в ходе его реализации на практике, а продолжает сиять подобно маяку как индивидам, так и целым сообществам. Эти утопии происходят от великих гуманистических традиций, как религиозных, так и светских. И нам нельзя недооценивать огромную мощь утопий, порождённых религиозными движениями, когда они не являются торговцами иллюзиями и не вязнут в институциональной логике, отождествляющей веру с церковью и стремлением к власти. Когда эти движения, напротив, воодушевляют и вдохновляют общественную деятельность, акцентируют внимание на освободительной природе теологии, когда оказывают влияние на нравственность в человеческом поведении, тогда они очень важны для построения нового общества.

В-третьих, базис гражданского общества должен *искать альтернативы* на всех уровнях - великих политических завоеваний и повседневной деятельности, на уровне международных организаций, ООН и в повседневной жизни обездоленных, на уровне материальной жизни и культуры, на уровне уважения к природе и организации производства, на уровне как развития, так и потребления. Это чрезвычайно трудная задача, требующая серьёзной работы, но основы её уже заложены.

Четвёртый аспект - принятие социального пространства. Это должно быть связано с политикой, иначе деятельность остаётся бесплодной или, по крайней мере, ограниченной в своём влиянии. Фактически, это вопрос построения такого рода отношений власти, которые могли бы привести к принятию решений. Это является непременным условием создания истинной демократии, которая, включая избирательный процесс, не сводится исключительно к нему. Она должна охватывать всё социальное пространство, включая и экономические аспекты. Всё это охватывает политическую культуру и обучение ей (что не всегда реализуется в рамках общественных движений) в ответ на девальвацию политиков. Также вероятно, что в будущем совокупность политических организаций выстроит новые отношения власти.

Пятая и последняя тенденция - это сближение общественных движений. Глобализация сопротивления и борьбы - цель,

причём не абстрактная, искусственная, а вполне конкретная. Многочисленность движений может стать серьёзным препятствием, если они будут рассеянными и фрагментарными. Однако она же может стать сильной стороной, если они объединятся в реально действующие блоки, вместо того чтобы существовать рядом друг с другом, лишь периодически сближаясь. Но для этого необходимы средства - как аналитические (определение круга проблем, целей и методов), так и средства взаимодействия.

В заключение можно сказать, что признание гражданского общества должно начаться с определения его основы. Она может стать глобальной лишь в той мере, в какой она существует локально, поскольку сближение может происходить только между реально существующими движениями. Есть множество способов реализации практической деятельности, как местной, так и международной. Но все они должны определяться теми, кто активен в таких сферах, как организация общественных отношений, коммуникации, культура и окружающая среда. Именно поэтому гражданское общество является полисом общественной борьбы, а, значит, полисом возникновения общественных движений. Теперь необходимо проанализировать тенденции их перегруппировки на региональном и международном уровнях.

2. Глобализация общественных движений

По мере глобализации капитализма на всех континентах появляется несметное число общественных движений и множество инициатив в экономической и социальной сфере. Кроме того, национальные, региональные и религиозные течения противостоят социальной дезинтеграции. В общем, социальная сфера пронизана на международном уровне серией различных движений, с несущественными взаимосвязями между собой.

Эти общественные движения всё чаще приводят к делегитимизации господствующей ныне экономической системы, поскольку капитализм, очевидно, затрагивает не только интересы рабочих, непосредственно вовлечённых в отношения труда и капитала, но и всё более разнообразные слои мирового населения, на которых логика экономической системы влияет опосредованно: посредством финансовых механизмов (обслуживания долга, процентных ставок, потоков капитала и т.п.), фиксированных цен на сырьё и мн.др. Для понимания современной динамики борьбы и сопротивления необходимо помнить, что глобализация капиталистической экономики в

её неолиберальной форме оказывает влияние на широкие слои населения во всём мире, включая и средний класс. Не все осознают это, но всё же прослеживается именно такая тенденция, подтверждение чему можно найти в Сизтле, Вашингтоне, Женеве, Праге, Бангкоке, Ницце, Квебеке, Генуе, Барселоне, Риме Севилье и т.д.

Однако, ликвидация легитимности недостаточна. Необходимо выдвигать альтернативы. Нарастание сопротивления и борьбы пока привели лишь к предложениям на микроуровне. Падение «социализма» в Восточной Европе и постепенная интеграция большинства социалистических режимов в рыночную экономику едва ли проясняет сознание людей. А тот анализ, который начинает проводиться в интеллектуальных кругах, пока ещё не оказывает серьёзного влияния на деятельность. И всё же появляется новая динамика – сближение различных форм сопротивления, ставящих под сомнение современный status quo.

2.1. Социальные последствия современного процесса капиталистической глобализации

Люди говорят о движении антиглобалистов как о способе сознательного или неосознанного переосмысления проблемы глобализации. Большинство таких движений, кроме националистских и религиозных фундаменталистских, а также движений пятидесятников и иных харизматических объединений, никоим образом не выступает против глобализации человеческих отношений. Однако они выступают против подчинения глобализации исключительно экономическим интересам.

Социальные характеристики современной глобализации

Глобализация капитала и экономических решений оказывает воздействие на многие сферы человеческой жизни. Мы знаем, что это означает на сугубо экономическом уровне, но следует обратить внимание на то, что логика рынка проникает во всё более широкий круг сфер человеческого существования, включая систему образования, здравоохранения, социальную защиту и культуру. Меркантилистская логика, пронизывая эти сферы, ослабляет их природу как сферы реализации прав человека, которые были отвоёваны в результате общественной борьбы, и распродаёт их в зависимости от кредитоспособности индивидов. Эта логика неизбежно приводит к "исключению" бедных из социального пространства

или, в лучшем случае, к вынужденному получению помощи. И неудивительно, что благодаря новым коммуникациям сложившейся системе начинает противостоять всё большее число людей.

Общественные учреждения, которым, по меньшей мере, частично, удалось повлиять на ход социальной борьбы, теперь вновь завоёвываются капиталом. В первую очередь речь идёт о государстве, пересматривающем свои экономические и социальные функции и начинающем ориентироваться на капиталистические интересы. Сюда же относятся международные организации и ООН, которые всё в большей мере управляются финансовыми и коммерческими организациями (Мировым банком, МВФ, ВТО), а теперь и виртуально колонизированы транснациональными корпорациями.

Всё это происходит вследствие логики процесса капиталистического накопления, так что не нужно выискивать мистическую теорию для объяснения этих процессов. Неолиберализм - всего лишь новая стратегия капитала, позволяющая ему восстановить способность к самовозрастанию - на Западе в связи с относительным сокращением производительности, которое привело к ослаблению кейнсианской модели, и на периферии - благодаря новым возможностям капитала для повторной колонизации этих экономик. Это позволяет ведущим "экономическим игрокам" продолжать подавление любых попыток выстроить экономику на ином основании. Ускорение процесса накопления, таким образом, ознаменовывает двойное наступление: на труд, с одной стороны, и на государство - с другой. Все средства - экономические, культурные, политические и военные - используются для достижения этих целей.

Расширение и фрагментация сопротивления и борьбы

Наращение борьбы может быть объяснено возросшим числом жертв системы, к которым теперь относятся не только те, кто непосредственно вовлечён в отношения труда и капитала (то, что Маркс называл реальным подчинением). Опосредованные отношения, о которых говорилось выше (формальное подчинение), охватывают сотни миллионов людей, которые, далеко не всегда осознавая существование связей, которые объединяют их в мировую экономическую систему, страдают от их катастрофических последствий. Связи между причиной и следствием далеко не всегда уловимы и требуют тщательного анализа и применения абстрактного мышления к конкретным реалиям для установления, например, отношений между монетаризмом и снижением покупательной способно-

сти большинства слоёв населения, между "налоговыми гаванями" и недозанятостью, между программами структурной перестройки и нищетой.

Экспансия сопротивления проистекает из социальных последствий глобализации капиталистической экономики. Феминизация бедности ведет к укреплению позиций движений феминисток, разрушение окружающей среды и её приватизация поощряют создание групп по защите окружающей среды, культурная деградация вызывает защитную реакцию, которая иногда является ретроградной, когда она не сопровождается надлежащим анализом.

Фрагментация борьбы является следствием географической и "по-секторной" раздробленности. В то время как капитал, особенно финансовый, доминирующий в неолиберальную фазу современного капиталистического накопления, обретает всё более весомое материальное основание для собственного воспроизводства на международном уровне, сопротивление этим процессам до сих пор остаётся в основном локализованным. Верно и то, что недавние многочисленные демонстрации обнаружили тенденцию к формированию интернациональных групп, но оно затруднено недостатком средств, несмотря на то что Интернет открывает новые возможности для коммуникации.

Что касается фрагментации "по секторам" экономической деятельности (рабочие и крестьяне, неформальный и формальный сектор, мелкие фермеры и безземельные крестьяне), она тоже является следствием капиталистической логики. Фактически существует разрыв между категориями, вовлечёнными в непосредственные отношения труда и капитала, и теми, подчинение кого является формальным. Частные интересы каждой из этих групп, казалось бы, являются чётко определёнными, если не взаимоисключающими, но на самом деле они, строго говоря, "по одну сторону баррикад". В то же время капитал заинтересован представить действия "организованного сектора трудящихся" (профсоюзов) противоречащими действиям неформального сектора. И действительно, легко говорить о привилегиях первых (известной "трудовой аристократии") по сравнению с положением последних.

Другие категории - женщины, местные народы, мелкие крестьяне и торговцы, экологические движения, культурные объединения и т.п. - кажутся отстранившимися от борьбы, которая ведётся вокруг социальных отношений производства. Тот факт, что все они являются раздробленными, очень выгоден для гегемонии рынка и его политического выражения, поскольку им легче развивать стра-

тегию реакций/репрессий в случае слабости этих движений, чем столкнуться с последовательным фронтом.

Как говорят, сопротивление является отражением гражданского общества. Но важно отметить, что это именно базис гражданского общества. Верно и то, что в настоящее время мы являемся свидетелями начала единых действий: это стало очевидным во время различных демонстраций и встреч, о которых мы уже упоминали.

2.2. Стратегии сближения

Мы намеренно говорим о стратегиях во множественном числе, поскольку, как это будет показано ниже, это в большей мере соответствует современным потребностям сопротивления и борьбы на международном уровне.

Типы сближения

Современная глобализация капиталистической экономики, соответствующая новой фазе процесса накопления, который вынуждает разнообразные силы сопротивления взаимодействовать, влияет сразу на несколько секторов. Отсюда следует потребность стратегического сближения для возможности оказывать влияние на общественные решения, особенно там, где они принимаются институционально. Именно это происходит во время встреч ВТО в Сиэтле, Мирового банка в Вашингтоне, Социального саммита в Женеве, G8 в Генуе, Европейского союза в Севилье.

Нам есть к чему стремиться. Особенно сложно преодолеть культурные различия в сопротивлении и социальной борьбе. У рабочих-членов профсоюза есть вековой опыт борьбы, которая зачастую была очень трудной, и их иногда приводят в замешательство формы борьбы, используемые так называемыми "новыми общественными движениями". С другой стороны, сельские движения, и особенно движения безземельных крестьян, считают, что многие объединения рабочих постепенно интегрировались в систему и борются за весьма специфические цели в рамках этой системы, а не против самой её логики. Эти взаимные недопонимания нелегко, но необходимо преодолеть.

Ещё один необходимый тип сближения - тот, который требуется в связи с различием точек зрения и может привести к выработке группы согласованных целей. Именно поэтому такое сближе-

ние является временным и может объединить организации с разным уровнем осведомлённости о происходящих в мире процессах. Например, вопрос внешнего долга стран третьего мира объединил левые политические группы и церкви, которые иногда были весьма консервативными.

Таким образом, идея одной уникальной *авангардной* партии, являющейся носителем абсолютной истины, нереализуема в настоящее время. Но это не означает, что должен существовать абсолютный релятивизм, в рамках которого каждый занимает равные позиции, соглашаясь с логикой постмодернизма, для которого единственно существующей является "мгновенная" история индивида и неких специфических ситуаций. Именно поэтому должна быть выстроена стратегия, которая будет постоянно пересматриваться согласно изменениям целей.

Стратегия с ясными целями

В настоящее время существует угроза того, что антиглобализм станет фольклором. То, как СМИ преподносят некоторые юмористические, порой эксцентричные действия во время демонстраций, может сделать их просто смешными. Естественно, это делается преднамеренно. Серьёзно то, что некоторые движения позволяют себе быть выставленными в этом свете. Верно, что все общественные движения привносят вместе с собой свою культуру, и что сегодняшние молодые люди с трудом принимают былую дисциплину демонстраций. Но формы выражения не могут заместить содержание. То же касается некоторых форм насилия, которые являются замечательными алиби для криминализации сопротивления и манной небесной для тех, кто устраивает видеопредставления.

Верно и то, что не всё сопротивление является "анти-системным", то есть готовым бороться с капитализмом и империализмом как системами. Мы уже упоминали о фундаментализме разного рода, который практически всегда является реакцией на культурные последствия общественных отношений в рамках капиталистического рынка, но который направлен на культурное восстановление для решения проблем. То же касается и всякого рода борьбы, идущей на периферии.

Это относится и к населению, которое не было непосредственно интегрировано в капиталистические общественные отношения. Эти люди страдают от нищеты, являющейся в основном следствием глобализации экономики (программ структурной пере-

стройки, запрета мер социальной защиты, экспортной ориентации сельскохозяйственного производства, резкого снижения цен на производимую ими продукцию и т.п.). На "Севере" это вопрос атомизации общественной жизни вследствие господства рынка и индивидуализации как его основной характеристики, укрепленной культурой потребления. Это ведет к концентрации инициатив на узко специфических целях, которые, будучи важными, слишком часто рассматриваются изолированно от остальных существенных проблем.

Именно в этом контексте глобализация сопротивления и борьбы должна сместиться по ту сторону простого дополнения к уже существующим в мире инициативам. Она должна стать признаком недовольства миллионов людей, для того чтобы обрести органичный характер. Эти инициативы, действительно, возникают повсюду, но ни один из прежде существовавших видов интеграции не сделает их эффективными в долгосрочном периоде. Этот путь очень длинен, но возможен.

Интернационализация сближения

Начиная с 1999 года - года Другого Давоса и Сиэтла - международная природа сопротивления стала очевидной и Всемирный Социальный Форум (Порту-Алегри) является наиболее ярким тому подтверждением. В 2001 г. на нём собрались 20 000 человек и 700 организаций, а в 2002 г. - уже 60 000 и 1000, соответственно, из 130 стран. В 2003 г. принимало участие уже 100 000 человек и 4000 организаций. Однако Форум остаётся инициативой в основном Латинской Америки и Европы.

В то же время появляются и континентальные, региональные и национальные форумы. Первый континентальный форум состоялся в Африке, в Бамако, в 2002 г., за которым последовали форумы в Латинской Америке (Кито, 2002 г.), Европе (Флоренция, 2002), Азии (Хайдарабад, 2002). На региональном уровне прошёл Амазонский (Манау 2002) и Средиземноморский форум (Барселона, 2002). Организуется множество национальных форумов. Что касается 2004 г., то Всемирный Социальный Форум будет проходить в Индии¹, а впоследствии - в Африке.

Двумя основными поводами для беспокойства является тот факт, что участие должно быть действительно глобальным, по-

¹ Форум действительно прошел в Мумбае (Бомбее) в январе 2004 г., собрав около 100 000 участников – прим. научного редактора перевода.

сколько сопротивление противостоит глобальному капитализму, а также то, что в эти процессы вовлечён в основном лишь базис движений: единственное в мире место встречи остается очень абстрактной концепцией для них. Сближение сопротивления должно происходить на всех уровнях.

Сопротивление со стороны системы

Помимо "фольклоризации", столь дорогой для некоторых СМИ, и обращения особого внимания на некоторые "сильные меньшинства" (часто молодых людей, которые просто не находят другого способа самовыражения), деятельность основы гражданского общества наталкивается на сопротивление экономической и политической системы. Одной из простейших форм такого сопротивления является использование того же лексикона, но с изменённым смыслом (речь идёт о таких понятиях, как гражданское общество, участие, демократия, война с бедностью). Другой формой является "поглощение" (приглашения на Давос, к участию в комиссиях и семинарах Мирового банка и т.п.), и некоторые лидеры начинают играть в эту игру. Но прослеживается и интенсификация репрессий, не говоря уже о милитаризации, предпринимаемой Соединёнными Штатами в Латинской Америке, Центральной и Юго-Восточной Азии, равно как и на Ближнем Востоке - под предлогом борьбы с наркоторговлей и терроризмом (которые, действительно, являются реальными проблемами).

Поэтому можно сделать вывод о том, что глобализация общественных движений является признаком начала новой эпохи и появления надежды на то, что эти движения себя оправдают, ответив на вызовы, им противостоящие.

Третий европейский социальный форум (Лондоне, 2004). Заметки российских участников.

Позитивные инициативы и новые надежды альтерглобалистского движения

Третий европейский социальный форум, собравшийся в Лондоне 14-17 октября 2004 г., проходил в открытой, дружественной обстановке дискуссий, раздумий о том, как нам строить работу завтра, какими могут быть стратегия и тактика деятельности тех, кто не принимает капитализацию по неолиберальному рецепту. Этот форум отличала более легкая (по сравнению, например, с Парижем) атмосфера. Форум был менее академичным, более открытым, на нем доминировали тональности открытого диалога, хотя отдельные политические организации пытались доминировать на Форуме или, по крайней мере, заявить о себе как можно громче (так, распространение на каждом углу газеты "Социалистический рабочий" немного действовало на нервы, но, учитывая, что эта организация много сделала для форума, эта назойливость была вполне извинительной).

Форум, как всегда, охватывал очень широкий круг проблем и был объединен замыслом показать наличие различных альтернатив той модели глобального капитализма, который сегодня навязан США, Европейским Союзом и другими протоимперскими силами. И это во многом получилось. На форуме звучала не только критика сложившегося миропорядка, но и целый **ряд конструктивных альтернатив вплоть до программ совместных действий. Участники форума отвечали не только на вопрос: "Что мы можем сделать?", но и "как мы можем сделать?",** какие практические шаги в ближайшем будущем необходимо предпринять для того, чтобы солидарность стала реальностью. На ЕСФ было зарегистрировано более **20 тысяч человек** примерно из 70 стран, было проведено около 500 различного рода встреч, пленарных заседаний, семинаров, секций, других мероприятий. Только официально объявленных докладчиков было более 250 человек, плюс принимавшие участие в дискуссиях. На конференции работало около 600 журналистов, представлявших различные средства массовой информации.

Среди основных тем форума, безусловно, следует назвать тему **войны и мира**, которая, после 20 лет разговоров о том, что западный либеральный мир - это главная миротворческая сила, стала чрезвычайно актуальной. История последнего десятилетия показала, что НАТО - это по-прежнему агрессивный блок, готовый развязать войну и в Европе, и на Востоке; это блок, угрожающий миру практически в любой точке планеты. И альтернативные действия, готовность людей отстаивать мир - это то главное, что объединяло самые разные общественно-политические организации, в том числе и те, которые по другим вопросам никогда не стали бы друг с другом сотрудничать. Акции протеста, многомиллионные марши, которые прокатились по Европе, США в 2004 году, воодушевили участников форума на новые шаги в этом направлении. На пленарных заседаниях и на секциях велась конкретная работа, продумывались конкретные решения, как бороться с оккупацией Ирака, как поддержать возможности для развития демократии в этой стране, ее освобождение как из под гнета США, так и от угрозы восстановления нового авторитарного режима. Не менее актуальны были дебаты по войне в Чечне, о чем более подробно будет рассказано в следующих номерах журнала. Вспоминали также агрессию НАТО в Югославии и многие другие примеры насильственных действий со стороны "Большой восьмерки", включая Россию.

Вторая большая тема - это **альтернативы капиталистической глобализации**, проходящей под эгидой крупных транснациональных корпораций. Была проведена целая серия интереснейших и важнейших обсуждений. Среди главных тем следует назвать проблему нищеты, проблему демократических альтернатив власти транснациональных корпораций в экономике, вопросы восстановления социальной справедливости. Весь этот блок проблем обсуждался очень конструктивно, предлагались конкретные механизмы аннулирования долгов, в т. ч. *единый долговой дефолт*, который могут и должны провести страны Третьего мира, вопросы перераспределения общественного богатства и компенсации тех потерь, которые нанес колониализм странам Третьего мира. Очень много говорилось о необходимости доминирования прав граждан, начиная от муниципального уровня и заканчивая международной солидарностью по отношению к власти транснациональных корпораций.

Третий блок проблем - это **вопросы борьбы против приватизации социальной сферы** - образования, здравоохранения; борьба против отмены льгот для граждан. Это реальность, как для России, так и для всего мира. Здесь участники семинаров по

проблемам борьбы с приватизацией образования, защиты социальных прав граждан получили много конкретной информации о том, что и как можно сделать в этой сфере. Эти знания мы будем использовать в нашей практической работе и в теоретических размышлениях о том, каковы стратегические альтернативы неолиберальному наступлению. А эти альтернативы есть, и диалог, как ученых, так и участников практических акций, многие из которых имели локальный успех, для нас принципиально важен.

Нельзя обойти и тему **прав меньшинств**, которая очень активно звучала на форуме. Прежде всего, говорилось о борьбе с угрозой расизма, национализма и наступления правых. В Европе одним из важнейших событий стала борьба против угнетения иммигрантов (в т.ч. нелегальных). Для России эта проблема тоже стала крайне актуальной. Мы слышим с разных сторон, начиная от радикальных левых шовинистов и заканчивая шовинистами-монархистами и фашистами, слова о необходимости очистить Россию, особенно Москву, от лиц, внешность которых отличается от «идеальной» физиономии «чистокровного» русского. **Проблема расизма и национализма неожиданно стала актуальной для нашей страны**, и здесь опыт солидарности профсоюзов, общественных организаций, включая женские, образовательные, левые с организациями иммигрантов, активная борьба в защиту прав иммигрантов, массовые демонстрации против насилия в отношении иммигрантов - все это конкретные примеры действий для предотвращения сползания нашей страны к расистским порядкам.

Наконец **проблемы экологии**, которые в последнее десятилетие для России отошли на задний план, а сейчас вновь стали актуальными потому, что варварский капитализм в нашей стране, сокращая производство, очень мало сократил экологическую нагрузку, а истребление природных ресурсов (лесов, рыбы) приобретает катастрофические масштабы. И здесь солидарность оказалась принципиально значимой.

Кроме того, на Форуме решались практические вопросы поиска людей, готовых защищать права таких социальных групп как чернобыльцы. Члены организации ликвидаторов аварии на ЧАЭС искали тех, кто мог бы помочь им защищать свои права от антисоциальных законов, принятых в последнее время в России.

Что касается организаторов Форума, то, как всегда, среди основных лидеров были самые многочисленные организации и движения - профсоюзы, женские организации, образовательные, молодежные, социальные движения. В ряде случаев помощь оказали

политические партии (троцкистские, анархистские, коммунистические, социал-демократические). Огромную помощь в проведении форума оказал мэр Большого Лондона Кен Ливингстон, который является представителем левого крыла лейбористской партии и известен своей последовательной демократической левой, социалистической политикой в Лондоне.

Очень важно то, что на форуме не доминировали представители Великобритании, он был по-настоящему интернациональным. Люди разных национальностей, разных возрастов, в основном молодежь от 16 до 25 лет, совершенно равноправно взаимодействовали на Форуме. Широко были представлены страны Третьего мира.

Что касается *российской делегации*, то она была достаточно большой - порядка 100 человек в составе организованной группы. Было много русских, приехавших самостоятельно по приглашению различных общественных организаций и в делегацию не входивших. Впрочем, все мы были достаточно самостоятельны, и вели себя по-разному. Кто-то больше гулял по Лондону, а кто-то (по моим оценкам – большинство) едва выкраивал 5-6 часов на сон, ведь Форум работал очень интенсивно - с 9.00 до 21.00, а потом еще была масса неформальных встреч. Условия жизни на Форуме были очень скромными. Многие гости жили в спортивных залах, отдыхали в спальнях мешках, кто-то устроился у знакомых, но тоже по 3-4 человека в одной комнате (Людмила Булавка, я и еще двое друзей разместились так же в спальниках у знакомых), лишь пожилые люди устроились в дешевых общежитиях. Но это совершенно не мешало нашей работе, поскольку думали не о том, как и где устроиться, а о том, чтобы интересно и конструктивно общаться.

Во время семинаров, проходивших на Форуме, один из членов нашей делегации сказал: "Мы вырвались в цветущий сад из душной атмосферы России". И это не смотря на то, что в Лондоне постоянно шел дождь, дул ветер и погода была по-настоящему британской. Но атмосфера открытости, диалога, энтузиазма присутствовала, и в этом смысле можно сказать, что Форум возродил дух Флоренции.

В российскую делегацию входили представители различных профсоюзов (авиационных, образовательных и др.), экологических организаций, представители движения "Альтернативы" (мы, как всегда, сформировали целую команду молодежи и интеллектуалов, которые активно выступали на Форуме), представители "Молодежного левого фронта", Института проблем глобализации, троцкисты,

анархисты - очень широкий круг людей, по преимуществу - молодежь, хотя было и несколько профессоров. Среди последних - члены редколлегии журнала "Альтернативы" Рудык, Воейков, Колганов, Булавка, Бузгалин. Причем на форуме мы именно работали. Предваряя отчет, который будет опубликован на сайте, следует сказать, что практически каждый из нас подготовил, как минимум, по одному докладу. Булавка и автор были модераторами на пленарных заседаниях, выступали на семинарах в дебатах.

Движение «Альтернативы» инициировало **секцию по проблема, природы и противоречий альтерглобалистского движения**, в которой приняли участие около 40 человек из России, Великобритании, США и других стран. Разговор на секции был чрезвычайно интересным. Следует отметить два блока проблем, которые были главным объектом дискуссии. Первый – необходима ли для деятельности левых обязательно иерархическая структура, подчинение и формальное лидерство, пусть даже под контролем снизу, или же наше деятельность может строиться преимущественно как сетевая структура?. Здесь мнения разделились не по принципу "россияне - европейцы", а по принципу сторонников демократической централизованной структуры, когда лидеры подчинены низам, но при этом присутствуют иерархия и дисциплина, и сторонников сетевой организации, модели «работающей ассоциации», о которой автор этих заметок многократно писал. Дебаты показали наличие серьезных аргументов в пользу "движенческой" структуры, ее работоспособность, да и сам Форум убеждал, что такая структура возможна.

Среди других интересных форм активности, которые уже традиционно предлагает российская делегация на ЕСФ, был **"Театр живых идей"**. В этот раз он был посвящен теме **"Революция и террор"**. Эта тема чрезвычайно актуальна в современных условиях. В спектакле были заняты профессор Воейков (он представлял идеи социал-демократии, конкретно Юлия Мартова), Андрей Колганов (выступал с позиций антисталинских коммунистов, конкретно Троцкого), Эмиль Рудык (он представлял идеи Сталина). В спектакле были так же отображены позиции народовольцев (Людмила Булавка) и задействованы такие исторические фигуры как Виктор Серж (от его имени профессор Ричард Гримэн принял участие в дебатах с короткой, но яркой репликой). Наши молодые коллеги участвовали в спектакле, представляя свои точки зрения.

Спектакль как всегда более напоминал политические дебаты и научные размышления, нежели театральное действие, и прохо-

дил форме импровизации. Модерировал дебаты автор этих замечаний.

Сначала мы даже удивились, когда нам предоставили для представления небольшую комнату, в которой могло разместиться не более 30-40 человек. Но затем, по ходу спектакля, в небольшой комнате собралось более 70 зрителей. Мы принесли дополнительные стулья, масса людей слушала нас стоя, в том числе на лестнице, ведущей на 2-й этаж на антресоли.

Английская, американская, немецкая, российская аудитории очень активно и живо воспринимали спектакль. В нем были выделены три части. "Белая" часть - дореволюционная, в которой шли дебаты о возможности использования вооруженного насилия против тех, кто несет ответственность за подавление трудящихся, за развязывание войн. Здесь короткая реплика Людмилы Булавки, представлявшей идеи народовольцев, вызвала большое волнение в зале. Она совершенно справедливо сказала о том, что это был террор против власти, против тех, кто сам был ответственен за многие тысячи жизней. Террор против тех, кто развязал кровавую бойню, имеет свои основания – такой была позиция народовольцев. С ней спорил Юлий Мартов, который подчеркивал, что возможно лишь революционное насилие в форме демократической социалистической революции при акценте на необходимость развития реформ. А. Колганов, представлявший Троцкого, показывал, что революционное насилие неизбежно, оно должно быть ограничено и не выливаться в террор по отношению к населению. Завершая «белый» период, мы предложили залу проголосовать по вопросу использования радикального насилия для решения задач социалистических преобразований. Зал поделился примерно поровну.

Второй этап - "красный". Его символизировала смена декораций. Это период красного террора. Здесь основным стал вопрос о допустимости насилия по отношению к инакомыслящим, по отношению к гражданам собственной страны. Основные дебаты шли между Сталиным, Троцким и Мартовым. При этом Троцкий и Мартов оказались во многом по одну сторону баррикад, а Сталин - по другую. Мы не будем пересказывать смысл их спора: взгляды этих исторических фигур хорошо известны читателям нашего журнала. Короткая реплика Виктора Сержа, которого "арестовал" Сергей Филимонов, представлявший Берию, еще более накалила эмоции в зале. И тогда ведущий поставил вопрос о том, как нужно было поступить со Сталиным, ответственным за террор против граждан собственной страны. Залу было предложено для голосования три

возможных решения. Первое - борьба демократическими методами, при этом нет гарантий победы. Второе - убить Сталина. Третье - воздержаться. Всего несколько человек выбрало демократическую борьбу, не более 10 решилось на активные действия, большинство же выбрало пассивный путь. Но не сеть ли это прямая дорога к сталинизму? Этим голосованием завершился второй акт нашего короткого действия.

Третий был посвящен решению сегодняшних проблем. В декорациях появился черный цвет. Здесь уже довольно жестко и однозначно звучала позиция всех участников о неприменимости террора по отношению к гражданам в качестве средства давления на существующую власть. Была четко выделена основная идея, что собственно террористическое поведение провоцируется не культурными особенностями и историческими традициями, а общей обстановкой и рождением протоимперии, хозяином которой становится глобальный капитал.

В заключение мне, пожалуй, хотелось бы прокомментировать главный вопрос. Его накануне отъезда мне задавали многие члены нашей делегации: **"А для чего нужны эти форумы?"** Ответ на этот вопрос дал сам Форум.

Во-первых, это *пространство* для диалога, который дает возможность убедиться, что, таких как мы, сторонников иной глобализации, активных участников создания этой иной модели мира много - их десятки тысяч, и за каждым из делегатов стоят еще сотни и тысячи товарищей, а иногда и миллионы членов разных общественных организаций, партий и движений. Это настоящая сила, причем объединенная не принуждением, насилием или деньгами, а действительным интересом граждан и стремлением добиться демократического, социально справедливого мира в глобальных масштабах. Такова задача, которую мы стремимся решить, и наша работа в этом направлении понемногу дает результаты.

Во-вторых, собственно *диалог* также является принципиально значимым, поскольку Россия сегодня очень периферийна, мы "варимся в собственном соку", мы не знаем о том как можно бороться, мы мало участвуем в международных дебатах о стратегии, многие аргументы критики неолиберализма для нас малоизвестны, многие теоретические и практические разработки, позволяющие решать проблему альтернатив глобальному капитализму, да и нашему "капитализму юрского периода", для нас Terra incognita. Это касается и борьбы против приватизации образования? и методов организации демонстраций? и фундаментальных вопросов ренационали-

зации природных богатств... Практически везде *нам есть чему поучиться*.

С другой стороны, *есть чему поучиться и у нас*. Опыт создания открытых, добровольных, работающих ассоциаций, даже опыт движения "Альтернативы" воспринимался с очень большим интересом. С большим интересом люди слушали о том, как построена сетевая модель образования в Молодежном университете современного социализма (МУСС) или работа по поддержке протестного движения трудовых коллективов, да и сам опыт протестного движения показался нашим товарищам во многом уникальным. Так что диалог, учеба, пропаганда идей оказалась важнейшим направлением нашей работы и одной из тех задач, которые мы решали на форуме.

В-третьих, важнейшая задача, которую помогает решать Форум, это действительная *международная солидарность*, помощь товарищей по борьбе, поддержка зарубежных акций нашими товарищами, с нашей стороны и, наоборот, международная солидарность с нашими акциями. Это очень важно.

Наконец, самое главное. *Разработка программы совместных действий*, чему были посвящены несколько подготовительных встреч и **Ассамблея социальных движений**. На этой ассамблее были приняты конкретные решения о совместных международных общевропейских (включая Россию) акциях протеста против войны и неолиберальной глобализации, которые пройдут и во время встреч "Большой восьмерки", и до этого (предположительно, 20 марта 2005 г.). Это те практические шаги, которые мы можем и должны сделать. Таковы самые первые короткие впечатления о форуме, которыми я хотел бы поделиться.

Александр Бузгалин

Большие надежды антиглобализма:

Европейский Социальный Форум, состоявшийся с 13 по 17 октября в Лондоне, был третьим по счету, у ЕСФ появилась история. И вне этой истории, на мой взгляд, понять и оценить Лондонский Форум было бы очень трудно.

Флоренция стала, на мой взгляд, прекрасным началом истории ЕСФ. По уровню человеческого общения, по воодушевленности Флоренция, как мне представляется, была уникальной. В этом есть объективная логика: во Флоренции необходимо было продемонстрировать позитивную направленность антиглобалистского движения, его способность к организации на принципиально новых основаниях – на личной инициативе, активности, творческом соучастии. Это, несомненно, получилось. Впечатления от Флорентийской демонстрации никогда не забудут те, кто в ней участвовал. Девяностотысячная, прекрасно организованная, объединившая мирных, но не смирившихся людей, похожая на карнавал, представляющая собой совершенно определенное социально-политическое одушевленное послание, она была подлинным триумфом и Флоренции, и ЕСФ, и антиглобализма в целом. Нужно сказать, что почти всеми участниками Флорентийский форум оценивался как серьезная победа антиглобалистского движения. Для многих он стал своего рода точкой отсчета, но у и многих же породил слишком большие надежды и преувеличенные представления о возможностях и скорости социальных изменений. Кроме того, при всей масштабности ЕСФ во Флоренции, он не вызвал того резонанса, на который можно было рассчитывать, вспоминая концентрацию творческой социальной энергии на форуме. Я, думаю, что не будет преувеличением сказать, что Флоренция у многих оставила впечатление праздника. Но будни оказались довольно горькими: огромная демонстрация не остановила войну, политическая жизнь многих стран отмечена наступлением реакции, мир захлестнула истерия насилия, которая обесценивает демократические права и свободы, позволяет правительствам вводить полицейские меры, причем часто совершенно беспрепятственно.

Второй, Парижский форум, собравшийся через год, был гораздо сдержаннее и деловитее. Это был уже не праздник протеста, а серьезное обсуждение, формулирование задач и целей. Конечно, элементы фестиваля можно было заметить и в Париже: открытие со сжиганием чучела капитализма, фейерверк, митинг-концерт на демонстрации. Но это и были только элементы, шаги к созданию

определенной атмосферы, к созданию традиции, быть может. Перед Парижем стояли совершенно другие задачи, на его плечи легла необходимость формирования рабочего духа Форума, определения его роли и функций как постоянного политического явления. Парижский Форум был организован лучше и масштабнее. Во Флоренции было проведено 14 конференций и 143 семинара, в Париже и городах-спутниках Сен-Дени, Бобиньи и Иври-сюр-Сен - 55 пленумов и 251 семинар. Гораздо лучше, чем во Флоренции, был налажен перевод, дискуссии были организованы четче, выступления упорядочены. Приятное впечатление создавал искренний интерес аудитории к выступлениям. Интересный вопрос подчас задавал новое направление обсуждению, аудитория, таким образом, не была пассивной, равнодушной. На форуме царила деловая атмосфера, выступления напоминали научные доклады, а не декларации и призывы. Отметим, что при примерно равном количестве участников состав делегатов флорентийского и парижского форумов был все же различен. Европа, да и другие континенты, как и на Форуме-2002, так и во флорентийской манифестации были представлены шире. При этом состав организаций, приславших своих представителей на Форум, был гораздо более пестрым, увеличилось представительство социальных организаций – зеленых, женских, правозащитных.

Таким образом, Париж, продолжая завоевания Флоренции, сделал шаг вперед. В Париже, несмотря на поддержку мэрии, не повторилось того удивительного слияния города и Форума, которое было во Флоренции. Довольно серьезным разочарованием стала манифестация 15 ноября, завершавшая Форум. Она была довольно внушительной и продолжалась более 3 часов, но собрала примерно 75000 демонстрантов, т.е. несравнимо меньше, чем во Флоренции. Разочарование в манифестации усилило общее впечатление от умеренности, академичности Парижского ЕСФ, которое создалось у большинство участников. Деловитый стиль Парижа, казалось, невыгодно контрастировал с Флорентийским праздником. Гораздо серьезнее то, что многие участники высказывали и на форуме, и в дальнейшем опасения, что это мероприятие превращается в говорильню. Именно в Париже я услышала сомнение в том, что ЕСФ вообще имеет смысл. Я думаю, что эти опасения связаны далеко не столько с самим по себе Парижским Форумом, который, по моему, был не менее, а может и более продуктивным, чем Флорентийский. Огромные трудности и проблемы, с которыми сталкиваются левые движения у себя дома, особенно это актуально для стран

Восточной Европы и для России, не располагают подчас к оптимизму. Действительно, если бы белые вороны мира (или хотя бы только Европы) собирались бы раз в год вместе, им мир казался (ненадолго) белее и чище, чем он есть. Но, разлетевшись по миру, они бы сильнее почувствовали, какой чернотой окружены. Но разве лучше вообще не знать, что существуют другие белые вороны?

Лондонский форум стартовал сразу после Парижа. Он, безусловно, наследник двух предыдущих форумов, он продолжил их традиции, учел недостатки. Очень удачно, что при определении площадок Форума были учтены размеры города, форум был значительно менее разбросан, чем Парижский. Основным местом стало викторианское здание на северо-востоке Лондона «Alexandra Palace». Пленарные заседания и большинство семинаров проходило именно там. Кроме того, так называемые «workshops» – семинары с более свободным порядком обсуждения – проходили на нескольких площадках в центре Лондона. В Лондоне состоялось гораздо больше мероприятий, да и программа Лондонского ЕСФ составлена и продумана лучше, чем предыдущие. Во-первых, события более детально и разумно структурированы. Более общие и более теоретические вопросы обсуждались на пленарных заседаниях, которых на форуме было около 30. Вот некоторые темы: «За демократическую и социальную Европу», «Европейская и мировая экономика: ВТО и справедливость торговли», «Возвращение войны в Европу», «Каково будущее Палестины?», «Наш мир не продается», «Совместная работа для победы над неравенством и для создания экономической и социальной альтернативы», «Конец оккупации Ирака», «Проблема знания: культура, образование, интеллектуальная собственность и СМИ», «Финансовые спекуляции и налоговая справедливость: МВФ и Мировой Банк», «Приватизация, социальные движения и политические партии», «Конец мифу о развитии и росте: вперед к стабильному обществу» «Борьба женщин против угнетения – неолиберализм, патриархальные и феминистские стратегии» и т.д. По названиям уже можно сделать вывод как о многообразии обсуждаемых тем, так и многообразии самих способов обсуждения. Действительно, названия варьируют от абсолютно академических до лозунговых форм. Так же и заседания походили или на митинг, или на вполне академическую конференцию. Кроме того, на форуме состоялось около 160 семинаров, посвященных будущему образования, культуры, социального сектора, правам различных групп и слоев населения, проблемам и перспективам развития Европейского Союза, проблемам Восточной Европы, пробле-

мам экологии, женского и профсоюзного движения. На форуме также обсуждались темы фашизма, войны и все значимые на сегодняшний день национальные конфликты и противостояния. По сравнению с двумя предыдущими ЕСФ в Лондоне были предложены еще две формы работы - «workshops» и культурные мероприятия, которые не проходили спонтанно вне основного Форума, а были заявлены в программе, стали его неотъемлемой и важной частью.

На «workshops» темы были сформулированы более узко и конкретно, основным содержанием их были не заранее подготовленные доклады, а живое обсуждение. Таких событий на форуме было более 200, темы самые разные: перспективы социальных движений и экономической демократии, женские, гражданские и экономические права, права мигрантов, экология, экологическая безопасность, генная инженерия и ее социальные и медицинские последствия, молодежная преступность, и т.д. Кроме того, в течение всего форума проходили концерты революционной и национальной песни, показ фильмов и спектаклей, политических шоу самого разного вида, на любой вкус. Таких событий на форуме насчитывалось около 230.

Таким образом, Лондонский ЕСФ был значительно более масштабен и, на мой взгляд, лучше организован, чем предыдущие два. Он был и идейно выдержан, хотя темы обсуждения были многообразны. Гораздо эффективнее решалась проблема с переводом. Да, в основном перевод осуществлялся на пять ведущих языков – английский (рабочий язык форума, что естественно), итальянский, французский, немецкий и испанский. Однако никто не оставался равнодушным к языковым трудностям желающих высказаться. На моих глазах нашелся переводчик с турецкого, мне свои услуги по переводу предлагала гречанка, которая изучала русский ... в Эдинбурге. Да, проведения нескольких семинаров одновременно в одном огромном, разделенном брезентом помещении создавало определенные трудности, подчас участники семинара не слышали друг друга из-за бурных дебатов соседей. Но их можно было устранить, просто поговорив по душам. Нужно учитывать, что такое масштабное событие, объединяющее столько разнообразных людей, обязательно будет противоречивым. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть материалы о форумах – там подчас можно встретить противоположные точки зрения и описания одних и тех же событий. У меня самой складывались противоречивое впечатление. Некоторые семинары оставили неприятный осадок своей тен-

денциозностью, игнорированием альтернативных точек зрения, на некоторых мне вообще показалось, что никто никого не слушает. И тут же другие поразили искренним участием аудитории, вниманием к противоположным точкам зрения, заинтересованным обсуждением. На мой взгляд, волонтеры в Лондоне работали гораздо более организовано и заинтересовано. «Alexandra Palace» - большое здание, некоторые мероприятия проходили в удаленных друг от друга пристройках, так что помощь волонтеров порой была неоценима. Лондон, конечно, казался совершенно безучастным к форуму, десятки тысяч делегатов растворились в огромном городе, однако участников приветствовал мэр города Кен Ливингстон, что сразу предало событию дополнительный вес.

Демонстрация меня разочаровала. Боюсь, после Флоренции меня будет разочаровывать любая демонстрация. Она была существенно меньше и вообще как-то скромнее, сдержаннее, деловитее. Кроме того, она была значительно менее разнообразной, чем Флорентийская и даже Парижская по составу организаций-участниц и по национальному составу. Было огромное разнообразие плакатов, отразивших, наверное, всю тематику форума, а вот песен и скандируемых сообщений лозунгов не было вовсе. Единственная «хулиганская» выходка – массовое «освистывание» Даунинг стрит, где расположено здание правительства и квартира премьер министра Великобритании Тони Блэра. Человек 200 одновременно свистели в полицейские свистки, посылая правительству и Блэру такой своеобразный привет. Полицейские, кстати, были в Лондоне гораздо виднее, чем во Флоренции и Париже. Они оцепили весь маршрут демонстрации, но вели себя в целом вежливо, хотя есть сообщения и об арестах. Демонстрацию завершил митинг на Трафальгарской площади. Митинг сгладил впечатление от демонстрации, он был продолжительным, эмоциональным и довольно содержательным. Не могу не отметить плакат, на котором были портреты «террористов № 1 в мире». Там фигурировали Буш, Блэр, Шарон и наш В.В. Путин. Отношение к российскому президенту, надо сказать, серьезно изменилось после Флорентийского форума.

Итак, я уверена, что ЕСФ доказал свою жизнеспособность, хотя меня и настораживает информация, что периодичность ломается, и следующий форум будет проводиться через полтора – два года. Тем не менее, наблюдая такое впечатляющее развитие, можно, несмотря на все противоречия и проблемы, констатировать: Форум востребован, у Форума есть перспективы, у него есть совершенно определенные функции в антиглобалистском движении. Эти

функции можно сформулировать, на мой взгляд, следующим образом. Во-первых, это информационная функция, это возможность общения, обмена информацией и координатами, причем личного общения и обмена, что очень важно. Это возможность как заявить о себе, так и узнать о деятельности других. К сожалению, именно в Лондоне мне показалось, что интерес к другим организациям, неожиданным темам в целом падает. Может быть, правда, это свидетельствует о том, что основные партнеры и интересы для большинства организаций определены, но мне показалось это несколько настораживающим. Без любопытства и поиска, как мне кажется, форум потеряет свою главную силу, а значит, и смысл. Но о тенденции говорить здесь рано, это может быть только впечатлением. Разнообразная информация, в изобилии предоставляемая на форуме позволяет сходным организациям в разных странах синхронизировать действия, помогать друг другу, т.е. можно назвать и координационную функцию ЕСФ. Не менее, а, может быть, и наиболее важной мне предоставляется консолидационная и демонстрационная функция ЕСФ. Это не что иное как наднациональное объединение здоровых социальных сил на совершенно новых основаниях – личной инициативы и творчества, взаимопомощи и товарищества, бескорыстия и альтруизма. И это демонстрация того, что это не пустые слова, а жизненные принципы для огромного числа самых разных людей. Именно это поражает, например, моих студентов. И именно это, по словам одного пятикурсника, «вселяет надежду». Кстати, на Лондонском форуме было гораздо больше российских журналистов, и информации дома было больше, как я могу судить по отзывам.

В заключении хочу сказать: ЕСФ, как любое масштабное событие противоречиво, у него много проблем. Достаточно почитать информацию о нем или послушать делегатов. Но на нем многое делается. Большое и малое, важное и второстепенное. Хочется отметить две, казалось бы частности. Наблюдая в Лондоне людей, приехавших на свой третий или второй форум, я видела, как они меняются. Каждый меняется по-разному, но главное – они задумываются. То же, хотя и по-другому, происходит с теми, кто приехал на Форум первый раз. Форум заставляет задумываться, разве это мало. Рассуждая о революции и социальных преобразованиях, многие забывают, что преобразования любого уровня осуществляют люди, и для каждого путь в революцию начинается с осознания невозможности, несправедливости происходящего. С этого же начинается всякая осознанная социально-преобразовательная деятельность.

Форум позволяет увидеть огромную массу задумавшихся, обеспокоенных и несогласных людей. «Желающих странного», по формулировке Стругацких. Имеется в виду, желающих нечто большего, чем деньги, комфорт, безопасность, удовольствие, богатство и личная власть. Это и порождает большие надежды, которые придают силы. А что касается проблем и разногласий – так никто и не обещал, что будет легко.

Очкина А.В., Пенза

Несколько соображений по поводу

14-17 октября в Лондоне проходил III Европейский социальный форум (ЕСФ). Третий - с 2002 года, когда по решению Всемирного социального форума первый Европейский соцфорум прошел во Флоренции.

В мероприятиях ЕСФ-2004 по данным организаторов приняли участие 20 тысяч зарегистрировавшихся делегатов. Еще несколько тысяч, как обычно, участвовали неофициально. В программе Форума более 150 пленарных дискуссий и семинаров, сгруппированных по шести основным темам: Война и мир, Демократия и фундаментальные права, Социальная справедливость и солидарность: против приватизации (дерегулирования), за трудовые, социальные права и права женщин, Корпоративная глобализация и глобальная справедливость, Против расизма, дискриминации и крайне правых: за равенство и разнообразие, Экологический кризис: против неолиберализма, за устойчивое общество. В последний день прошла Ассамблея социальных движений, где приняли резолюцию, намечающую общие кампании на ближайший год.

Наряду с этим, прошла масса параллельных мероприятий, прежде всего культурных. Всего, по подсчетам организаторов и согласно 76-страничной программе - около 500 «встреч».

Форум, как и все предыдущие, прошел под аккомпанемент рассуждений о кризисе/подъеме движения, его кукловодах, вождях и губителях. Как представляется, эти рассуждения не очень продуктивны.

К настоящему моменту уже очевидно, что у мирового и европейского «альтерглобализма» нет тенденции складываться в единое, управляемое из общего центра общественно-политическое

движение. Объективные причины этого – как большая (но не крайняя) идеологическая пестрота, так и физически неподъемная для сколько-нибудь жесткой координации совокупная масса социальных движений. Исходя из этого, социальные форумы, конечно, никакой не съезд с выборами Центрального комитета, а скорее, грандиозная ярмарка инициатив и организаций, где каждый может себя показать и других посмотреть, подобрав для себя соответствующую инициативу и соратников по ее реализации. С учетом сказанного, не хотелось бы вдаваться в рассуждения о соперничестве троцкистов, анархистов и умеренных НКО, об этом можно прочитать в уже появившихся в рунете статьях

(Б. Кагарлицкий: <http://aglob.ru/analysis/?id=736>,

Индимедия-Россия: <http://www.russia.indymedia.org>),

или дебатировать, по-моему, совершенно бессмысленный вопрос, а надо ли российским активистам участвовать в Форумах (кто бы запрещал, если есть желание и возможности).

В большей степени, видимо, заслуживает рассмотрения вопрос, который стал дискуссионным в среде российских активистов накануне Форума, стоит ли пытаться формировать некую общую «российскую» делегацию, выбивать для нее финансовую помощь со стороны международного оргкомитета, каким-то образом координировать пребывание российских делегатов на Форуме и т.д.? Стоит ли тратить на все это время и силы, отрывая их от текущих протестных кампаний? Может быть, один раз «показав дорогу», можно пустить процесс «самотеком», оставив хлопоты по сборам и поездке на долю самих участников, либо делегирующих их организаций?

Тем не менее, 11 октября 2004 года, в третий раз из Москвы в Европу отправился заполненный разномастной российской делегацией автобус.

Оценки результативности участия российской делегации в Лондоне по итогам высказывались разные, от восторженных («беспорный успех», «перелом»), до пессимистических («политический туризм»). Истина, видимо, как всегда, лежит где-то посредине.

С одной стороны, конечно, никаких «прорывов» от российской делегации на социальных форумах в ближайшем будущем ждать не приходится. Сеть социальных движений, соответствующих формату и идеологии форума, в России пока еще слишком редка и тонка. Попытки же искусственно, для «массовости», расширить ее рамки неизбежно приводят к появлению в составе делегации людей, психологически и идейно не подготовленных к участию в Форуме.

ме, теряющихся в его атмосфере открытого диалога. Например, включенные в этом году в делегацию представители пророссийской «чеченской общественности» не нашли ничего лучшего как проигнорировать семинар «Война в Чечне», объясняя это тем, что на нем «будет А. Закаев» (который, кстати, там так и не появился). Между тем, как представляется, именно в дискуссиях по чеченской проблеме для российской делегации был возможен тот самый «качественный прорыв», так как это практически единственная среди дискутируемых на Форуме тем, где мы «что-то лучше знаем». Если бы удалось обеспечить представительство на этом семинаре не только отставных и действующих «представителей президента Масхадова» или всех возможных (кроме чеченских) правозащитников, а еще и представителей социальных движений непосредственно действующих в Чечне и сопредельных регионах (например, Дагестане). К сожалению, пока этого не произошло.

Кроме того, в пассиве – плохое знание/полное незнание иностранных языков, нежелание/неумение провести предварительную подготовку, чтобы облегчить себе работу на форуме (списаться с возможными партнерами или подать заявку на участие в семинаре), иждивенческие настроения («почему нам это не организовали?!»), присутствие «случайных» людей, едущих исключительно с туристическими целями.

Однако, по моему мнению, «минусы» все же не перевешивают «плюсов», склоняющих к тому, чтобы пытаться формировать некую «общую» делегацию и в будущем.

Во-первых, не стоит недооценивать важности технической поддержки со стороны оргкомитета для технического обеспечения участия представителей российских социальных движений, если учесть, что у большинства (прежде всего, профсоюзных активистов) нулевой опыт зарубежных поездок и сбор документов для оформления визы, размещение, способ проезда вполне могут превратиться в неразрешимую своими силами проблему. Кроме того, «оптовая» доставка автобусом позволяет гораздо эффективнее использовать предоставляемую европейским оргкомитетом «субсидию солидарности». Возможность минимизировать расходы на поездку зачастую критически важна для многих традиционно безденежных протестных активистов.

По опыту прошедших форумов также можно сказать, что делегация выполняет своего рода роль «инкубатора» для впервые едущих, позволяя адаптироваться к атмосфере форума, «дозреть» до использования его информационных и эмоциональных богатств.

Кроме того, сам автобус, на котором 2-3 дня перемещается большая часть делегатов, еще в дороге становится «передвижным социальным форумом», где часто впервые оказавшиеся вместе активисты социальных движений дебатировали, обмениваются адресами и строят планы на будущее. Конечно, ехать в Лондон, чтобы познакомиться между собой, приблизительно то же, что пытаться чешать правое ухо левой рукой, но, во-первых, пусть даже так, если пока иначе не получается, а во вторых, идея организации Российского социального форума, в том числе, в результате этих поездок, все ближе к реализации.

И, наконец, я убежден, действительно нужно вывозить на форумы как можно больше активистов, пусть без «языка» (служба переводчиков работает все лучше), пусть в виде «наблюдателей и статистов» (цитата из какой-то статьи), пусть, отрывая время и силы от российских мероприятий, потому что самое главное богатство форума – его атмосфера. Как выразился один из участников ЕСФ-2002, «атмосфера свободы, которой пропитываешься на форуме, не исчезает бесследно при пересечении границы в обратную сторону». И чтобы ни говорилось и ни писалось о лондонском форуме, по отзывам тех участников российской делегации, с кем удалось поговорить по его итогам, эта фирменная форумная атмосфера осталась все такой же. В тот исторический момент, который мы переживаем сейчас в России, это особенно важно. Тогда как российская власть настойчиво пытается подчинить и забюрократизировать все общественное пространство, важно предъявить людям впечатляющий реальный пример отношений совсем другого рода – отношений творческого, равноправного (при всех проблемах), радостного эмоционально и напористого политически сотрудничества.

А. Демидов

III. УРОКИ ИСТОРИИ

Гуманизм и реалии гражданской войны: роль правых социалистов в становлении системы белого террора. 1918 год.

Д. Чураков

Одним из наиболее важных и одновременно трудных вопросов истории Октябрьской революции 1917 г. является вопрос о терроре, его масштабах и причинах. Как соотносятся гуманистические идеалы революции с массовым нарушением прав и насилием, окрасившими революционную эпоху в мрачные тона? В последнее время проблема террора в период гражданской войны всё чаще и чаще попадает в поле зрения исследователей¹. К сожалению, работы, появившиеся в последние полтора десятилетия скорее запутывают, чем проясняют вопрос. Связано такое положение дел в современной историографии с предвзятым отношением к событиям тех лет. Повышенное, можно смело сказать гипертрофированное внимание в наши дни авторы уделяют красному террору, видя в нём неизбежное следствие революции. Вместе с тем Красный террор и хронологически, и по самой своей сути являлся следствием, а не причиной царивших в те годы произвола и насилия. Красный террор стал ответной мерой. Что же предшествовало ему? В советской историографии красный террор считался ответом на белый террор, но это мнение также являлось результатом идеологической предвзятости.

И красный, и белый террор выросли на волне того беззакония, которое стало визитной карточкой буржуазного февраля. Уничтожив законную власть, «февральские» либералы и социалисты не смогли обеспечить законность и порядок. В стране разрастались преступность, бандитизм, анархия, хаос. На это либералы и правые социалисты попытались ответить репрессиями. Но затронули они в первую очередь отнюдь не преступный мир. Жертвами государственного террора оказывались то большевики, то рабочие, требо-

Чураков Д.О. - к.и.н., доц.

¹ В качестве наиболее значимых работ о природе насилия и террора в годы революции и гражданской войны можно назвать, например: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Литвин А. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. М., 2004.

вавшие 8-часового рабочего дня, то крестьяне, требовавшие земли, то офицеры, требовавшие одного — восстановить в армии дисциплину. Именно эта беззубая и в то же время репрессивная политика, проводившаяся с марта по октябрь 1917 г. и стала питательной почвой для процветавшего в последующие годы террора.

Особого внимания заслуживает вклад в возникновение в стране массового террора правых социалистов, прикрывавших свои действия лживыми лозунгами и призывами. Так, критикуя большевиков за гонения против оппозиции, эсеры и меньшевики на практике стали создавать оппозиционные большевикам политические режимы, основным содержанием которых становится террор по отношению ко всем сторонникам советской власти. Тем самым не только реакционные военные и кадеты, но и меньшевики заодно с правыми эсерами стали родоначальниками системы белого террора, унёсшего в годы гражданской войны жизни сотен тысяч ни в чём не повинных людей. Роль правых эсеров и меньшевиков в становлении белого террора можно наглядно проследить на примере событий, развернувшихся летом—осенью 1918 г. в Ижевске, где произошло самое мощное за всю советскую историю антибольшевистское рабочее восстание.

Казалось бы, придя к власти на волне недовольства большевиками, пользуясь поддержкой или благожелательным нейтралитетом многих рабочих завода, ижевские эсеры и меньшевики могли взяться за реализацию своих программных установок — строительство “образцового рабочего социализма” или хотя бы “образцовой демократической республики” без коммунистов и без Советов. Но режим, существовавший в Ижевске с 8 августа по 7 ноября 1918 г., на практике не имел никакого отношения ни к социализму, ни к демократии. С самого начала пришедшие к власти правосоциалистические деятели главным средством ее удержания делают белый террор.

В ходе описываемого мятежа со всей очевидностью выяснилась цена пропагандистских заявлений правых “социалистов” о свободе, гуманизме и демократии. Конечно, и Советская власть, существовавшая в Ижевске до переворота, была не безгрешна. Случались аресты деятелей меньшевистско-эсеровского блока, закрытие оппозиционных газет. Но в целом большевики не переходили определенную грань, осуждали практику политического террора. Даже когда оппозиция перешла к силовым действиям, большинство

советских лидеров Ижевска настаивало на применении мирных средств, чтобы не проливать рабочую кровь².

Иначе повели себя мятежники. Уже начало переворота связано с кровавым эпизодом — бессмысленной расправой, учиненной толпой над разъездом конной милиции. С самого утра 8 августа в разных районах Ижевска шли митинги, на которых лидеры союза фронтовиков и меньшевистско-эсеровского блока вели свою агитацию. На один из таких митингов, проходивший недалеко от здания городского Совета, был послан начальник милиции Большаков, чтобы разобраться в ситуации и навести порядок. С ним отправилось только два милиционера. Понятно, что никакой угрозы толпе в несколько сотен человек трое всадников представлять не могли. Но взвинченная речами своих вожаков толпа встретила прибывших угрозами и бранью, а затем набросилась на них и стала избивать. Большакову удалось вырваться из рук нападавших. Он открыл стрельбу в воздух. Когда толпа отхлынула, Большаков и еще один милиционер поспешили вернуться к Совету. Однако второго милиционера толпа стащила с лошади и убила на месте³. Зверски истерзанное тело было сброшено в заводской пруд. Так началось восстание.

После первых успехов мятежа началась кровавая расправа. По свидетельству военного лидера повстанческой армии полковника Федичкина, мятежники, среди которых было немало рабочих, в течение 12 часов ловили и расстреливали большевиков⁴. В первые же дни восстания зверская расправа состоялась над начальником милиции Рогалевым, одним из лидеров максималистов Т. Дитятиным, был выведен из госпиталя и растерзан Жечев — и этим список жертв мятежа далеко не исчерпывается.⁵ Расправы носили варварский, циничный характер. Обыски и убийства проводились на улицах, в советских учреждениях, в больничных палатах, в домах, где жили рабочие. Издевательствам подвергались не только жертвы, но и тела убитых. Так, после того как в бою погиб председатель ревкома Холмогоров, один из погромщиков вставил в рот убитому огурец и пнул труп со словами: “Жри, собака, не жалко теперь...”⁶.

² Пролетарская революция. 1924. № 8—9.

³ ЦДНИ УР. Ф. 350. Оп. 3. Д. 14. Л. 20—21.

⁴ Первопоходник. Лос-Анджелес, США. 1974. № 17.

⁵ ЦДНИ УР. Ф. 350. Оп. 49. Д. 6. Л. 3.

⁶ Урал и Прикамье (Ноябрь 1917 — январь 1919). Документы и материалы. / Редактор-составитель и автор комментариев М.С. Бернштам. Париж, 1982. С. 282.

Подобные картины бессудных расправ наблюдались в те дни во всех заводских поселках и деревнях Прикамья, захваченных повстанцами. На большевиков и всех сторонников Советской власти устраивалась настоящая охота. Как показывают исследования современных ижевских историков П.Н. Дмитриева и К.И. Куликова, очень часто речь шла вовсе не о стихийных вспышках насилия, а о вполне продуманных, целенаправленных акциях новой повстанческой власти⁷. Арестами и содержанием под стражей первоначально занималась специальная комиссия по расследованию деятельности большевиков, а затем — созданная на ее основе контрразведка. Арестам подвергались не только деятели большевистского режима, но и члены их семей. Так, были арестованы отец заместителя председателя Воткинского Совета Казенова, а вслед за ним и 18-летняя сестра, которая пыталась передать брату посылку. Через несколько дней они были расстреляны. Был схвачен и расстрелян проявлявший сочувствие к большевикам священник Дронин, многие другие⁸.

С целью сохранить “демократическое” лицо новой власти Ижевский Совет 15 августа 1918 г. принял резолюцию, в которой говорилось: “Принимая во внимание, что российская демократия всегда стояла за отмену смертной казни, а Совет состоит из сынов этой демократии, Ижевский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов единогласно постановил... что в Ижевске не должно быть и речи о смертной казни и расстрелах”. Но, несмотря на появление этой резолюции, бесчинства в городе не прекратились. Выступая на одном из частых в те дни митингов, перед лицом тысяч собравшихся на нём рабочих, руководитель союза фронтовиков Солдатов торжественно заявил, что “постановление постановлением, а контрразведкой на днях произведён в исполнение смертный приговор над следующими лицами: Председатель военного отдела Исачёв, военный комиссар Лихвинцев, Председатель Чрезвычайной комиссии Бабушкин и председатель ревтрибунала Михайлов, члены ревкома Папельмейстер, Посаженикова и Баталов”. При этом все они были не расстреляны, а переколоты штыками⁹.

С течением времени репрессивные меры распространились на все более широкие слои населения Ижевска, всего Прикамья.

⁷ Дмитриев Н.П., Куликов К.И. Мятёж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. 105—106.

⁸ ЦГА УР. Ф. Р-1061. Оп. 1. Д. 37. Л. 5—5 об; Дмитриев Н.П., Куликов К.И. Мятёж в Ижевско-Воткинском районе. С. 109 и др.

⁹ ЦГА УР. Ф. Р-1061. Оп. 1. Д. 17. Л. 24.

Даже сами повстанческие авторы признают колоссальный размах осуществляемых ими репрессий. К примеру, один из них пишет о сотнях арестованных в импровизированных арестных домах. Около 3 тыс. человек содержалось на баржах, приспособленных под временные тюрьмы. Этим людей называли “баржевиками”. Примерно такое же количество арестованных находилось в Воткинске, не менее тысячи их было в Сарапуле.

Условия, в которых содержались заключенные, были невыносимо тяжелы. Не соблюдались элементарные нормы гигиены. Прогулок и свиданий с родственниками не было. Арестованные круглые сутки находились в переполненных камерах с тяжелым запахом. Бань не было, паразиты заедали. Питание заключенных состояло из горячей воды и малосъедобной похлебки. Передачи принимались, но не передавались. У заключенных отбирались сапоги, брюки, теплые вещи, белье, деньги.

Никаких человеческих и гражданских прав за арестованными не признавалось, и в любую минуту они могли стать жертвой самого грубого произвола. В расправах над узниками особенно “отличались” такие руководители повстанцев, как Куракин, Власов, Солдатов. Особой жестокостью уцелевшим запомнился лидер союза фронтовиков: “В душную, переполненную арестованными камеру тюрьмы, где на грязном полу валялись десятки измученных заключенных, — описывает один советский источник применяемый к заключенным способ судопроизводства, — вечером врывается с десятком белогвардейских опричников Солдатов.

— Встать! Смирно! — раздается зычный голос тюремщика.
— На первый, второй рассчитайся!

Пришибленные заключенные торопливо исполняют грозную команду, выстраиваясь в две шеренги, и с замиранием сердца ожидая дальнейших издевательств пьяных палачей.

— За что арестован? — грозно обращается к кому-либо из арестованных Солдатов. — А, молчишь, собака! — рычит, не ожидая ответа, озверевший хам, и со всего размаха ударяет несчастного заключенного револьвером по лицу. — Бей его мерзавца, ребята! — командует пьяный палач и на глазах остальных заключенных начинается зверское истязание несчастной жертвы. Насытившись расправой, палачи удаляются из камеры, а за ними уносится окровавленный, истерзанный товарищ. Выносятся на двор, где его и приканчивают”.¹⁰

¹⁰ ЦДНИ УР. Ф. 350. Оп. 49. Д. 6. Л. 4.

Подобные расправы творились чуть ли не каждый вечер, и не только фельдфебелем Солдатовым, но и образованными офицерами, приходившими в компании с девицами, и даже некоторыми просвещенными “социалистами”¹¹.

По мере роста настроений обреченности у руководства мятежников тюремный режим все более ужесточался. Протесты рабочих против творимых тюремщиками бесчинств в расчет не принимались. На случай прорыва красных баржа с арестованными, расположенная у пристани Гольяны, была приготовлена к затоплению. Только дерзкая операция, проведенная красной флотилией под командованием Ф.Ф. Раскольникова, спасла узникам жизнь. Флотилии удалось ввести в заблуждение охрану и увести “баржу смерти” в Сарапул.

Произошедшее дало повод Юрьеву издать приказ, аналог которому трудно отыскать в истории всей гражданской войны: “Пусть арестованные молят бога, чтобы мы отогнали красных, — значилось в нём, — если красные приблизятся к городу ближе, чем на 3 версты, то арестантские помещения будут закиданы бомбами”¹². Тогда же было казнено 19 человек — видных партийных и советских работников, а также простых рабочих завода¹². Такое поведение становилось морально приемлемой нормой.

Итак, на примерах событий ижевско-воткинского восстания можно проследить своеобразную динамику эскалации насилия и белого террора в условиях гражданской войны в целом. Еще до установления в Сибири диктатуры Колчака антисоветский режим в Прикамье скатывался к методам неприкрытой военной диктатуры. И ее проводниками были не только представители белого офицерства, но и лидеры правых социалистических партий — меньшевиков и правых эсеров. Карательные органы здесь фактически полностью состояли из них. Своими действиями они дискредитировали не только себя, но и социалистическую идею как таковую. Не случайно поэтому ижевцы в конце концов отвергли правых социалистов. Многие рабочие перешли на сторону большевиков, другие — предпочли откровенную диктатуру Колчака лживой диктатуре учредилловцев.

Похожим образом события разворачивались повсюду, где у власти оказывались деятели пресловутой “третьей силы” — мелкобуржуазных правых социалистов. Они не только расчищали путь генеральской контрреволюции, но и сами активно участвовали в ста-

¹¹ ЦГА УР. Ф. Р-1061. Оп. 1. Д. 17. Л. 26—27.

¹² ЦДНИ УР. Ф. 350. Оп. 49. Д. 6. Л. 6.

новлении всеобъемлющей системы белого террора, хотя и проводили его подчас под прикрытием “революционной” риторики. Все их разговоры о “демократической республике”, об Учредительном собрании везде оборачивались установлением всевластия террора и подавлением всякого инакомыслия. По другому не могло и быть: правые социалисты — меньшевики и эсеры — могли удержаться у власти, только прибегая к насилию, масштабы которого должны были постоянно разрастаться, чтобы преодолевать растущее сопротивление их своеволию.

Рабочее движение шахтеров Кузбасса в годы перестройки (июль 1989-1991 гг.)

Светлана Величко

Одной из форм протестного движения в СССР в годы перестройки стало растущее рабочее движение, впервые организованно заявившее о себе в июле 1989 г. Начало рабочему движению дало массовое забастовочное движение шахтеров Кузбасса. В июле этого года исполняется 15 лет знаменитой забастовке, давшей начало рабочему движению.

Началось все стихийно. 10 июля 1989 г. вспыхнула забастовка на шахте им. Шевякова гор. Междуреченска Кемеровской области. Первоначально в ней участвовало 344 человека. На следующий день к бастующим присоединились горняки шахт «Усинская», «Томская», «Распадская», им. Ленина и др. угольных предприятий города. 11 июля в Междуреченске 16 тыс. человек не вышли на работу.¹³ 12 июля забастовку поддержали на шахте им. Калинина гор. Прокопьевска и на нескольких шахтах гор. Осинники. 13 июля остановились все шахты Прокопьевска, Осинников, девять шахт Новокузнецка, и многих других шахтерских городов. В последующие дни число участников стачки росло по нарастающей линии. Характерной чертой июльской забастовки шахтеров Кузбасса было повсеместное создание организационных структур рабочего движения - забастовочных комитетов. Забастовки в СССР бывали и раньше, но нигде до этого подобных структур создано не было. Это и выделяло забастовку в Кузбассе из ряда других прекращений работы и движений своих требований, которые с весны 1989 г. в СССР стали проводиться все чаще. Отличала забастовку в Кузбассе и строгая дисциплина, умелое руководство. 14 июля по решению забастовочного комитета стачка в Междуреченске была прекращена. В других городах и районах области выступление рабочих продолжалось. Не оказало должного воздействия на бастующих и обращение «К трудящимся Кузбасса!» обкома КПСС, облисполкома, облсовпрофа и обкома ВЛКСМ, опубликованное в газете «Кузбасс», с призывом

Величко Светлана Анатольевна – к.и.н., доцент кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета.

¹³ Лопатин Л.Н. История рабочего движения Кузбасса (1989-1991 гг.). - Кемерово: Пласт, 1995. - С. 48-49.

возобновить работу промышленных предприятий.¹⁴ Пиком забастовочного движения шахтёров Кузбасса стало 17 июля - в этот день стояло наибольшее количество предприятий - 158, с числом бастующих 177682 человека.¹⁵ Всего в забастовке участвовало 160 предприятий, 11 городов, более 185 тыс. человек.¹⁶ Забастовка шахтёров Кузбасса была поддержана и в других регионах Сибири. Например, коллективами Золотушинского рудоуправления «Барнаулстрой», Залесовского леспромхоза.¹⁷ Под влиянием событий в Красноярском крае были созданы стачечные комитеты на многих предприятиях Норильского горно-металлургического комбината. Однако начать забастовку шахтеры Заполярья так и не решились.¹⁸

Забастовки шахтеров Кузбасса проходили, как правило, организовано. Забастовочные комитеты заботились о поддержании общественного порядка. Запрещалась торговля алкоголем, задерживались и наказывались пьяные. Так, по предложению городского стачечного комитета гор. Кемерово все присутствующие на площади Советов шахтеры потребовали увольнения с работы 3 рабочих, находившихся в нетрезвом состоянии.¹⁹ По данным УВД Кемеровской области, за время проведения забастовки в Междуреченске уровень преступности снизился на 31,4%, в Прокопьевске численность поступивших в медицинский вытрезвитель сократилась в 10 раз.²⁰

На I конференции забастовочных комитетов Кузбасса в гор. Прокопьевске 15-17 июля 1989 г. был создан Региональный забастовочный комитет. 28 июля в связи с окончанием забастовки на II конференции забастовочных комитетов Кузбасса он был переименован в Совет рабочих комитетов Кузбасса (СРКК).²¹ Это было сделано вопреки подписанному региональным забасткомом и комиссией ЦК КПСС Протоколу, согласно которому органы самоуправления рабочих должны были самоликвидироваться к 1 авгу-

¹⁴ Кузбасс. - 1989. - 14 июля.

¹⁵ Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). ФП. 75. ОП. 68. Д. 141. Л. 1.

¹⁶ Подсчитано по: ГАКО. ФП. 75. Оп. 66. Д. 35. Л. 105.; Оп. 69. Д. 148. Л. 1.

¹⁷ Прежде, чем делить пирог. // Диалог. - 1989. - № 9. - С. 10.

¹⁸ Красноярский рабочий. – 1990. – 10 июля.

¹⁹ Комсомолец Кузбасса. - 1989. - 20 июля.

²⁰ Красильников Д.Г. Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории (1917-1918; 1985-1993): опыт сравнительного анализа. Пермь, 1998. – С. 132.

²¹ ГАКО. ФР. 1191. Оп. 1. Д. 56. Л. 60.

ста.²² Фактически это была первая, независимая от КПСС, организация рабочих. По данным социологов группы Т.И. Заславской СРКК в августе 1989 г. поддерживали 80% респондентов.²³

Большинство современных исследователей акцентируют внимание на том, что забастовки на угольных предприятиях Кузбасса были вызваны социально-экономическими причинами. Пожалуй, с этим отчасти можно согласиться: Кузбасс находился на 43 месте в РСФСР по обеспеченности жильем; около 8 тыс. семей шахтеров нуждались в благоустройстве жилья. Только 56% детей дошкольного возраста были обеспечены детскими дошкольными учреждениями; не хватало товаров первой необходимости. В Кемеровской области была самая тяжелая экологическая обстановка не только по Сибири, но и по Союзу. В воде взятой в реке Томи в районе Кемерово, концентрация фенола превышала предельно допустимый коэффициент в 10 тыс. раз, на водозаборах такой атаке химических примесей мало что могли противопоставить.²⁴ Кемеровская вода отличалась по вкусу, в не кипяченом виде ее употреблять было нельзя. Устаревшее оборудование на шахтах способствовало высокой смертности: за каждый 1 млн. тонн угля отдавалась одна человеческая жизнь.²⁵ Однако, на наш взгляд, в основе кризиса в экономике и подъема забастовочного движения в первую очередь лежал кризис власти. В 60 - 70-е годы, когда положение КПСС было стабильным, при тех же тяжелых социально-экономических условиях всякое выступление было невозможно, так как оно сразу подавлялось в зародыше. С провозглашением гласности, плюрализма от силовых рычагов воздействия отказались, а к более гибким методам управления еще не пришли. Такое вынужденное ослабление власти и дало возможность шахтерам заявить о себе.

К выводу о том, что основной причиной июльской забастовки шахтеров был кризис власти пришли социологи ВЦИОМа после проведения исследования в июле 1989 г. в Междуреченске.²⁶ Кемеровский исследователь Л.Н. Лопатин полагает также, что катализатором появления на исторической арене рабочего движения Кузбасса послужили выборы 1989 г., способствовавшие повышению

²² Красильников Д.Г. Указ. соч. – С. 133.

²³ Лопатин Л.Н. Указ. соч. - С. 93.

²⁴ Кузбасс. - 1989. - 8 февраля.

²⁵ ГАКО. ФП. 75. Оп. 66. Д. 33. Л. 8; Оп. 69. Д. 108. Л. 1 - 13.; Наша газета. - 1990. - 22 февраля.

²⁶ Лопатин Л.Н. Указ. соч. - С. 28.

политической активности населения.²⁷ И.Г. Шаблинский считает, что забастовка, возникшая 10 июля и прокатившаяся по шахтерским городам, была движением разбуженных надежд, и спонтанного протеста, не имевшего точного адреса. Людей побудила бросить работу и выйти на улицы не столько невыносимая жизнь, сколько надежда на ее быстрое изменение в лучшую сторону и вера в свою способность ускорить этот процесс. Рабочие так легко включались в забастовку, потому, что внутренне они давно были к ней готовы. Большую роль здесь сыграло бессознательное чувство ущербности и нетерпения, копившееся и тлевшее с последних брежневских лет. Желание выплеснуть свой протест превалировало: Почти везде остановка работы сама по себе опережала выдвижение требований.²⁸

1989 г. является годом взлета забастовочного движения не только в Кузбассе, но и по всей стране. Из-за стачечного движения в 34 регионах страны было потеряно 1,2 млн. человеко-дней. Более 90% из них приходится на республику Коми и Кемеровскую область.²⁹ В Кемеровской области с начала забастовки было потеряно 815 тыс. тонн угля, не выпущено продукции на 16 млн. 300 тыс. руб.³⁰

В исторической науке утвердилось мнение, что шахтеры Кузбасса в июле 1989 г. выдвигали только экономические требования. С этим хотелось бы не согласиться. Стоит только проанализировать лозунги бастующих, как становится очевидным, что забастовка носила антиаппаратную направленность. Например, бастующие шахтеры гор. Березовского выдвигали следующие лозунги: «Слуги народа» Вы с кем?», «Вся власть народу!»³¹ В Кемерово шахтеры требовали ликвидации спецобслуживания.³² На митинге в Новокузнецке 15 июля 1989 г. выдвигались политические требования. Выступающие отмечали, что без решения общественно-политических проблем невозможно решить проблемы экономические и социальные. На этом же митинге около тысячи человек выразили недоверие горисполкому и потребовали его отставки.³³ На западно-

²⁷ Там же, С. 32.

²⁸ Шаблинский И.Г. Рабочее движение и российская реформа. Документально-аналитический очерк. – М., 1995. – С. 83-85.

²⁹ Оников Л.А. КПСС: анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. – М.: Республика, 1996. – С. 149.

³⁰ Шаблинский И.Г. Рабочее движение и российская реформа. ... – С. 69.

³¹ Кузбасс. - 1989. - 23 июля.

³² Комсомолец Кузбасса. - 1989. - 18 июля.

³³ Там же.

сибирском металлургическом комбинате во время митинга звучали выступления с требованием отмены 6 статьи Конституции СССР, подобные требования были и на других предприятиях Новокузнецка.³⁴ Несмотря на то, что партийные и советские работники на митингах бастующих подвергались жесткой критике, все политические требования забастовщиков не выходили за рамки социалистического выбора. Представителям Демократического Союза не давали слова, широко был распространен лозунг: «Демократический Союз - в отвал!» Идеи ДС по данным Т.И. Заславской поддерживало всего 0,6% опрошенных шахтеров.³⁵ Негативное отношение к ДС шахтеры распространили на всех неформалов и в ходе забастовки не шли на контакт с ними. Не получил поддержки шахтеров редактор «Пресс-бюллетеня СиБИА» А.П. Мананников и другие эмиссары неформальных организаций съехавшиеся в Кузбасс со всего Советского Союза.

Однако по мере своего развития рабочее движение Кузбасса все более политизировалось и вступило в борьбу против монополии КПСС на власть. Так, уже на III конференции СРКК, прошедшей в сентябре 1989 г., была принята резолюция, требующая отмены 6 статьи Конституции СССР.³⁶ 18-19 ноября 1989 г. в гор. Новокузнецке на IV конференции трудящихся Кузбасса была создана новая общественно-политическая организация – «Союз трудящихся Кузбасса» (СТрК). На конференции присутствовало 468 делегатов из 13 городов области.³⁷ На конференции было принято Программное заявление СТрК и Устав этой организации. В политической платформе Программного заявления говорилось, что наиболее актуальной задачей общественного развития является достижение полновластия народа, передача всей полноты власти в СССР Советам, изъятие ее у других политических структур и лиц.³⁸ Средствами достижения этой цели должны стать: отмена 6 статьи Конституции СССР, предоставление гражданам СССР права свободно создавать общественно-политические организации, возможность проведения референдумов по важным проблемам общественной жизни, сво-

³⁴ ГАКО. ФП. 75. Оп. 66. Д. 20. Л. 15.

³⁵ Лопатин Л. Н. Указ. соч. - С. 8.

³⁶ Рабочее движение Кузбасса: Сборник документов и материалов. Апрель 1989 г. - март 1992 г. / Сост.: Лопатин Л.Н. - Кемерово: Современная отечественная книга, 1993.- С. 121.

³⁷ Комсомолец Кузбасса. 1989. 23 ноября. С. 1.

³⁸ Рабочее движение Кузбасса. ... - С. 162 - 163.

бодный доступ граждан к любой информации, не являющейся государственной тайной и др.³⁹

На конференции было принято решение направить в Президиум II Съезда народных депутатов СССР требование об отмене статьи 6 Конституции СССР, призвать Политбюро ЦК КПСС прекратить на своих заседаниях решать вопросы хозяйственного, экономического, государственного развития страны. Конференция от имени трудящихся Кузбасса поддержала рабочее движение.⁴⁰

С 11 декабря 1989 г. стала выходить «Наша газета», печатный орган рабочего движения Кузбасса. Она была зарегистрирована 20 февраля 1990 г. и стала первым официально признанным независимым средством массовой информации в Сибири. Тираж ее в течение нескольких месяцев возрос от 10 тыс. (в начале выхода) до 130 тыс. экземпляров (в апреле 1990 г.)⁴¹ Газета стояла на ярко выраженных антикоммунистических позициях. Но в то же время ей не удалось избежать, как утверждает в работе В.П. Андреева и Д.В. Воронина, влияния массовой культуры: «Передовицы «Нашей газеты» были написаны в полном соответствии с нормами радикальной прессы: игнорирование аргументации, максимальный накал эмоций, доказательство своей правоты от «отрицания» с применением примитивного, порой чуть нецензурного сленга».⁴²

12 декабря 1989 г. Совет рабочих комитетов Кузбасса заявил в своей резолюции о поддержке Межрегиональной депутатской группы и потребовал включения в Повестку дня II Съезда народных депутатов СССР вопросов об отмене 6 статьи Конституции СССР, о принятии Законов о земле, о печати, о собственности.⁴³

В 1990 г. рабочее движение Кузбасса перешло на антикоммунистические позиции. Этому способствовало затягивание Правительством СССР выполнения основных положений «Протокола о согласованных действиях», принятого во время июльской 1989 г. забастовки шахтеров Кузбасса.

30 апреля - 2 мая 1990 г. в гор. Новокузнецке состоялся первый съезд независимых рабочих движений и организаций. В его работе приняли участие 334 делегата от 58 организаций из 46 горо-

³⁹ Там же, С. 164.

⁴⁰ ГАКО. ФР. 1191. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

⁴¹ Наша газета. - 1990. - 8 мая.

⁴² Андреев В.П., Воронин Д.В. Шахтеры и шахтерское движение в Кузбассе в 1989-1991 гг. – Кемерово, 2002. – С. 109.

⁴³ ГАКО. ФР. 1191. Оп. 1. Д. 1А. Л. 54.

дов, 17 областей СССР.⁴⁴ Самой крупной делегацией на съезде была Кузбасская - 168 человек (50,2% участников).⁴⁵ На съезде была образована «Конфедерация Труда» (КТ), межреспубликанское политическое объединение профсоюзных, общественных и общественно-политических организаций, были созданы Совет представителей и Координационный совет.⁴⁶ Съезд принял Декларацию и Устав КТ. В этих документах были сформулированы задачи организации: переход к демократической политической системе, борьба за ликвидацию диктата КПСС, деполитизация государственных учреждений, ликвидация парткомов на предприятиях, развитие регулируемых рыночных отношений.⁴⁷

Под влиянием съезда все более политизировалось рабочее движение Кузбасса. Выдвигая в июле 1989г. преимущественно экономические требования шахтеры не добились кардинальных сдвигов в улучшении социально-экономической обстановки в регионе. Совет рабочих комитетов Кузбасса в своем Обращении от 16 мая 1990 г. призвал трудовые коллективы Кемеровской области восстанавливать работу забастовочных комитетов и готовиться к проведению политической забастовки.⁴⁸ I Шахтерский съезд в Донбассе и Совет представителей КТ призвали к политической забастовке 11 июля 1990 г. в годовщину начала знаменитой забастовки (1989 г.).⁴⁹ Совет рабочих комитетов Кузбасса (СРКК) поддержал эти призывы и, учитывая настроение в трудовых коллективах, пришел к выводу о необходимости проведения политической забастовки 11 июля 1990 г. продолжительностью до одних суток.⁵⁰ Решение СРКК о забастовке поддержал Кемеровский областной Совет.⁵¹ Накануне забастовки 3 июля 1990 г. СРКК была принята Резолюция с политическими требованиями шахтеров Кузбасса. В ней содержались следующие требования: немедленная отставка правительства СССР, отзыв народных депутатов СССР избранных от общественных организаций, приведение Конституции СССР в соответствие с Всеобщей декла-

⁴⁴ Неизвестный Кузбасс (1943 - 1991 гг.): Сборник архивных материалов / Под ред. Сергиенко В.А. Сост.: Галкин Н.В., Суздальцева С.А., Бикметов Р.С. ГАКО. - Кемерово: Современная отечественная книга, 1993. - Вып. 1. ... - С.127.

⁴⁵ Лопатин Л.Н. Указ. соч. - С. 159.

⁴⁶ Неизвестный Кузбасс (1943 - 1991 гг.) ... - С. 129.

⁴⁷ Рабочее движение Кузбасса. ... - С. 284.

⁴⁸ Рабочее движение Кузбасса. ... - С. 300.

⁴⁹ Наша газета. - 1990. - 3 июля.

⁵⁰ Рабочее движение Кузбасса. ... - С. 311.

⁵¹ Там же, С. 313.

рацией прав человека, национализация имущества КПСС, ВЦСПС, лишение парткомов официального статуса на предприятиях, деполитизация Вооруженных Сил, МВД, КГБ, органов суда, государственной прессы, прокуратуры и народного образования. Данная резолюция распространялась в трудовых коллективах в виде листовки под заголовком «Требуем».⁵²

11 июля 1990 г. 88 предприятий Кузбасса (2/3 от всех угольных предприятий) и соответственно 135302 тыс. человек бастовали целые сутки, 43 предприятия и 88710 человек бастовали менее суток, на 426 предприятиях Кузбасса прошли митинги поддержки, в которых приняло участие 304100 человек.⁵³ Резолюцию СРКК с требованием отставки союзного правительства поддержали на митингах в Кемерово, Новокузнецке, Ленинске-Кузнецком, Анжеро-Судженске, Киселевске, Междуреченске, Прокопьевске, поселке Зеленогорский и др. Если суммировать все требования митингующих они сводились к двум: отставке правительства СССР и отстранению КПСС от власти. Если год назад во время июльской забастовки представителям Демократического Союза нигде не дали выступить, то теперь на митингах в бастующих шахтерских городах их речи не раз прерывались аплодисментами.⁵⁴ В Новокузнецке на митинге были вывешены бело-сине-красные российские флаги. Митингующие города отправили в адрес Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева и Председателя Совмина СССР Н.И. Рыжкова телеграмму следующего содержания: «... на нашем митинге мы сказали «нет» союзному правительству, «нет» власти КПСС, «да» власти Советов».⁵⁵ В ходе проведения политической забастовки на многих предприятиях Кемеровской области трудовыми коллективами были выдвинуты требования ликвидации парткомов на производстве. Так, на шахтах «Зыряновской», «Есаульской», «Юбилейной» и «Абашевской» в Новокузнецке был определен срок вывода с предприятий парткомов - 25 июля.⁵⁶

4 марта 1991 г. в преддверии союзного и российского референдумов предприятия Кузбасского угольного бассейна начали политическую забастовку с целью поддержки российского руководства. Бастующие выдвинули требования отставки Президента СССР, роспуска Верховного Совета СССР и съезда народных депу-

⁵² Рабочее движение Кузбасса. ... - С. 315.

⁵³ Там же, С. 329.

⁵⁴ ГАКО. ФП. 75. Оп. 66. Д. 103. Л. 69.

⁵⁵ Наша газета. - 1990. - 17 июля.

⁵⁶ Кузбасс. - 1991. - 12 июля; Наша газета. - 1990. - 17 июля.

татов СССР, департизации МВД, КГБ, армии, народного образования.⁵⁷ На отдельных шахтах были выдвинуты требования по выводу с территории партийных комитетов. В.П. Андреев, Д.В. Воронин подчеркивают несостоятельность, абсурдность, провокационный характер требований шахтеров.⁵⁸ Но, не смотря на это, из 100 с небольшим угольных предприятий Кузбасса 4 марта бастовало уже 26.⁵⁹ Первоначально предполагалось провести суточную забастовку, но утром 5 марта шахтеры 6 шахт гор. Новокузнецка отказались спуститься в забой - решили продолжить забастовку до победного конца. На решение продлить забастовку повлияла информация о распоряжении Министра угольной промышленности о неоплате за дни забастовки и лишении вознаграждения за выслугу лет шахтерам, участвовавшим в забастовке.⁶⁰ СРКК принял решение продолжить забастовку. Забастовка приняла характер эстафеты или «бегущей волны», когда в ней поочередно участвовали различные предприятия Кузбасса, на одном предприятии выходили на работу, на другом - объявлялась забастовка. Наибольший подъем забастовки приходился на апрель 1991 г. Так, на 18 апреля 1991 г. в забастовке участвовало 99 предприятий, стояло 50 шахт, 6 работало без отгрузки, стояло 3 разреза, 5 работало без отгрузки. Не работало 13 шахтостроительных управлений, 2 обогатительные фабрики, 5 автобаз, 3 погрузочно-транспортных управления, 1 рудник.⁶¹

Требования бастующих шахтеров Кузбасса нашли широкую поддержку в различных регионах Сибири. Поддержку требованиям бастующих шахтеров оказала Кузнецкая региональная организация СДПР. В своем Заявлении она выразила солидарность с ними. Впоследствии под руководством членов СДПР был организован сбор средств для помощи бастующим.⁶² 10 марта 1991 г. в поддержку бастующих шахтеров состоялся митинг «Диктатура не пройдет!» на площади у Музыкального театра гор. Омска, который полностью поддержал выдвинутые ими требования и призвал омичей оказать моральную, политическую и экономическую поддержку бастующим.⁶³ Новосибирская организация ДР 16 марта 1991 г. обратилась

⁵⁷ Рабочее движение Кузбасса. ... - С. 400.

⁵⁸ Андреев В.П., Воронин Д.В. Шахтеры и шахтерское движение в Кузбассе в 1989-1991 гг. – Кемерово, 2002. – С. 125.

⁵⁹ Лопатин Л.Н. Указ. соч. - С. 239.

⁶⁰ ГАКО. ФП. 75. Оп. 72. Д. 90. Л. 12.

⁶¹ Наша газета. - 1991. - 19 апреля.

⁶² ГАКО. ФР. 1191. Оп. 1. Д. 128. Л. 58.

⁶³ ЦДНИОО. Ф. 9705. Оп. 1. Д. 12. Л. 147.

к жителям Новосибирска и области с призывом проявить гражданскую солидарность с бастующими и оказать их семьям денежную поддержку.⁶⁴ Поддержал бастующих шахтеров митинг, состоявшийся 24 марта в Тюмени у ДК «Геолог». На нем присутствовало несколько сот человек. Выступавшие критиковали союзное правительство и деятельность «антинародных» депутатов.⁶⁵ На митинге, организованном по инициативе Алтайской территориальной организации ДПР, «Демократической России», прошедшем 14 апреля в Барнауле звучали воззвания в поддержку шахтерской забастовки, призывали к «свержению коммунистического правительства».⁶⁶

Большую материальную поддержку бастующим шахтерам оказали жители Иркутской области. Конфедерация анархо-синдикалистов, ДПР, СДПР провели 30-31 марта в Иркутске сбор средств в фонд помощи политической забастовке. За два дня иркутяне и гости города передали шахтерам Кузбасса 8280 руб., сотни банок мясных и рыбных консервов, десятки килограмм крупяных и макаронных изделий, чая, сала, муки. Сбор средств в помощь шахтерам прошел и в трудовых коллективах области. Например, первый летный отряд Иркутского объединенного авиаотряда перечислил в фонд политической забастовки 5 тыс. рублей.⁶⁷ В Красноярском крае был создан Комитет содействия рабочему движению, также оказавший материальную помощь бастующим шахтерам.⁶⁸

Забастовка была поддержана не только в Сибири, но и по всей стране. Особенно в шахтерских регионах – в Донбассе, Воркуте. В целом забастовка охватила 135 шахт и разрезов из 492 существующих в стране. Было недополучено 16 млн. т. угля, общие потери только металлургической промышленности составили около 10 млрд. руб.⁶⁹

Затягиванию забастовки способствовало игнорирование бастующих шахтеров союзными властями. Делегация представителей бастующих шахт Новокузнецка и народный депутат РСФСР Б. Денисенко встретились с А.И. Лукьяновым, который подтвердил, что М.С. Горбачев с ними встречаться не будет, и требования забастовщиков отвергает.⁷⁰ Только 21 марта 1991 г. Верховный Совет СССР

⁶⁴ ГАКО. ФР. 1191. Оп. 1. Д. 128. Л. 6.

⁶⁵ Тюменский комсомолец. - 1991. - 28 марта.

⁶⁶ Зырянов Г.П. Сколько партий на Алтае // Диалог. - 1991. - № 5. - С. 7.

⁶⁷ Советская молодежь. - 1991. - 2 апреля.

⁶⁸ ЦХИДНИКК. Ф. 968. Оп. 1. Д. 8. Л. 27.

⁶⁹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 27. Л. 18.

⁷⁰ Наша газета. - 1991. - 12 марта.

принял Постановление «О забастовках шахтеров». В нем содержался призыв отказаться от забастовок как пути решения существующих экономических и социальных проблем. В то же время в этом документе политические требования шахтеров игнорировались, им не было дано никакой оценки, более того о них хотели замолчать, не донести до общественного мнения всю правду о шахтерских забастовках, свести их к экономическим стачкам.⁷¹ Забастовка в связи с такой позицией союзных властей приняла затяжной характер. Требования шахтеров становились все радикальнее. В бастующих трудовых коллективах поддержку находили распространяемые Демократическим Союзом листовки с призывом свергнуть власть «Совдепии всех уровней» и перейти к западному типу государственного устройства. Одна из листовок Кузнецкого регионального отделения ДС заканчивалась словами: «Долой социализм! Да здравствует демократическая революция!».⁷² Забастовка была приостановлена лишь с 10 мая 1991 г. в связи с передачей под юрисдикцию России предприятий угольной промышленности, расположенных на территории РСФСР.⁷³

Таким образом, Кемеровская область в годы перестройки стала крупнейшим политическим центром, который благодаря шахтерскому движению оказал влияние не только на Сибирь, но и на всю страну. Но, к сожалению, в конце концов, шахтеры и шахтерское движение оказались игрушкой в борьбе за власть разного рода «демократов», в т.ч. Б.Н. Ельцина. Начиная с 1992 г. организованное рабочее движение шахтеров Кузбасса постепенно затухает.

⁷¹ Кузбасс. - 1991. - 26 марта.

⁷² Кузбасс. - 1991. - 29 марта.

⁷³ Рабочее движение Кузбасса. Сборник документов и материалов. Апр. 1989 г. - март 1992 г. // Сост.: Лопатин Л.Н. - Кемерово, 1993. - С. 463.

IV. ПОРТРЕТЫ

Гражданская позиция Николая Островского (1920-1930-е гг.)

Юрий Шахин

В 2004 г. исполняется 100 лет со дня рождения Николая Островского. Нет нужды подробно останавливаться на его подвиге и характеризовать эту сторону его жизни, ибо его собственные слова говорят лучше всего. Когда в 1936 г. зав отделом литературы и искусства «Комсомольской правды» Семен Трегуб спросил Островского: «О чем ты мечтаешь?» - писатель ответил: «Вопросы личного – любви, женщин – занимают мало места в моих мечтах. Ведь человек сам с собой не лжет. Для меня большего счастья, чем счастье бойца, нет. Все личное не вечно и не в таком огромном плане, как общественное. Но быть не последним бойцом (а я обязан быть командиром, я никогда в мечтах своих не бываю механическим исполнителем) в борьбе за прекраснейшее счастье человечества – вот почтеннейшая задача и цель». Отвечая на вопрос Трегуба, Островский заявил: «Мечта о мировой революции – глубочайшая моя мечта»¹.

Внимание я бы хотел сосредоточить на другом: на отношении Островского к сталинизму, борьбе в партии, одним словом, к перерождению Советской власти и сталинской контрреволюции.

30-е годы – время, когда необходимо было петь славу «великому» Сталину. Не только политики, но и деятели культуры должны были произносить в его честь здравицы. Ну вот, например, абсолютно никому неизвестный узбекский поэт Асад Мухтар пишет стихотворение «В мире есть Сталин!»

«Солнце встало над вешними далями,
Озарило всю землю ликуя.
Счастье быть современником Сталина –
С чем сравню я радость такую!
Перед ним раскрылось грядущее,
Наши помыслы он читает
Он слова, от сердца идущие,
На любом языке понимает.

¹ Юрий Владимирович Шахин - аспирант Одесского Национального Университета им. И.И. Мечникова

Это он нашу радость выковал,
Стал народного счастья зодчим.
Счастье славить вождя великого,
Счастье жить в нашем доме отчем!»
Почувствовали атмосферу?

Ну а что же говорит об этом мессии с божественными чертами Николай Островский? А вот ничего! Раскройте трехтомник его сочинений как 1974-1975, так и 1989-1990 гг. издания, просмотрите художественные произведения, просмотрите статьи, речи, беседы, письма – ни одной здравицы в честь Сталина в них нет, да и сам Сталин там почти отсутствует. Только один раз, в связи с награждением орденом Ленина, Островский публично благодарит вождя ².

Правда тут меня еще могут спросить: почему я пользовался изданием 1974-1975 и 1989-1990 гг. У сталинистов уже зреет догадка, что нехороший хрущевско-брежневский режим пытался вытравить в народе «память о Сталине», и рождается гипотеза, что соответствующие места из сочинений Островского перестали публиковать. Но ничего подобного не было. Положительные отзывы о Сталине спокойно публиковались. Они есть в воспоминаниях жены Островского, изданных в 1974 г; в сочинениях Антона Макаренко вышедших в 80-е гг., читаем громкие слова о великом садовнике Сталине. В восьмом томе сочинений Шолохова 1986 г. выпуска наткаемся на стандартный набор лозунгов:

«Да здравствует великий советский народ!

Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)!

Да здравствует товарищ Сталин!»⁴.

Весьма полезно сравнить, чем заканчивает свои речи Островский. Сперва он славит родину, потом партию, а осанну Сталину не поет ни в каком виде. Таким образом, Сталин для Островского не объект публичного восхваления и поклонения, хотя в конце жизни он признавал его в качестве вождя.

Но это в конце жизни. А что же было ранее? Как относился Островский к перерождению Советской власти на начальном этапе? И здесь нам ответит «Как закалялась сталь». Островский протестовал против отождествления себя и Павки Корчагина, но все-таки признавал, что роман автобиографичен. Жизненный путь Павки в основном совпадает с биографией Николая Островского. И да будет вам известно, в 1920 г. Павка присоединился к рабочей оппозиции. Вы скажете, что в романе этого нет и будете правы. Поэтому надо сделать отступление.

Известный нам текст романа печатался по варианту, восходящему к третьему русскому изданию, в котором во-первых, отсутствует даже упоминание о рабочей оппозиции, во-вторых, уродливо-мерзко показаны троцкисты и, в-третьих, логически противоречиво описан ленинский призыв в партию 1924 года. Это издание в наибольшей степени отличается от первоначального варианта рукописи романа, а в наибольшей степени ему соответствует первое украинское издание 1934 года. Перевод с русского был выполнен прямо по рукописи и практически не подвергался редактированию, о чем ясно пишет Раиса Порфирьевна Островская в воспоминаниях о муже⁵. А результат этого, как говорится, налицо. Ни в одной библиотеке первого украинского издания вы не найдете.

В Москве же авторский текст всегда подвергался редактированию. Участие Павки в рабочей оппозиции сперва шло в конце первой части, но журнал «Молодая гвардия», в котором впервые публиковался роман, срезал этот эпизод, мотивируя свои действия нехваткой места в журнале. Островский не отчаялся и перенес рабочую оппозицию во вторую часть, но и тут бдительная редакция в лице Анны Караваевой остановила его порыв. Караваева раскритиковала вторую часть и по просьбе Островского отметила те места, которые нужно изменить. В итоге от рабочей оппозиции осталась сцена торжественного покаяния оппозиционеров и возвращения Павки и других товарищей в комсомол. Свое участие в оппозиции Корчагин мотивировал непониманием нэпа: «Когда после боев партия взялась за восстановление народного хозяйства, засыпались мы на новой политике в доску. Не поняли, что в стране делается. Зарубили себе в голове, что вот опять, значит, буржуйчики торговлю разведут, хозяйчиками станут в предприятиях помельче. Только это и видели. А того что это нужно для развития промышленности, сельского хозяйства, для укрепления союза рабочих и крестьян, для того, чтобы идти вперед к строительству социалистического общества – этого мы не раскусили»⁶. Второй причиной вступления в оппозицию Островский назвал политическую неграмотность комсомольцев.

Здесь Островский лукавит. Слабая теоретическая подготовка возможно имела место, но рабочая оппозиция возникла не по причине сопротивления нэпу. Она появилась в конце 1920 – начале 1921 г. и указывала на необходимость борьбы с перерождением госаппарата, а также требовала расширения прав профсоюзов. С нэпом ее появление никак не связано. Как современник Островский

это знал. Очевидно, здесь сказалось воздействие редакторов, направлявших его на путь истинный.

Можно предполагать, что в первоначальном варианте рукописи были характерные для этой оппозиции обвинения в перерождении государственного аппарата. Вероятно, Островский их разделял, ведь в 1928 г., когда он столкнулся с сочинскими органами власти, в одном из писем он говорит: «Здесь, Шуручка, все еще старый советский аппарат, пока еще не обновлен, всё мертвечина... и работают спустя рукава»⁷. Понять это заявление можно только при условии, что Островский рассматривает госаппарат как деформированный, подлежащий переделке на социалистический лад. Здесь как раз сказывается влияние его былой оппозиционности.

Роман – не единственное подтверждение членства Островского в рабочей оппозиции. Есть еще его письмо к Александре Жигиревой от 22 марта 1935 г. По всей видимости, она рассказала о чистках, которые начались после убийства Кирова, и высказала опасения о судьбе своего друга. На это ей Островский отвечает: «Как у тебя тут могут возникнуть хоть маленькие опасения за мою партийную жизнь? Пятнадцать лет назад мальчик споткнулся на бегу, сейчас же поднялся и остальные 15 лет своей жизни ни разу не качнулся ни на одну секунду в сторону. Может ли партия вспоминать этот давно забытый провал? Конечно нет»⁸. Иносказания Островского расшифровываются очень просто 1935-15=1920, а это год возникновения рабочей оппозиции.

А что касается романа, то ко второму и третьему изданиям «Молодая гвардия» заставила сделать дальнейшие поправки. Товарищи Анна Караваева, Ида Горина, Марк Колосов, а также партийные и комсомольские деятели, которым Островский давал на прочтение роман, настояли на полном исключении рабочей оппозиции из текста. 5 апреля 1935 г. Островский пишет об этом новому редактору издательства «Молодая Гвардия» Родионову: «Участие Корчагина в оппозиции не типично для положительного типа комсомольца. Герои нашей эпохи – это люди, никогда не сбивающиеся с генеральной линии партии. Этот эпизод, - посыпает голову пеплом Островский, - надуман мной для усложнения сюжета, оказался политически и художественно неоправдан. Это общее мнение партийных товарищей», - тут же выдает он своих советчиков⁹.

В третьем московском издании 1935 года рабочей оппозиции уже не было. В том же третьем издании изменился эпизод с ленинским призывом. Прием рабочих в партию происходил ранее не на стихийном собрании в депо, а в клубе железнодорожников и был

отделен небольшим временным интервалом от известия о смерти Ленина. Таким образом, в раннем варианте ленинский призыв соответствовал исторической правде: сперва партия дала клич, а потом прошли собрания по приему новых членов. Но литературные опекуны Островского убедили его принести истину в жертву силе художественного воздействия.

Теперь троцкисты. В письме редактору харьковского издательства «Молодой большевик» от 2 июля 1935 г. Островский говорит: «Затем, в третьем русском издании заострены враждебные фигуры троцкистов, например, Дубавы... Итак, третье украинское издание будет печататься с третьего русского»¹⁰. Последнее замечание связано с тем, что только в третьем московском издании исчезла рабочая оппозиция, а вот разделы о троцкистах «Молодой большевик» мог смело печатать как по второму русскому так и по второму украинскому. Уже там они один к одному совпадают с тем, что знает современный читатель. До тех пор, пока Островский не показал троцкистов в столь мерзком свете, Анна Караваева, Марк Колосов и все ответственные товарищи из журнала, а равно издательства «Молодая гвардия» боролись против незачерненного образца левой оппозиции методом редакторской правки. Получив экземпляр первого издания второй части, где как раз все оппозиции и находились, Островский 13 июня 1934 г. с сожалением пишет своему другу Мише Финкельштейну: «Из шестнадцати с половиной [печатных] листов напечатали десять с половиной. Комментарии излишни»¹¹.

Несмотря на столь категорическое заявление я все же осмелюсь сделать дополнение. В первой публикации второй части романа, осуществленной на страницах журнала «Молодая гвардия» сцены осуждения троцкистов мне найти не удалось. Собрание, на котором выступали Туфта, Дубава и их противники из большинства, отсутствует. Его вырезала редакция, видимо потому, что «враждебные фигуры троцкистов не были достаточно заострены». И это несмотря на то, что Анна Караваева еще до публикации дала Островскому указания что и где изменить в рукописи¹².

Как лично относился Островский к троцкистам, читатель не мог узнать вплоть до 1990 года. В вышедшем тогда томе писем появилась достаточная для этого информация. В 1928-1929 годах он относился к ним неодобрительно, дистанцировался от них, но врагами их не считал. Он сожалел, что левая оппозиция встала на неправильный по его мнению путь и отбилась от партии. Деятельность троцкистов он называл «троцкистской кашей». Осуждение

проявлялось у него только тогда, когда троцкист совершал аморальные поступки, как, например, муж его знакомой Пуринь, выведенной в романе как Лауринь¹³. Но справедливости ради замечу, что подобное осуждение вызвал у Островского любой аморальный поступок, поэтому троцкисты здесь никакой особой «привилегией» не пользовались.

Кстати, следы терпимости к троцкистам видны даже в отредактированном романе. При борьбе с левой оппозицией Павка Корчагин, как сам Островский выразился, запряган на задворки. Помимо этого, обратите внимание на Риту Устинович. В своем дневнике она отмечает, что Корчагин и Дубава, будущий главный троцкист, являются хорошими друзьями. Это замечание осталось несмотря на то, что в 30-е годы дружба с «врагом народа» даже еще до того, как он обнаружил свое «звериное лицо», считалась опасным поступком, признаком неблагонадежности, а некоторых случаях и основанием для ареста за связи с вражескими силами. Конечно, Павка литературный герой, но за ним стоит живой Островский, с которого можно спросить: а были ли у вас такие подозрительные связи?

После поражения левой оппозиции партийное руководство начало кампанию по борьбе с правым уклоном. Ее конечная цель – избавиться от группы Бухарина и удовлетворить левой демагогией недовольных коммунистов на местах. Это было наверху, а тем временем осенью 1926 г. член партии с 1924 года, член комсомола с 1919 г. Н.А. Островский пытается выбить себе и жене комнату для проживания в Сочи. Комнату он получает, но при этом сталкивается с фактом, что рабочие в его доме теснятся в ужасных условиях, а бывшие квартирновладельцы и всякие недобитки старого мира вольно себя чувствуют. Островский поднимает рабочих на борьбу с остатками буржуазии: «Я всей своей горячностью вошел в суматоху и нервоз – чертовски страдаю от того, что не могу лично бегать и трусить за горло геморройных бюрократов, но несмотря на то, что аппарат вместо помощи делает все, чтобы отбить охоту рабочим будоражить заплесневшие гнезда, несмотря на это – не даром уходят силы. Мы уже завоевали у шахтовладельцев 8 квартир»¹⁴. В то время Островский еще видел, мог даже сидеть на кровати, определенные силы для борьбы у него были, но огорченная констатация, что нет возможности лично трясти геморройных бюрократов несколько раз повторяется в его письмах. Дело в том, что на защиту остатков буржуазии становился местный партгосаппарат. «Вся эта буржуазная недогрызь бегаёт и шныряет и находит, к возмущению

нашему, поддержку в аппарате. Мы говорим, что вот буржуи живут в государственном доме – потесните их, а нам нагло отвечают: «Там нет жилой площади свободной»¹⁵.

Свою борьбу с госаппаратом Островский в письмах дважды обозначил как классовую¹⁶. Местному госаппарату это явно не нравилось. Островского обвинили в оппозиционности партийной линии. «Я стал почти врагом их», - говорит Николай. Поэтому в его адрес пошли угрозы. «Я уже получил, что нужно, могу еще, конечно, получить и исключение и высылку», - делится он с ленинградской подругой Александрой Жигиревой¹⁷.

Над Островским до того сгущаются тучи, что он перестает доверять бумаге. «По целому ряду причин я не могу тебе написать всего, что здесь происходит. Пишу только 10 %, остальное напишу тогда, когда смогу, или когда увидимся, или когда большевистская метла выметет отсюда всю гниль и гадость... Сейчас я даже не уверен, что мое письмо к тебе дойдет в целости», - признается он Жигиревой¹⁸. Поэтому, работая с письмами, мы должны понимать, что рассказ о событиях в Сочи представляет собой смягченный вариант в сравнении с действительностью.

А тем временем идет кампания против правых. Разложение, обуржуазивание госаппарата Островский совершенно правильно понимает как нарастание правых тенденций. Более того, из-за этих тенденций били тревогу троцкисты и призывали бороться против них. Поскольку партия декларировала бой правым, свой объективно протроцкистский подход Островский воспринимает как борьбу за генеральную линию партии. Так он пишет брату о сочинских делах: «О здешней жизни и работе у меня нехорошее мнение. Обрастают некоторые ребята и окружаются разными подхалимами и барахлом. Нет пролетарской непримиримой ненависти к чуждым элементам... В партии заметен кое-где правый уклон. Кое-какие партчиновники хотят сдать заветы Ильича и развинтить гайки. Нам, рабочим-коммунистам, надо бороться беспощадно с этим. Всем тем, кто за уступки буржуазии, дать по зубам. Надо также встряхнуть тех, кто уж очень забюрократился и стал гадом. Партия зовет нас на борьбу, и мы должны освободиться от ненужного хлама, а здесь его до черта»¹⁹. В другом месте он выражается еще более ясно: «Дело, конечно, не обо мне или какой-то комнате, печке и т.д. и т.п. – это все отошло в предание, - нет вопрос идет о правой опасности, она здесь ярко выражена.

Ты читала доклад т. Ярославского на последнем пленуме ЦКК о том, что в Черноморском округе в аппарате сидит 30 процен-

тов враждебных нам элементов? Это безусловно Ярославским не преувеличено»²⁰.

Борьба с госаппаратом закончилась для Островского хорошо. В декабре 1928 г. в Сочи нагрянула комиссия по чистке партии. «Всё то, что я отсюда писал в Москву, в край и т.п., разбиралось и дополнялось в моем присутствии всей комиссией. Не подтвердилось только... одно, а все остальное раскрыто и ликвидируется... Моя линия и поведение признаны правильными – партийными, все подлости и обвинения прочь. Ни о какой «оппозиционности» не могло быть и речи и т.д. – вот те выводы, которые я получил от товарищей»²¹.

Это был последний случай активного участия Островского в общественной жизни. Слепота и полная неподвижность оставили ему лишь два канала, по которым он мог узнавать про жизнь страны – это радио и рассказы окружающих. Он лишен был возможности на практике смотреть куда развивается советский строй, и сталинская пропаганда, лившаяся через громкоговоритель, стала для него важнейшим источником знаний о мире. Между прочим, многие люди способные двигаться, видеть, а значит и проявлять общественную активность свято верили, что строят социализм, поэтому упрекать Островского здесь не в чем. К тому же в случае с Островским дело усугубляла его доверчивость, с которой он сам не раз с сожалением упоминал в письмах: «Я просто беру вещи в чистом виде, принимая каждое слово на веру, а при проверке многие громкие фразы оказываются просто очковтирательством и групповщиной»²². А в одном из писем к Михаилу Финкельштейну он еще более резко заявляет: «В.И. Ленин говорил: кто верит на слово, тот безнадежный дурак. Это относится ко мне, и, пожалуй, до смерти так будет»²³. Конечно, Островский не всегда верил на слово. Так, например, он довольно иронически воспринял известие о шахтинском деле 1928 года²⁴. Однако в 1930-е гг. его доверие к официозу возрастает.

Вот и получается, что лишенный возможности практической проверки, писатель верит новому редактору «Молодого большевика» К.Д. Трофимову, о том что издание его книги в 1933 г. саботировали украинские националисты будто бы засевшие в издательстве («теперь их накрыли, и дело пойдет быстро»)²⁵; огорчается убийству Кирова и всю ответственность валит на зинovieвщину²⁶; на веру берет басни заведующей сектором юношеской и детской литературы Госиздата Белоруссии о троцкистских интригах. Этот показательный эпизод доверим описать самому Островскому: «Товарищ

Сарра Давыдович сигнализировала мне о том, что переводы «Как закалялась сталь» на еврейский и белорусский языки были отданы троцкистам. На ее протесты руководство Госиздата реагировало очень слабо. После ее письма ко мне с просьбой помочь ей в этой борьбе заместитель директора Белгосиздата сообщил, что переводы переданы честным писателям. Я благодарен товарищ Давыдович за ее бдительность. Ведь я ничего не знаю о людях, которым доверяются переводы»²⁷.

С другой стороны, когда над украинским писателем Вараввой, который переводил его книги на украинский язык, нависла угроза репрессий, Островский ответил, что не зная Варавву, не берет его защищать²⁸. А вот в белорусском издательстве он сразу выступил против переводчиков, хотя тоже не знал их, и по идее тоже должен был занять нейтральную позицию. Т.е. Островский постепенно попадает под влияние сталинских установок по борьбе с троцкизмом.

Вообще в 1930-е гг. отношение к троцкистам у Островского все больше ухудшается. Так о высылке Троцкого из СССР, он писал, что у того «переехали набекрень мозги», и «что выперли его из СССР за нечистоплотность, за то, что куда бы его ни ткнули, он везде напакостит...»²⁹ Хотя писал он все это в шутовском тоне, не стоит забывать, что такие шутки не возможны без соответствующего отношения. В марте 1935 г. Островский радостно отмечает разгром «троцкистско-зиновьевского охвостья», а в мае 1935 г. характеризует Троцкого как контрреволюционера³⁰. По мере нарастания общей шпиономании Островский идет еще дальше. Так в 1936 г., узнав, что один хороший товарищ, выведенный во второй части романа под своей фамилией Руссульбас, пойман, как враг народа, писатель незамедлительно принимает меры. Он снимает его фамилию и заменяет на «предисполкома». «До сих пор я знал, что его жена оказалась троцкисткой... Но как видно, не только она»³¹. Очень характерное замечание.

Островский в 30-е годы верил, что в стране побеждает социализм, что сталинская линия оказалась единственно правильной, и все оппозиции были исторически неоправданны. Однако ничто не могло заглушить в Островском непримиримое классовое чувство к буржуазной морали, буржуазному перерождению коммунистов. Июль 1932 года, Сочи: «Вечерами на большом балконе такая группа и грязные, отвратительные, как клоака, рассказы о похождениях и анекдоты. И всё это актив от торгпреда, до директора железной дороги. Эта грязь отравляет. Я не святой – вырос в суровой жизни,

грубой, но откуда это зловоние у людей, считающих себя коммунистами?»³².

Не лучше Островский отзывается об отношениях в среде советских писателей: «Скажу откровенно, каждая такая встреча с новым писателем открывает для меня закулисные стороны писательского бытия, и радоваться здесь нечему. Скрытая групповщина, вернее – остатки ее – это стремление лягнуть друг друга. Нет большевистской дружбы, единства и свежей беспристрастной критики. Я только слушаю. Я ведь не знаю, как именно обстоят дела, но тяжелый осадок остается. На что это похоже? Члены партии, на одном общем фронте – и такая безответственная грызня и антагонизм. Приходится радоваться, когда писатель о писателе говорит хорошо, а всего больше услышишь, что вот такой-то стерва, а тот – подхалим, или бездарность, или карьерист. Я думаю, что я никогда не вползу в эту писательскую склоку, ибо она убивает творческую мысль и уничтожает коммуниста»³³.

В окружающем мире Островский тяжело воспринимал дороговизну на рынке, установившуюся вследствие политики индустриализации, однако причину видел не в ошибках сталинской политики, а в саботаже гибнущего частника³⁴. Семье Островского приходилось тратить много денег на его лечение, и дорогие продукты отягощали семейный бюджет. Однако Островский яростно отбивался от льгот, которые пытались выхлопотать ему друзья. Во-первых, он глубоко ненавидел деньги, а кроме того считал, что человек должен зарабатывать на жизнь только своим трудом, и едва начал получать писательские гонорары, немедленно отказался от пенсии по инвалидности. За скромность в быту и так называемых вопросах снабжения друзья называли его коммунизированным идеалистом. Но постепенно взгляды Островского эволюционируют. В декабре 1933 г. он благодарит своего друга Петра Новикова: «Меня прикрепили к распределителю РК и столовой – это часть того, чего ты добивался у ЦК... Видишь, поднятая тобою страстная кампания за реконструкцию моего быта нашла отголосок во всех концах «света»³⁵. Привилегии для членов партии в виде спецстоловых и распределителей его не смущают. В мае 1934 он пишет Караваевой, что не желает претендовать на повышенное снабжение, потому что не является руководящим партработником, т.е. не имеет на него права, а во-вторых, его смущает, что его доходы в два раза выше, чем у секретаря райкома³⁶. Неприятия практики партийных привилегий как таковой среди мотивов там незаметно. К сожалению, приходится признать

наличие разлагающего влияния сталинизма на Николая Островского.

И в заключение один любопытный факт. По национальности Островский был украинцем. Родной его язык – украинский. Хотя он писал на русском языке и вошел в историю как русский советский писатель, рідну мову он никогда не забывал. Узнав, что есть возможность издать книгу на украинском языке, он пишет: «Это для меня было бы громадным моральным удовлетворением. Я здесь согласен совершенно отказаться от денежного вознаграждения». «Я, конечно, подписал бы любой договор даже без копейки гонорара, лишь бы книга была издана на украинском языке», - повторил он через пару месяцев. Издательство «Молодой большевик» медленно работало над выпуском книги и Островский требовательно заявляет: «Хочу книгу на родном языке, и больше ничего», - и добавляет в другом письме: «Хочу, очень хочу знать, когда же «Молодой большевик» выплавит сталь на ридной мове»³⁷.

Националисты в силу своей умственной ограниченности не могут представить как можно быть украинцем и не националистом, а тем более стоять на интернационалистических позициях. Жаль, что их нельзя познакомить с Островским. Ведь наш великий земляк – украинец Николай Островский самим фактом своего существования опровергает все националистические измышления о коммунистах: можно быть большевиком и любить украинскую культуру.

Я постарался представить малоизвестные факты из биографии Островского. Они разбивают устоявшийся канонизированный образ писателя, но это не значит, что истина восстановлена в полном объеме. Здесь еще остается поле для работы. Мое же мнение таково: гражданские позиции выдающегося революционера и великого писателя свидетельствуют о том, что он прошел отнюдь не самый худший путь в сумерках сталинизма, хотя и поддался общим закономерностям эпохи.

Литература:

1. Островский Н.А. Собрание сочинений. – М., 1974. - Т.2. – С.284, 285-286.
2. Островский Н.А. Собрание сочинений. – М., 1990. – Т.3. – С.477-478.
3. Шолохов М.А. Собрание сочинений. – М., 1986. - Т.8. – С.72.
4. Островская Р.П. Николай Островский. – М., 1978. - С.150.
5. Молодая Гвардия. – 1934. - №1. – С.61; Островский М. Як гартувалась сталь. – К. – Одеса, 1935. - С.209.
6. Островский Н.А. Собрание сочинений. – М., 1975. - Т.3. – С.62.
7. Островский Н.А. Собрание сочинений. – М., 1990. – Т.3. – С.392.
8. Островский Н.А. Собрание сочинений. – М., 1975. - Т.3. – С.300.
9. Там же. – С.335.
10. Там же. – С.233.
11. Там же. – С.188-189.
12. Островский Н.А. Собрание сочинений. – М., 1990. – Т.3. – С.94, 110.
13. Островский Н.А. Собрание сочинений. – М., 1975. - Т.3. – С.69.
14. Там же. – С.81.
15. Там же. – С.75, 80.
16. Там же. – С.76.
17. Там же. – С.75, 76.
18. Там же. – С.71.
19. Там же. – С.76.
20. Там же. – С.83.
21. Там же. – С.248.
22. Там же. – С.217.
23. Островский Н.А. Собрание сочинений. – М., 1990. – Т.3. – С.86.
24. Островский Н.А. Собрание сочинений. – М., 1975. - Т.3. – С.209-210.
25. Там же. – С.275.
26. Там же. – С.422.
27. Островский Н.А. Собрание сочинений. – М., 1990. – Т.3. – С.591.
28. Там же. – С.141.
29. Островский Н.А. Собрание сочинений. – М., 1975. - Т.3. – С.290;
Островский Н.А. Собрание сочинений. – М., 1990. – Т.3. – С.417.
30. Островский Н.А. Собрание сочинений. – М., 1990. – Т.3. – С.599.
31. Островский Н.А. Собрание сочинений. – М., 1975. - Т.3. – С.160.
32. Там же. – С.246.
33. Островский Н.А. Собрание сочинений. – М., 1990. – Т.3. – С.231.
34. Островский Н.А. Собрание сочинений. – М., 1975. - Т.3. – С.206.
35. Там же. – С.226.
36. Там же. – С.175.
37. Там же. – С.185, 197, 199.

V. АНАЛИЗ И ОБЗОРЫ

Труд и власть на предприятии в России

Виктор Букреев, Эмиль Рудык

Проблема нахождения путей и механизмов экономического, социального и морально-нравственного оздоровления народного хозяйства России сегодня как никогда актуальна. После пятнадцати лет «демократических реформ» по экспертным оценкам более половины российских предприятий всех форм собственности являются убыточными или близки к такому состоянию.¹ Наблюдающиеся по отдельным предприятиям «вспышки эффективности» связаны не столько с тем, в чьих руках находится собственность, сколько с их отраслевой принадлежностью (например, к топливно-энергетическому комплексу), качеством управления предприятием, «близостью» к власти и рядом других причин и обстоятельств.

Экономическое неблагополучие большей части предприятий дополняется их социально-психологическим «нездоровьем». Оно проявляется в обнищании основной массы работников, их бесправии на производстве (не в теории, а на практике), усилении конфликтного характера трудовых отношений (несмотря на все декларации о «социальном партнёрстве» на производстве), падении до критического уровня доверия между собственниками имущества предприятия, высшими его руководителями и рядовыми работниками (по экспертным оценкам, степень такого доверия, по меньшей мере, в 3 раза ниже, чем на Западе), ускорении процесса деградации и деморализации рабочей силы и всего того, что этому сопутствует.

Виктор Вениаминович Букреев - кандидат экономических наук, доцент, руководитель Центра управления собственностью и предпринимательства Высшей школы приватизации и предпринимательства – института.

Эмиль Николаевич Рудык - доктор экономических наук, профессор Академии труда и социальных отношений.

¹ Более тревожные цифру привела руководитель бывшей Федеральной службы России по финансовому оздоровлению и банкротству Т. Трефилова: 79% предприятий признаны судом банкротами (Вестник Федеральной службы России по финансовому оздоровлению и банкротству. – 2002. - № 2. – С.37-38).

Нет недостатка в объяснении причин такого положения как со стороны власти, так и её оппозиции – подлинной и мнимой. Также нет недостатка в предлагаемых рецептах оздоровления предприятий. Их «джентльменский набор» известен. Это, во-первых, предполагаемое завершение к 2008 году передачи имущества подавляющего числа предприятий в частную собственность либо, напротив, возвращение имущества наиболее значимых для страны предприятий в государственную собственность. Во-вторых, ограничение либо, наоборот, усиление вмешательства государства в деятельность частных структур. В-третьих, восстановление доверия работников к работодателям и к власти в целом. Перечень рецептов может быть продолжен.

Между тем, одна из главных причин бедственного положения подавляющего большинства российских предприятий, на наш взгляд, как правило, игнорируется либо недооценивается. Речь идет о сохранении, хотя и в новом обличье, авторитарной системы хозяйственной власти на производстве. Она основана на отчуждении работников (включая даже работников, участвующих в капитале своего предприятия) от участия в управлении производством. Такое положение дел особенно становится нетерпимым в современных условиях, когда человеческий фактор, - как показывает опыт ведущих стран мира, - становится определяющим фактором экономического успеха и социальной стабильности не только на предприятиях, в первую очередь высокотехнологичных и наукоемких, но и в обществе в целом. Мир переходит от старой авторитарной системы управления предприятием к новой, основанной на вовлечении работников в процессы принятия управленческих решений. Главный мотив такого перехода – раскрытие творческого потенциала человека на производстве и соединение его личного интереса с интересами предприятия в целях повышения его экономической, а также социальной эффективности и конкурентоспособности на рынке.

Настоящая статья преследует три главные цели.

Цель первая – обосновать необходимость смены главных ориентиров и приоритетов реформы российских предприятий в направлении перераспределения хозяйственной власти на производстве в пользу работников.

Цель вторая – показать первые отечественные примеры создания экономически эффективных и социально устойчивых предприятий путём вовлечения работников в управление производством и распределение его результатов, а также выявить проблемы, встающие на этом пути.

Цель третья – предложить возможные пути и механизмы перехода от старой авторитарной к новой системе принятия управленческих решений на предприятии, которые учитывают современные мировые тенденции демократизации власти на предприятии и самобытность России.²

При написании статьи использованы результаты исследований, проведенных на ряде предприятий Европейской части России, Сибири и Урала, работники которых выступают за передачу им хозяйственной власти на производстве - полностью или частично,³ а также наработки, полученные авторами в ходе анализа первых успешных современных отечественных опытов участия работников в принятии управленческих решений (1990-2004 гг.).⁴

1. Демократизация хозяйственной власти на предприятиях – требование времени.

² Статья продолжает серию публикаций авторов по данной проблеме: Букреев В.В., Ивашина А.И., Рудык Э.Н., Смурова Л.А. Модель самоуправляемого предприятия С.Н. Фёдорова: содержание и перспективы. – Вестник Минимущества России. – 2003. - № 4; Букреев В., Керемецкий Я. Реинженеринг отношений собственности и развитие предпринимательства в России. – Консультант директора. – 2001. - № 23; Рудык Э.Н. Управление трудом в Японии: уроки для России. – Москва. – 2004, - №4; Рудык Э.Н. Производственная демократия: теория, практика, проблемы становления в России. – М.: ООО Издательский дом РИГ-ИЗДАТ. – 2002; Рудык Э. Управление трудом в России: к вопросу о применимости японского опыта. – Российский экономический журнал. – 2002. - № 1; Рудык Э., Керемецкий Я., Букреев В. Сохранение и защита прав собственности работников в акционерных обществах: главные проблемы и пути их решения. – Российский экономический журнал. – 2001. - № 3; Рудык Э., Керемецкий Я., Булавка Л. Рабочий протест в России: опыт и проблемы. – М.: Экономическая демократия. – 2000; Рудык Э., Керемецкий Я., Завьялова Г. Задачи демократизации собственнических отношений на российских предприятиях. – Российский экономический журнал. – 1999. - № 4 и ряд других.

³ Выборгский ЦБК, Ленинградский металлический завод, Комбинат цветной печати (г. Санкт-Петербург), Ясногорский машиностроительный завод Тульской области, швейная фабрика «Заря» (г. Рязань), угольный разрез «Черниговский» Кемеровской области, Кузнецкий металлургический комбинат, Щучанский хлебокомбинат Курганской области, Тутаевский моторный завод Ленинградской области и некоторые другие.

⁴ Производственный кооператив «Завод Электрокабель» (г. Кольчугино), народное предприятие «Конфил» (г. Волгоград), ОАО «Комбинат цветной печати» (г. Санкт-Петербург), ОАО «Щучанский хлебокомбинат», государственное учреждение МНТК «Микрохирургия глаза» (в период, когда его генеральным директором был С.Н. Фёдоров) и некоторые другие.

*«Нет ничего сильнее идеи
чьё время пришло»*

(Патриция Келсо – Президент Института
изучения экономических систем, США)

Узурпация партийной номенклатурой хозяйственной власти в России после октября 1917 года привела к установлению авторитарной системы управления трудом. Работники были фактически отстранены от решения фундаментальных вопросов: на кого работать (на «дядю» или на себя), в качестве кого (лиц наёмного труда, отстранённых от принятия важнейших управленческих решений, или хозяев своих предприятий) и за какую плату?

Это привело, особенно на последнем этапе того, что называлось советской властью, к пассивности работников, резкому падению их интереса к труду, ослаблению трудовой дисциплины и морали, что стало одной из главных причин глубокого системного кризиса экономики страны. Выйти из него, не изменяя сколько-нибудь существенным образом положения людей труда на производстве, было невозможно. Необходимость реформирования властно-хозяйственных отношений на предприятии стала осознавать даже часть правящей номенклатуры.

Неудивительно, что ещё в начале 80-х годов прошлого века были предприняты шаги по привлечению работников к управлению предприятием. В частности, Советы трудовых коллективов (СТК) получили право рассматривать и утверждать планы развития предприятия и контролировать их выполнение. Кроме того, СТК могли участвовать в решении вопросов совершенствования управления и организационной структуры предприятия и использования его фондов. Администрация предприятия была обязана отчитываться перед СТК о ходе выполнения планов предприятия. Наконец, работники могли выбирать руководителей предприятия от бригадира до директора.⁵

На этапе того, что получило название «перестройка», намечился отход от демократических начал в управлении предприятиями. В первую очередь, работникам было отказано в праве избирать руководителей предприятия (за исключением бригадиров). Более

⁵ Закон СССР 1983 г. «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями и учреждениями» (ст. 6), Закон СССР 1987 г. «О государственном предприятии (объединении)» (ст. 6 и 7).

того, их лишили даже права выражать своё мнение по выдвигаемым кандидатурам. Не был решён и вопрос на законодательном уровне о квоте представителей работников в Совете (Правлении) предприятия.⁶

Казалось бы, после августа 1991 г. в новой, «демократической» России, провозгласившей курс на переход к социальному партнёрству на производстве всех его участников, перспективы производственной демократии должны были бы выглядеть достаточно радужными. Нельзя отрицать того, что кое-что было сделано в этом направлении.

Во-первых, за работниками было признано право на участие в управлении предприятием на основе *трудовых прав* работников. Их мнения должно было приниматься во внимание при выработке управленческих решений на предприятии в случаях, предусмотренных Трудовым кодексом РФ и коллективным договором. Представительный орган работников был наделен правом проведения консультаций с работодателем по вопросам принятия внутренних документов предприятия, касающихся трудовых отношений, а также правом внесения предложений по совершенствованию работы предприятия. Работники также получили право на информацию по вопросам реформирования предприятия, введения технологических изменений, влекущих за собой изменение условий труда, профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников.

Во-вторых, работникам было предоставлено право на участие в управлении предприятием в качестве акционеров (пайщиков) своего предприятия. В частности, предприятие, образованное его работниками на первом (ваучерном) этапе приватизации, получало право выкупа арендованного им имущества.⁷ Кроме того, работники могли приобретать в процессе приватизации акции своих предприя-

⁶ Ст. 14 и 18 Закона СССР 1990 г. «О предприятиях в СССР». В более выгодной ситуации оказались работники российских государственных предприятий. Согласно Закону РСФСР 1990 г. «О предприятиях и предпринимательской деятельности», назначение руководителей таких предприятий, а также предприятий, вклад в имущество которого государства или местного органа власти составляет более 50%, осуществляется учредителем предприятия совместно с трудовым коллективом. Совместно с коллективом должны определяться и условия контракта руководителя. Этот закон утратил силу (кроме статей 34 и 35) после введения в действие первой части ГК РФ.

⁷ Ст. 15 Закона о приватизации 1991 г. и ст. 16 и 20 Закона о приватизации 1997 г.

тий бесплатно или на льготных условиях, а в последствии - из Фонда акционирования работников предприятия (ФАРП).⁸

Однако участие работников и их представительных органов в управлении предприятием продолжает до сих пор носить дозированный характер. Законодатель в отличие от передовой мировой практики в этом вопросе ограничил их участие в управлении предприятием *на основе трудовых прав* исключительно консультативно-совещательными рамками. Кроме того, в России, также в отличие от целого ряда развитых стран мира (например, Франции), не существует системы обязательного участия работников в результатах хозяйственной деятельности предприятия на основе трудовых прав. Такое участие возможно в обществах и товариществах только при условии внесения положения об этом в их учредительные документы, а в производственных кооперативах (артелях) – лишь по решению общего собрания их членов.

Еще хуже обстоит дело с участием работников в прибыли предприятия в обязательном порядке. В отличие от ряда развитых стран мира в России такое участие «не конституировано». Исключения составляют народные предприятия,⁹ а также

⁸ С 1 января 1996 г. ФАРП мог создаваться в случае внесения соответствующей записи в устав предприятия.

⁹ Закон РФ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятиях)» 1998 г. относит к народному предприятию закрытое акционерное общество, в котором:

- более 75% уставного капитала принадлежит его работникам (при этом один работник не может владеть количеством акций, номинальная стоимость которых превышает 5% такого капитала);
- работник-акционер обязан при увольнении продать принадлежащие ему акции НП, а НП обязано их купить по выкупной стоимости (в период работы на НП работник-акционер имеет право продать по договорной цене часть этих акций другим работникам-акционерам или самому НП, а в случае их отказа – работникам НП, не являющихся его акционерами);
- вновь принятые работники наделяются акциями в зависимости от их трудового вклада, но не ранее чем через три месяца и не позднее двух лет после приёма на работу;
- не допускается какая-либо покупка акций НП, находящихся на его балансе, генеральным директором, его заместителями и помощниками, членами Наблюдательного совета и Контрольной комиссии НП;
- среднесписочная численность работников НП не может составлять менее 51 человека, а число акционеров не должно превышать 5 000;
- число работников НП, которые не являются его акционерами, не должно превышать 10% его списочной численности без учёта работников, с которыми заключены трудовые договоры на выполнение определённой

предприятия, в учредительных документах которых есть запись о таком участии.

Ненамного лучше обстоит дело с участием работников в управлении предприятием на основе прав собственности. На заре приватизации часть работников наделялась неголосующими акциями. Кроме того, имело место противодействие объединению индивидуальных пакетов акций работников, если они этого хотели, которое могло бы способствовать сохранению акционерной собственности работников. В первую очередь, это касается открытого акционерного общества (ОАО) – единственной организационной формы предприятия, которая была навязана законодателем при его приватизации (беспрецедентное явление в мировой практике). В ОАО законом запрещены любые ограничения продажи акций на сторону. Если такие ограничения отсутствуют, то, – как показывает российский и мировой опыт, – большая часть продаваемых работниками акций тут же скупается крупными частными собственниками. Ограничения участия работников в управлении предприятием на основе прав собственности способствуют утрате в рабочей среде иллюзий относительно акционерной формы собственности работников. Они были главным образом связаны с представлениями о том, что став акционерами, а тем более, владея контрольным пакетом акций, работникам гарантирована занятость, а также право на получение в обязательном порядке дивидендов и повышение своего социального статуса на предприятии – с наёмного работника до «работающего собственника». Многие работники убедились в том, что формальное владение акциями своего предприятия не

работы, а также сезонных работников);

- предусматривается два типа голосования: по большинству вопросов – по принципу «один акционер – один голос», по некоторым – «одна акция – один голос»;

- допускается совмещение должности генерального директора, избираемого тайным голосованием общим собранием акционеров, и председателя Наблюдательного совета;

- устанавливается ограничение размера оплаты труда генерального директора, который не может более чем в 10 раз превышать средний размер оплаты труда одного работника за отчетный финансовый год;

При невыполнении указанных, а также некоторых других требований в течение сроков, установленных законом, НП подлежит ликвидации в судебном порядке.

обеспечивает им возможность принимать или, по крайней мере, реально участвовать в принятии важнейших для них решений.¹⁰

Кроме того, размеры акционерной формы собственности работников уменьшаются быстрыми темпами, особенно на крупных предприятиях. Если на момент окончания ваучерной приватизации участие работников в капитале их предприятий по стране в целом составляло около 50%, то в настоящее время по экспертным оценкам не более 20-25%. Авторские расчёты, полученные в ходе обследований нескольких десятков приватизированных предприятий, дают ещё более удручающую картину. Так, в ОАО «Ленинградский металлический завод» эта доля уменьшилась с 51 до 5%. В ОАО «Промтекстиль» (г. Воронеж) с 97 до 4%. В ОАО «Кузнецкий металлургический комбинат» (г. Новокузнецк) с 51 до 2%. В ОАО «Московский подшипник» с 100 до 10%. В ОАО «Завод синтетического волокна» (г. Барнаул) с 51 до 10%. В ОАО «Выборгский целлюлозно-бумажный комбинат» с 17,4 до 0,1%. Одновременно происходило уменьшение доли работников-акционеров в общей численности персонала предприятий. Так, например, на Рязанской швейной фабрике «Заря» эта доля уменьшилась со 100% до менее 40%. В большинстве случаев результатами приватизации воспользовались руководители предприятий. На момент окончания ваучерной приватизации они стали владельцами 17% их акционерного капитала, в настоящее время – не менее 20% (экспертная оценка). Реально, с учётом скупленных ими акций - прежде всего у своих работников - либо приобретенных членами их семей и «доверенными лицами», а также переданных им работниками в доверительное управление нередко в «добровольно-принудительном порядке» (подобная статистика, по понятным причинам, отсутствует), эта цифра значительно выше. Во многих, если не в большинстве случаев, пакет акций, принадлежащий руководителям предприятий – формально или фактически, даёт им контроль над ними в качестве собственников и/или «доверительных управляющих». В итоге, произошло не разделение функций управления предприятием и владения собственностью (как это имеет место в экономике современного типа), а их слияние и, как следствие этого, «закрытость» большей части приватизированных предприятий для контроля за их работой со стороны внешних акционеров, не говоря уже о внутренних из числа рядовых работников.

¹⁰ В первую очередь, касающиеся сохранения предприятия и его профиля, занятости персонала, регулярной и в полном объёме выплаты заработной платы, её индексации в зависимости от уровня инфляции и т.п.

Столь же неудовлетворительно обстоит дело с участием работников в распределении прибыли предприятия в качестве его акционеров. До принятия последнего закона о приватизации 2001 г. работники приватизируемых предприятий имели право на такое участие, как владельцы акций, полученными ими бесплатно или на льготных условиях. В настоящее время, в отличие от общепринятой мировой практики, работники лишены каких бы то ни было приватизационных льгот при приобретении ими акций своего предприятия. В результате, решение вопроса об участии работников в его прибыли отдано на откуп владельцам имущества предприятия.¹¹

Главная преграда на пути становления системы реального участия работников в управлении предприятием и распределении его прибыли – взятый с 1992 года руководством страны курс – официальные декларации не в счёт – на ускоренную концентрацию собственности. При этом игнорируется не только общемировая тенденция демократизация собственности – хозяйственной власти на предприятии в различных её формах, но и целый ряд самобытных черт России.

Одна из таких черт – приверженность основной части народа идеалам социальной справедливости как высшей нравственной ценности. Отсюда в немалой степени идёт неприятие права собственности как абсолютного и безраздельного права. Н. Бердяев справедливо отмечал, что «русскому народу всегда были чужды римские понятия о собственности. Абсолютный характер частной собственности всегда отрицался. Для русского сознания важно не отношение к принципу собственности, а отношение к живому человеку». ¹² Такое неприятие собственности в духе римского права характерно не только для так называемых простых людей. До 1917 г. оно было присуще части отечественных предпринимателей, сознававших, что обладание собственностью даёт им не только права (отнюдь, не абсолютные), но и налагает на них определённые обязательства, в первую очередь, по отношению к своим работникам. Так, например, Т.В. Прохоров – один из основателей в 1799 г. Трёхгорной мануфактуры в Москве разработал и неукоснительно прово-

¹¹ Особой формой участия высококвалифицированных работников в прибыли предприятия могло бы стать их участие в распределении результатов производства в качестве владельцев исключительных прав на свою интеллектуальную собственность, используемую предприятием.

¹² Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука. – 1990. – С. 49-50.

дил в жизнь договор, регулирующий «права хозяина в отношении к народу фабрики» и «права народа фабрики в отношении к хозяину».¹³ О том же свидетельствуют сохраняющаяся привлекательность, особенно для русских людей, идей самоуправляемой общины,¹⁴ давние традиции трудовой демократии, прежде всего, в её артельно-кооперативных формах,¹⁵ соборность, возрождение православной церкви, социальная концепция которой основана на идеях нестяжательства в отличие, например, от протестантизма, сотрудничества, солидарности людей и др.¹⁶

Неудивительно, что в России впервые в мире зарегистрированы факты рабочего самоуправления на предприятии. «Одно из известных, но не самых древних свидетельств относится к 1803 году, когда на Красносельской бумажной фабрике близ Петербурга

¹³ Лемешев М. Возродится ли Россия? Экономико-политический анализ и опыт нравственного исследования. – М. – 1994. – С. 32.

¹⁴ Внутри общины, по образному выражению Е. Неклеушева, «категория обладания была заменена категорией бытия: у попа была собака, а не поп имел собаку» (Неклеушев Е. На бунт напрашивается то государство...// Новое русское слово. – Нью-Йорк. – 23 сентября 1991).

¹⁵ «Русская артель давала образцы высокоэффективной работы. С 1838 по 1917 годы строительные артели без каких-либо механических средств проложили более 90 тысяч км. железных дорог. Восемь тысяч человек построили Великую Сибирскую дорогу протяжённостью 7,5 тысяч км. всего за 10 лет. В XVII – начале XIX века артельные формы труда широко применялись на заводах и фабриках, что стимулировало бурное развитие русской железоделятельной промышленности, которая уже с 1970-х годов обогнала Англию и удерживала первенство весь XVIII век» Платонов О. Экономика русской цивилизации. – М.2 Родник. – 1995. – С. 19).

¹⁶ Недооценка, а тем более игнорирование национальных ценностей и традиций чревато самыми негативными последствиями не только экономического порядка. Так, согласно выводам, к которым пришла группа специалистов Всероссийского научно-исследовательского центра профилактической медицины Минздравмедпрома РФ во главе с Н. Гундаревым, наибольший, беспрецедентный в мирное время прирост смертности за время «радикальных реформ» имеет место в России, Украине и других республиках бывшего СССР, в которых «Стала активно... внедряться новая идеологическая парадигма...Каждый за себя. Принципы нравственности не имеют никакого значения на этапе первоначального накопления капитала. Выживет сильнейший, а потом он, может быть, поможет слабому... А в тех республиках (Азербайджан, Узбекистан, Туркмения и некоторых других), где прирост смертности был отрицательным, сохранились принципы коллективизма, взаимопомощи» (Ваганов А. Смертные грехи – фактор риска. Духовные причины демографической катастрофы. – Независимая газета. – 24 мая 1995).

рабочие заключили договор, по которому фабрика в течение долгого срока находилась в управлении самих рабочих. Всего их было 181 человек. Для руководства работ они выбирали из своей среды мастера, сами определяли продолжительность рабочего дня, порядок работы, распределение заработка. Рабочие были обязаны выделывать из получаемого сырья бумагу установленного качества, которое контролировалось владельцем. Кроме того, рабочие производили за свой счёт ремонт фабричных зданий и машин, «кроме знатных в машинах перемен», за это они получали шестую часть стоимости всей произведённой (и проданной) продукции. Владелец не вмешивался в производственный процесс, но со своей стороны был обязан бесперебойно снабжать рабочих сырьём и дровами. Простой в работах из-за отсутствия сырья компенсировался рабочим за его счёт».¹⁷

Россия была также первой страной, в которой ещё в 1917 году зародились институты реального участия трудящихся в управлении народным хозяйством на различных его уровнях: от фабрично-заводских комитетов и других выборных органов рабочего контроля (их решения носили обязательный характер для администрации предприятия) до Всероссийского совета рабочего контроля (ВСРК), члены которого в полном составе входили в Высший совет народного хозяйства РСФСР.¹⁸

¹⁷ «Так фабрика просуществовала около 10 лет. Однако сменился владелец. И новому фабриканту – помещице Полторацкой – рабочее самоуправление не пришлось по душе. Она стала всячески притеснять рабочих. В ответ они подали жалобу царю с просьбой взять фабрику в казну, а им разрешить по-прежнему самостоятельно управлять фабрикой. Однако правительственные чиновники, ориентированные на Запад, отказали рабочим» (Платонов О. Терновый венец России. Святая Русь. Открытие русской цивилизации. – М.: Энциклопедия русской цивилизации. – 2001. – С. 278).

¹⁸ Вскоре зачатки демократии на производстве были фактически ликвидированы. При отсутствии демократии в сфере политики, монополии государственной собственности, фактическом огосударствлении профсоюзов, принудительном характере труда производственная демократия могла стать только формальным, хотя внешне и почитаемым элементом хозяйственной жизни. Переход к авторитарной системе управления предприятием был облегчён неудачным исходом многих начальных экспериментов по внедрению демократии на производстве в условиях отсутствия у работников должного опыта, навыков участия в принятии управленческих решений. Развитию производственной демократии не благоприятствовали и такие факторы исторического характера как гражданская война, ускоренная индустриализация страны, милитаризация экономики, Отечественная война и

Идеологи и разработчики современных правительственных планов реформы хозяйственной власти на предприятии обосновывают свою негативную позицию в вопросе участия работников в управлении предприятием недостатками, неизбежно присущими, по их мнению, демократии на производстве. Следует признать, что часть из них действительно имеют место. К их числу можно отнести: возможное ухудшение качества управления в случае отсутствия или слабости контроля работников и их органов за действиями высших менеджеров, а также при неспособности рыночных механизмов (например, конкуренции) производить «необходимый дисциплинирующий эффект на коллективных собственников» при решении вопросов распределения прибыли на накопление и потребление и т.п. К этому можно добавить высокую степень финансового риска для работников-акционеров (пайщиков) в случае банкротства своего предприятия (работники могут потерять не только рабочие места, но и свои сбережения – полностью или частично). Также, имеет место меньшая заинтересованность работников в нововведениях, требующих сокращения занятости, а тем более закрытия нерентабельных производств. Наконец, могут быть трудности с привлечением внешних инвестиций, потребность которых резко возрастает на этапе модернизации производства (согласно экспертным оценкам, порядка 80% российских предприятий остро нуждаются в техническом перевооружении при нехватке средств на эти цели у предприятия и его работников).

Вместе с тем, во-первых, следует учитывать преимущества предприятий, управляемых трудом или совместно трудом и капиталом, а также предприятий, основанных на участии работников в их управлении и капитале, перед предприятиями с авторитарным типом управления. Как показывает мировая и пока еще небольшая российская практика работы подобного рода предприятий, на многих из них наблюдается более высокая мотивация труда, его качество и производительность, более благоприятный социально-психологический и нравственный климат на производстве, большая степень доверия работников и ряд других преимуществ.¹⁹ Во-вторых,

послевоенное восстановление народного хозяйства, которые содействовали усилению централизма в управлении народным хозяйством на различных его уровнях.

¹⁹ Так, например, по расчётам проф. Д. Левина и проф. Л. Тайсон – главы Экономического совета при президенте США Б. Клинтоне, компании с высокой степенью участия работников в управлении ими в среднем функционировали, чем фирмы, где эта степень была низкой. В данных

необходимо принимать во внимание возможность устранения отмеченных выше недостатков или, по крайней мере, уменьшения их негативных последствий. Прежде всего, путём разграничения сферы полномочий работников и их представительных органов, с одной стороны, и профессиональных управленцев – с другой. В этом русле идут предложения передать работникам функции принятия оперативных решений на уровне рабочего места, бригады, участка, а также принятия (или участия в принятии) стратегических решений на уровне предприятия в целом. Профессиональным управленцам – функции подготовки проектов стратегических решений, а также принятия оперативных решений на уровне предприятия в целом. Не следует забывать и о возможности использования самофинансирования предприятия как одного из средств решения проблемы нахождения финансовых источников проведения модернизации производства, а также целого арсенала иных мер. При этом необходимо не потерять самого главного – повышения уровня и качества подготовки работников к участию в принятии управленческих решений.

Отчуждение наёмных работников (де-юре) и большей части работников-акционеров (де-факто) от реального участия в управлении производством и распределении его результатов чревато самыми серьёзными негативными социально-политическими, нравственными и экономическими последствиями. Во-первых, происходит бурный рост социального неравенства на производстве и в обществе. Во-вторых, повышается норма эксплуатации труда капиталом (по расчётам академика РАН Д.С. Львова она в 3,5 раза больше, чем в США). В-третьих, усиливается конфронтация между трудом и капиталом, что препятствует достижению социального согласия в обществе и создаёт (во всяком случае, потенциально) массовую общественную базу классовой борьбы за радикальное перераспределение власти на производстве и в обществе. Идея «экспроприации экспроприаторов» всё более овладевает массами. Это вынуждены признать даже некоторые известные всем «олигархи». Так, «тюремный сиделец» (№ 1 на день написания статьи) М. Ходорковский в письме, отправленном 2 апреля этого года телекомпании НТВ, предупреждает других «магнатов», а также тех, кого принято называть «либералами», об опасности недооценки того обстоятельства,

компаниях производительность живого труда была выше на 15%, фондоотдача – на 177%, норма прибыли – на 33% (Paying for Productivity. A look at the Evidence. Ed. A. Blinder. – Washington: The Brookings Institution. – 1990. – P. 198, 203).

что 90% граждан России считают незаконной крупную частную собственность, возникшую в ходе приватизации.

Отчуждение работников от собственности, а, следовательно, от власти на своём предприятии укореняет в России экономику «старого» типа, не способной обеспечить должный уровень мотивации труда в условиях современного высокотехнологичного и наукоемкого производства, создать действенные стимулы повышения морально-нравственных качеств работников, престижа труда и т.п. Неудивительно, что развитые страны, на опыт которых любят ссылаться российские «реформаторы», а также часть стран, которых принято определять как развивающиеся, все более уходят от системы наёмного труда в её традиционном виде и жёстко авторитарной системы управления предприятием. Россия рискует оказаться на обочине современного мирового развития в сфере отношений между трудом и капиталом.

2. Первые современные отечественные опыты по реальному вовлечению работников в процессы принятия управленческих решений: успехи и проблемы.

*«Уже в XVIII веке китайцы
присвоили России очень меткое
определение «Э Го» -
«Неожиданная страна»
(Л. Ивашов. Россия или Московия)*

*«Русские долго запрягают,
но быстро ездят»
(Отто фон Бисмарк)*

Попытки повышения экономической эффективности и социальной стабильности предприятий на основе реального вовлечения работников в процессы принятия жизненно важных для них решений предпринимаются, хотя и с различной степенью успеха.

Прежде всего, на части так называемых «протестных предприятий». На сегодняшний день в стране существуют три главных вида таких предприятий. Первый вид – это те из них, работники которых протестуют против невыплат заработной платы, сокращения занятости, ухудшения своего материального положения, закрытия предприятия и т.п. В настоящее время «протестных предприятий» такого вида - большинство. Второй вид – предприятия, работники которых протестуют против смены старой администрации новой.

Мотивы – самые разнообразные: обнародование планов новой администрации по сокращению рабочих мест, свертыванию или перепрофилированию производства, страх «наказания» со стороны старой администрации за неучастие в подобного рода протестных действиях и т.п. Третий вид – предприятия, работники которых повышают уровень своих требований вплоть до упразднения авторитарной системы управления предприятием, в которой они чувствуют себя бесправными, униженными и оскорблёнными. С горькой иронией одна из работниц угольного разреза «Черниговский» Кемеровской области сказала у дверей туалета после «евроремонта»: «Только в отхожем месте я чувствую себя человеком на этом предприятии».

Работники флагманов «протестных предприятий» выступают за демократизацию хозяйственной власти, независимо от того является ли предприятие государственным или частным. На этом пути они достигли определённых успехов, в первую очередь, на основе *трудовых прав*. Так, на целом ряде предприятий под давлением работников была отстранена старая администрация и назначена новая. В одних случаях новая администрация признавала право работников на участие в управлении предприятием, как это имело место, например, на Комбинате цветной печати (г. Санкт-Петербург). В других случаях – она, по крайней мере, была склонна учитывать мнение работников в вопросах социально-экономического развития предприятия (Тутаевский моторный завод, Рязанская швейная фабрика «Заря», Щучанский хлебокомбинат и ряд других).

На некоторых предприятиях в качестве полноправных членов Советов директоров (Наблюдательных советов) были введены представители работников. При этом, они нередко голосовали в соответствии с наказаниями работников, имея так называемый «императивный мандат» (Комбинат цветной печати и др.).

Были созданы также новые институциональные формы участия наёмных работников в управлении предприятием. В частности, на Щучанском хлебокомбинате был учрежден Координационный совет, который фактически выполнял функции Правления комбината. Он состоял почти на половину из представителей рядовых работников и низшего управленческого звена.

Права работников на реальное участие в управлении предприятием были закреплены в коллективном договоре на Ленинградском металлическом заводе и некоторых других предприятиях. Прежде всего, право на получение экономической и финансовой информации, главным образом, в целях недопущения искусствен-

ного банкротства предприятия работодателем, нередко, в сговоре с кредиторами. Например, посредством взятия банковского кредита под непомерно высокие проценты,²⁰ отпуска пользующейся спросом продукции предприятия «дружественным» или подставным фирмам по заниженным, по сравнению с рыночными, ценам или закупки у них сырья по завышенным ценам²¹ и т.п.

С целью противодействия подобной практике на отдельных «протестных предприятиях» был установлен рабочий контроль отгрузки продукции и оплаты за неё, как это было сделано, в частности, на том же Ясногорском машиностроительном заводе.

В целом ряде случаев была продемонстрирована возможность эффективного хозяйствования на основе вовлечения работников в процессы принятия управленческих решений. Так, трудовые коллективы части «протестных предприятий» вместе с новой администрацией, избранной работниками-акционерами непосредственно или под давлением наемных работников, добились не только спасения своих предприятий от реальной угрозы закрытия, но и существенных положительных результатов в их работе. Например, в период, когда работники Кузнецкого металлургического комбината реально участвовали в управлении им, наблюдался переход от падения объёма товарной продукции к его росту более чем на 50% и от снижения общей эффективности производства к её повышению более чем на 10%.

Существенные успехи в демократизации хозяйственной власти на предприятии были достигнуты и *на основе прав собственности работников*.

В частности, работники-акционеры Комбината цветной печати передали право председателю профкома комбината голосовать на общем собрании акционеров единым (консолидированным) пакетом акций работников по их указанию, оформленному решением общего собрания работников-акционеров. Это, помимо всего прочего, предотвратило продажу акций, принадлежащих отдельным ра-

²⁰ Это, в частности, имело место на Выборгском комбинате. Его руководство взяло в 1994 г. банковский кредит под 150% годовых. Предоставление кредита оговаривалось возможностью применения драконовских штрафных санкций в случае, если он не будет возвращён вовремя (увеличение платы за кредит до 720% годовых и др.). Кредит не был возвращён в срок, хотя комбинат функционировал на момент выплаты кредита в нормальном режиме.

²¹ В случае с Ясногорским машиностроительным заводом эта разница составляла в среднем 40% и т.п.

ботникам, «на сторону». Затем этот пакет был внесен в качестве вклада в уставной капитал региональной общественной организации работников «Полиграфист», прежде всего в целях исключения самой возможности скупки акций работников комбината.

Другим способом участия работников-акционеров в управлении предприятием в коллективной форме, а также предотвращения «захвата» предприятия извне, явилась продажа ими акций в собственность своей профсоюзной организации (ОАО «Международный аэропорт Волгоград» и др.). На отдельных «протестных» предприятиях работники-акционеры взяли хозяйственную власть в свои руки. Так, например, в течение более двух лет (октябрь 1997 г. – декабрь 1999 г.) большинство мест в Наблюдательном Совете ОАО «Черниговец» принадлежало рабочим-акционерам.

Попытки демократизации хозяйственной власти на производстве в неконфликтных формах, также с различной степенью успеха, были предприняты на ряде государственных и приватизированных предприятий и учреждений. Выделим, на наш взгляд, наиболее интересные и поучительные:

Во-первых, опыт создания самоуправляемого *государственного учреждения* МНТК «Микрохирургия глаза» формально на базе арендных, а по существу, концессионных отношений, в соответствии с которыми концессионеру передается на определенных условиях не столько имущество, сколько вид деятельности, возложенный на данное предприятие (учреждение). В случае МНТК фактическим концессионером выступило юридическое лицо, образованное его трудовым коллективом во главе с С.Н. Федоровым. Им было принято пионерное решение в условиях отсутствия и по сегодняшний день законодательства о концессионных соглашениях. Результат - создание и успешное испытание на практике модели передачи государственных функций и полномочий организации, созданной работниками, а не пресловутым «стратегическим инвесторам», в первую очередь, иностранным, как это планируют «реформаторы».

Во-вторых, опыт формирования *неделимой собственности работников* в кооперативе «Завод «Электрокабель» (г. Кольчугино) в объеме 95 % его имущества. Это, помимо всего прочего, позволяет придать собственности работников более устойчивый характер.

В-третьих, опыт создания отношений доверия в профессиональном и морально-этическом плане между рядовыми работниками и высшим руководством на народном предприятии «Конфил» (г. Волгоград), что позволило не только создать высокоэффективное и

социально устойчивое производство, но и успешно противостоять неоднократным попыткам силового захвата власти на предприятии извне.

В-четвертых, практика создания системы предприятий с демократической системой хозяйствования в агропромышленном комплексе Кабардино-Балкарской Республики в виде народных предприятий. В настоящее время эта система охватывает 91 предприятие, образованные в соответствии с законодательством республики по инициативе и при поддержке ее руководства.

Процесс демократизации хозяйственной власти на российских предприятиях различных видов собственности и организационных форм наталкивается на целый ряд преград – внутри предприятия и за его пределами.

Среди *внутренних преград* можно выделить:

во-первых, деморализацию и деградацию рабочей силы в условиях резкого ухудшения материального и социального положения основной массы работников и, как следствие этого, снижение в целом их потребностей и интереса к участию в управлении.

Во-вторых, противоречие интересов работников-акционеров, ушедших на другое предприятие или на пенсию, с оставшимися на предприятии. Так, проведенное нами в мае-августе 2000 г. обследование на Краснодарской фабрике кожаных изделий, показало, что ушедших с предприятия интересовали исключительно или, главным образом, дивиденды на принадлежащие им акции. Работающих акционеров, напротив, больше интересовало сохранение рабочих мест, техническое перевооружение производства, привлечение инвестиций, а также предоставление различного рода льготных услуг социально-культурного и бытового назначения (питание в фабричной столовой, отдых в фабричном пансионате на море и др.).

В-третьих, прекращение деятельности профсоюзов, в первую очередь, на приватизированных предприятиях. Идет процесс уменьшения общей численности членов профсоюзов и степени участия в них работников. По сравнению с советским периодом, эти показатели снизились по разным оценкам, в полтора-два раза. В ряде отраслей образовались «беспрофсоюзные зоны».

В-четвертых, сохраняющаяся, а в ряде случаев усиливающаяся приверженность руководителей предприятий (за достаточно редким исключением) авторитарным методам руководства.

В-пятых, слабая, как правило, информированность работников об экономическом и финансовом положении предприятия, а также о планах его администрации. Этим умело пользуется значи-

тельная часть руководителей предприятия с целью ограничить реальное участие работников в принятии управленческих решений. Механизмы такого ограничения разнообразны: ограничение доступа к экономической информации, недопущение работников-акционеров к «кухне» выработки важнейших решений, выносимых на общее собрание акционеров и т.п.

В-шестых, низкая (также за достаточно редким исключением) компетентность работников, а нередко и их лидеров, в вопросах хозяйственной жизни предприятия. Это получило отражение, например, в требованиях преобразования своего предприятия в народное, как правило, без понимания «что это такое» и во многих случаях без наличия сколько-нибудь серьёзного обоснования экономической целесообразности подобного преобразования. Этим пользуются противники идеи народного предприятия в целях её дискредитации, равно как и самой идеи производственной демократии в глазах работников. Низкая компетентность работников в вопросах управления по существу наделяет нанятых или избранных ими профессиональных менеджеров абсолютной хозяйственной властью на предприятии. Этому в немалой степени содействует практически повсеместное отсутствие системы обучения и подготовки работников к участию в принятии управленческих решений. В первую очередь, основам гражданского и трудового законодательства, финансово-экономической деятельности предприятия в условиях рынка, умению читать баланс предприятия.

К *внешним преградам* демократизации хозяйственной власти на предприятии следует, в первую очередь, отнести неблагоприятную (за редким исключением) внешнюю среду – политическую, идеологическую и экономическую. Данная среда делает всё для подавления инициатив работников, направленных на увеличение своего влияния при принятии управленческих решений на своём предприятии. Особенно наглядно это проявилось в случае с Выборгским ЦБК. Была установлена настоящая экономическая блокада «мятежного» комбината. Под давлением вице-губернатора области банк отказал предоставить комбинату ранее обещанный кредит. Железная дорога не подавала вагоны для отгрузки продукции комбината. Осуществлялись и иные подобного рода действия.

Другая внешняя преграда - отсутствие понимания большинством властных органов экономической, социальной и политической выгоды, которую, как показывает мировой опыт, они могут получить от использования творческого потенциала работников в сфере управления предприятием: рост его экономической эффек-

тивности, снижение масштабов и остроты социальных конфликтов на производстве, повышение доверия к власти и проводимым ею реформам и др.

В этом же направлении действует такой фактор как отсутствие или острый дефицит внешних источников финансирования. Трудовой коллектив, добившийся реальных успехов в демократизации хозяйственной власти на своём предприятии, во многих случаях поставлен перед выбором между привлечением внешних инвестиций, в первую очередь, для проведения модернизации производства и стремлением сохранить независимость своего предприятия.

Развитию демократии на предприятии мешает отсутствие действенной поддержки со стороны подавляющего большинства общественных организаций, объединений (включая профсоюзы), партий и движений, декларирующих свою приверженность идее участия работников в управлении производством. Также приходится констатировать слабую степень солидарности и координации действий трудовых коллективов предприятий в борьбе за свои права на производстве. К сожалению не получила должного практического воплощения Резолюция о солидарности трудовых коллективов России, «борющихся за рабочий контроль, самоуправление и деприватизацию», принятая на Конференции их представителей в ноябре 1999 г.

Тормозом процесса демократизации хозяйственной власти на предприятии является также неразвитость так называемых «опорных структур» производственной демократии в виде экспертно-консультационных центров, инкубаторов²² и др. В настоящее время эти структуры либо отсутствуют вовсе, либо представлены, в основном, в виде районных, городских, областных и региональных Советов рабочих, которые, как правило, имеют слабую связь с трудовыми коллективами предприятий на своей территории.

3. Пути и механизмы вовлечения работников в управление предприятием и распределение результатов его хозяйственной деятельности

«Сам работаю, сам владею, сам управляю»

(принцип работников-членов кооператива

«Завод Электрокабель», г. Кольчугино)

²² Организации, оказывающие правовую и иную помощь состоящим в них предприятиям с демократической системой хозяйствования с момента их создания до момента, когда они станут на ноги.

Среди мер на федеральном уровне по законодательному обеспечению реального участия работников в управлении предприятием (при условии отказа государства от односторонней поддержки работодателей и перехода на позиции проводника реформ по демократизации хозяйственной власти на производстве) выделим, на наш взгляд, первоочерёдные.

Мера первая. Определить гарантированный законом минимальный объём полномочий работников в управлении предприятием на основе их трудовых прав на уровне норм, которые закреплёны соответствующими международными договорами, актами, конвенциями, а также, законодательством наиболее продвинутых в этом отношении стран. В первую очередь, ФРГ, чью модель реального участия работников в управлении предприятием Комиссия и Совет Европейского Союза рекомендуют другим странам-членам ЕС взять за основу как наиболее эффективную и перспективную в экономическом и социально-политическом плане. Являясь членом Совета Европы и стремясь к сближению с ЕС, Россия должна надлежащим образом учитывать европейские требования и рекомендации по расширению и углублению участия работников в принятии управленческих решений на своём предприятии.

Мера вторая. Установить нормативы представительства работников в совете директоров (наблюдательном совете), а также ревизионной комиссии предприятия (как государственного, так и частного) в качестве их полноправных членов, подобно тому как это было сделано, например, в ФРГ и Словении. Как известно, Трудовой Кодекс РФ не предусматривает такого представительства. Заметим, что кодекс не устанавливает исчерпывающего перечня форм участия представителей работников в органах управления предприятием. Так, Закон РФ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» 1996 г. предоставляет профсоюзам право иметь своих представителей в коллегиальных органах управления предприятием, но без конкретизации в каких. Поскольку политическая и хозяйственная власть России продолжает жить не по римскому праву («все, что не запрещено – разрешено») и даже не по византийскому («все, что не разрешено – запрещено»), а «по понятиям», то отсутствие такой конкретизации часто служит поводом для отказа представителям профсоюза во вхождении в состав высших органов управления предприятием.

Мера третья. Дополнить участие работников в управлении предприятием их участием в его имуществе (за исключением госу-

дарственных и муниципальных предприятий, чьё имущество является неделимым, в том числе, между его работниками) или прибыли, независимо от того, имеют работники доли в имуществе предприятия или не имеют.

Мера четвёртая. Восстановить в перечне способов приватизации аренду с выкупом имущества предприятия юридическим лицом, образованным его работниками. Этот способ широко применялся на начальном этапе российской приватизации (и не только российской). Затем, по понятным причинам, он был отвергнут её «творцами», поскольку мешал ускоренной концентрации имущества предприятий в руках крупных собственников – так называемых стратегических инвесторов, как отечественных (если они заслуживают такого названия), так и иностранных.

Мера пятая. Наделить работников-акционеров правом выбора в процессе приватизации организационно-правовой формы предприятия (в случае владения ими более 50% акционерного капитала предприятия). В настоящее время такое право отсутствует. Более того, государство, имея на руках так называемую «золотую акцию», может заблокировать принятие негодных ему решений по данному вопросу.

Мера шестая. Способствовать созданию и развитию некоммерческих самоуправляемых предприятий, созданных работниками путём передачи им государственного или муниципального имущества, минуя приватизацию, что не запрещено законом. Главной целью таких предприятий является не извлечение прибыли, а удовлетворение потребности страны, региона, территории, муниципальных образований. На Западе они получили название «социальные предприятия» с демократической системой управления. Такого рода предприятия, как правило, пользуются поддержкой органов власти и имеют льготы (налоговые и другие).

Мера седьмая. Содействовать процессам формирования собственности работников в период её становления. В частности, предоставить юридическому лицу, образованному работниками, возможность выкупить имущество своего предприятия в рассрочку с освобождением прибыли предприятия, направляемой на эти цели от налогообложения (полностью или частично), а также ввести систему налоговых льгот банкам, предоставляющим кредит для подобного рода выкупа. Такой порядок льготного налогообложения, например, предусмотрен Законом Венгрии о собственности работников на акционерный капитал от 21 июля 1992 г.

Среди мер по демократизации хозяйственной власти на предприятии *на региональном (местном уровне)* наиболее актуальными и перспективными представляются действия властей, направленные на поддержку этого процесса в законодательном и практическом плане (как это имеет место, в частности, в Кабардино-Балкарии и Дагестане). Эти действия могут быть различными: принятие соответствующих региональных законодательных актов или внесение изменений и дополнений в действующие; содействие развитию систем экономической учёбы работников и их лидеров; помощь в создании инкубаторов предприятий с демократической системой управления и т.п.

В заключение, о первостепенных мерах по демократизации хозяйственной власти *на уровне отдельного предприятия*.

Во-первых, *на основе трудовых прав работников*:

- внесение изменений и дополнений в традиционный макет коллективного договора, направленные на расширение объёма прав работников в сфере управления предприятием и распределения его прибыли. *Правовая основа*: содержание и структура коллективного договора определяются его сторонами – работниками и работодателями в лице их представителей (ст. 4. Трудового Кодекса РФ);

- установление рабочего контроля (в том числе, в упомянутых ранее формах);

- создание «опорных структур» производственной демократии (в качестве российских примеров можно привести Санкт-Петербургскую общественную организацию работников «Полиграфист» и Барнаульскую организацию «За производственную демократию»).

Во-вторых, *на основе прав собственности*:

- консолидация индивидуальных пакетов акций работников в руках их представителей или их продажа органам работников (профкому и др.);

- включение в устав предприятия Положения о создании ФАРПа. *Правовая основа*: возможность его формирования, предусмотренная ст. 35 Закона РФ «Об акционерных обществах»;

- ограничение количества акций, которые могут принадлежать одному акционеру, а также их суммарной номинальной стоимости для ограничения максимального числа голосов, которыми он располагает при решении вопросов на общем собрании акционеров. Это открывает возможность голосованию по демократиче-

скому принципу «один акционер – один голос» или приближающемуся к нему. Правовая основа: возможность такого ограничения, предусмотренная ст. 11 Закона РФ «Об акционерных обществах»;

- скупка акций у работников-акционеров, ушедших из предприятия, на выгодных для них условиях. Эти условия могут предусматривать, наряду с выплатой в денежной форме, различного рода иные возмещения, такие как: предоставление права пользоваться на льготной основе услугами заводской больницы, заводского профилактория, заводской столовой, других ещё сохранившихся объектов социальной инфраструктуры предприятия; оказание иных услуг – транспортных, топливных, ритуальных и т.п. также на льготных условиях. Выкупленные таким образом акции подлежат размещению – частично среди рядовых работников, в том числе, не имеющих акций (по полной стоимости либо на льготных условиях в рассрочку), частично – среди администрации (при условии успешной работы предприятия и соблюдения прав его работников);

- разработка систем и механизмов мотивационных стимулов, побуждающих внешних акционеров, а также акционеров из числа бывших работников предприятия перевести принадлежащие им акции из категории обыкновенных или голосующих в категорию привилегированных или неголосующих. Но не напрямую, так как законодатель не допускает подобный перевод, а через механизм одномоментной продажи обыкновенных акций и покупки привилегированных. Такая операция даёт внешним акционерам выгоды материального характера в виде гарантированных дивидендов, но лишает их (за редким исключением) прав на участие в управлении предприятием;

- преобразование предприятия в формы объединения труда (народное предприятие, производственный кооператив, артель). Условием членства в них является личное трудовое участие в их деятельности, а решения принимаются на основе принципа «один человек – один голос» (в производственном кооперативе и в артели все решения, в народном предприятии - большая часть).²³ Заметим, что преобразование предприятия в народное возможно при согласии его учредителей, а также работников и владении ими 49% его акций, в производственный кооператив (артель) – при вла-

²³ В отличие от объединений труда (граждан) объединения капитала (к ним можно отнести хозяйственные общества, а с определёнными оговорками и хозяйственные товарищества) основаны на денежном или ином участии в их капитале, а личный труд может вовсе не иметь место.

дении работниками 75% акций либо при согласии всех участников общества с ограниченной ответственностью.

- Такими в самых общих чертах представляются первоочередные меры по демократизации хозяйственной власти на российских предприятиях. Возможно, что какие-то детали предлагаемых мер или некоторые фундаментальные положения, отстаиваемые авторами, нуждаются в уточнениях. Но главный вывод, как представляется, может быть сделан уже в настоящей публикации: предоставление работникам права на реальное участие в принятии управленческих решений будет, во-первых, способствовать повышению экономической эффективности и социальной стабильности предприятий; во-вторых, содействовать выводу их на путь развития, который в наибольшей мере отвечает как общемировой тенденции демократизации хозяйственной власти на производстве, так и национальной самобытности России и историческим традициям её коренных народов.

Высшее образование в структуре мотиваций молодежи в современной российской провинции. (На материале Пензенской области).

А. Очкина

Предисловие.

В сфере российского образования, в том числе и высшего, происходят весьма интересные, противоречивые, можно сказать парадоксальные, социально значимые процессы, привлекающие внимание исследователей.(1). Однако таких исследований явно недостаточно, особенно когда речь идет о провинциальной России. Мы и попытались отчасти восполнить этот пробел.

Итак, какие же именно процессы кажутся нам противоречивыми и неординарными и заставляют предпринимать настоящее исследование?

Уже в последние годы советского периода активно обсуждался вопрос о перепроизводстве специалистов с высшим образованием. Поднимался также вопрос и о несоответствии структуры высшего образования реальным потребностям производства. Ожидалось, что рыночные реформы создадут «нормальную» мотивацию в отношении высшего образования, т.е. заставят людей ориентироваться на наличные потребности общественного производства и рынка труда, что и обусловит, в конечном счете, сокращение и рационализацию системы высшего образования России. Экономический и социальный кризис, в который Россия начала втягиваться еще в 80-х годах 20 века, действительно, привел на первых порах к некоторому сокращению числа поступающих в высшие учебные заведения. Но с 1993 года, напротив, начался устойчивый рост всей системы высшего образования. Если в 1990-91 учебном году система высшего образования Российской Федерации насчитывала 514 государственных вузов, то на сегодняшний момент она объединяет 607 государственных и 358 негосударственных вузов, в которых обучается 4,7 млн. человек. Кроме того, у крупных вузов возникает разветвленная филиальная сеть. Многие высшие учебные заведения повышают свой статус, открывают новые факультеты и специальности. Развиваются и расширяются отделения допол-

Очкина А. В. - к. филос. наук, Пенза.

нительного и заочного (дистанционного) образования, развивается система переквалификации (второе высшее образование). После относительного спада в середине 90-х годов число студентов ежегодно растет. В 2000-01 учебном году г. численность студентов только государственных учебных заведений на 10 тысяч населения составила 327 человек, что значительно выше, чем соответствующий показатель 1995 -1996 учебного года – 189 студентов на 10 тысяч населения. В негосударственные вузы в 1993 году было принято 47,2 тысячи студентов, а уже в 1999 году – 112,6 тысяч. (2)

Следует отметить при этом, что динамика развития вузовской системы однотипна для всех регионов Российской Федерации, конечно, при разной интенсивности этого процесса. Так, в г. Пензе все существовавшие в советское время 4 государственных вуза в 90-х годах прошлого века повысили свой статус. Два из них стали академиями, политехнический институт получил статус классического университета, педагогический институт стал педагогическим университетом. Названные учебные заведения воспользовались повышением статуса для открытия новых факультетов и специальности и увеличили прием студентов. Численность студентов в пензенских вузах возросла с 25,03 тысяч в начале 1997-98 учебного года (3) до 45,4 тысяч человек в начале 2003-04 учебного года. (4) С 1993 года в Пензе открылись филиалы 8 государственных и 3-х негосударственных вузов. (5) Филиалы Пензенских вузов, в свою очередь, открываются в городах Пензенской области. При этом сохраняются высокие конкурсы при поступлении в вуз.

Совершенно уместно, - это диктуется здравым смыслом и социальным опытом, - сделать предположение, что подобный подъем в развитии высшего образования может быть связан с тремя обстоятельствами, действующими вместе или по отдельности. Обстоятельства эти следующие: существенные социально-экономические преимущества, которые дает высшее образование; рост экономики, вызывающий потребность в специалистах с высшим образованием и соответствующий рост заработной платы этих специалистов; эффективная социальная политика государства, направленная на повышение уровня жизни населения и развитие образования.

Однако версия о серьезных социально-экономических преимуществах, которые дает высшее образование, для сегодняшней России неубедительна. Значительная часть малообеспеченных людей сегодня в России – это врачи, учителя, преподаватели вузов, работники культуры, т.е. люди с высшим образованием и высокой квалификацией. Квалифицированные рабочие зарабатывают

больше или даже намного больше. Заработная плата и определяемый ею уровень жизни зависит, отнюдь, не от качества образования и уровня квалификации, а, скорее, от сферы занятости и региона. Разрыв по регионам – 10-15 раз, (6) разрыв по отраслям – по разным оценкам – от 7 до 15 раз. (7) Кроме того, рабочих мест для людей с высшим образованием не хватает, особенно в провинции, и получение работы, как впрочем, и карьерный рост, во многом зависит от семейных, клановых, дружеских и т.п. связей. Это во-первых.

Во-вторых. В последнее время, действительно, наметился некоторый экономический рост. Но, тем не менее, по уровню национального производства Россия еще не вышла на дореформенный уровень. Да и экономический рост, как известно, идет не за счет высокотехнологических перерабатывающих производств, а за счет топливно-энергетического комплекса, добывающего сектора. Подобный рост стимулирует потребность в специалистах строго определенного профиля и не может вызвать устойчивого развития системы высшего образования по всей стране и во всех, причем преимущественно гуманитарных, направлениях, которые и развиваются особенно энергично. Рост заработной платы, несомненно, идет, но очень небольшой. Экономическое положение людей, особенно в провинции, остается тяжелым.

И, наконец. Государство также никак интерес своих граждан к получению высшего образования не стимулирует. *Государственное финансирование высших учебных заведений остается недостаточным, и вузы вынуждены развивать коммерческое направление, буквально добывать средства к существованию. В последние годы в России вообще наметилась тенденция к сокращению бесплатного высшего образования и его так называемой рационализации, т.е. к максимальному сближению квалификационно-профессиональной структуры выпускников вузов с отраслевой и квалификационной структурой спроса на существующем рынке труда, к приведению всей системы образования в соответствие с сугубо прагматическими соображениями и с наличными материальными и финансовыми возможностями страны. Такая позиция была отчетливо сформулирована президентом В.В. Путиным в последнем послании Федеральному собранию Российской Федерации. Отметив, что по сравнению с советским периодом в России почти утроился прием в вузы, и число поступающих в них фактически сравнялось с числом выпускников средних школ, он недвусмысленно дал понять, что такое положение не отвечает*

интересам государства. (8) Совершенно понятно, что при нынешнем экономическом положении России, состоянии ее производства и рынка труда подобная ориентация государства должна была бы неизбежно привести к существенному сокращению высшего образования вообще, а в особенности гуманитарного и фундаментального его секторов, очень важных с точки зрения развития общества в целом. Но пока этого, к счастью, не произошло.

Таким образом, вузовская система России развивается в последние годы некоторым образом даже вопреки объективным обстоятельствам, а также деятельности и осязаемым намерениям государства. Тем не менее, сохраняется устойчивый спрос со стороны населения на услуги высшего образования, в том числе гуманитарного и фундаментального, и все попытки свертывания системы высшего образования неизменно вызвали и вызывают серьезный общественный протест. Не случайно, одним из популярных приемов завоевания симпатий избирателей в последней кампании по выборам депутатов в Государственную Думу РФ был именно лозунг о сохранении и развитии системы высшего образования, особенно бесплатного. К этому приему прибегали все без исключения политики, независимо от их взглядов и даже предшествующих заявлений, что и понятно: в период выборов политик не может не считаться с предпочтениями населения.

С полным основанием можно сказать, что упрощенно рациональное объяснение развития высшего образования является в нынешних российских условиях несостоятельным или, по крайней мере, недостаточным. В связи с этим представляется важным выяснить действительное содержание мотивации студентов при получении высшего образования, чтобы иметь возможность не только более или менее убедительно объяснить возникший в российском высшем образовании любопытный (парадоксальный) феномен, но и понять его действительный социальный смысл и социальное значение и сделать адекватные практические выводы. Именно такое исследование было предпринято нами в октябре 2003 – апреле 2004 года в Пензенском государственном педагогическом университете.

Описание исследования.

На основании приведенных выше предварительных соображений мы сформулировали гипотезу исследования: мотивация молодых людей в сфере образования имеет ярко выраженный личностный, т.е. не внешне принудительный или ситуативный, не узко рациональный или сугубо прагматический, а обусловленный в значительной мере потребностями личностного развития и личностной реализации, характер. Ее основанием является в целом та социально-культурная и социально-психологическая среда, в которой эти молодые люди сформировались и живут. Такая концепция предполагает решение следующих трех задач. Первая: собрать и описать вербально выраженную мотивацию молодых людей в сфере высшего образования. Вторая: получить данные о социально-экономическом и социально-психологическом фоне, на котором складывалась заявленная мотивация. И, наконец, третья задача исследования, тесно связанная с предыдущими, заключалась в необходимости обобщить и оценить общесоциологический смысл полученной информации.

Для проведения социологического опроса были выбраны: факультет иностранных языков (ФИЯ), физико-математический факультет (ФМФ), факультет социологии и социальной работы (ФССР) и юридический факультет (ЮФ). Принцип выбора факультетов был следующий – два старых (ФИЯ и ФМФ), традиционно педагогических факультета, во многом ориентированных, особенно в условиях Пензенской области, на подготовку специалистов для средних и высших учебных заведений, и два новых для педагогических вузов (ЮФ и ФССР), сориентированных «как бы» на новые социально-экономические обстоятельства и соответствующие потребности. Подбором факультетов мы стремились повысить репрезентативность выборки.

Исследование основывалось на сопоставлении вербальной (заявленной) мотивации студентов и статических данных, реальных фактов российской жизни. Использовался комплекс методов. В-первых, социологический опрос студентов высшего учебного заведения. Опрос проводился как методом анкетирования, так и методом структурированных и неструктурированных интервью. Всего было опрошено 340 студентов или 4,49% от всех обучающихся на очном отделении. На вопросы разработанной нами анкеты отвечали 206 студентов университета. Опрос проводился методом серийной выборки. Были отобраны восемь академических групп, которые по принципу формирования и составу студентов могут быть призна-

ны стандартными. Были проведены также 134 структурированных интервью. Кроме того, активно применялся метод наблюдения, так как, являясь преподавателем, автор имеет возможность постоянно общаться со студентами, наблюдать их отношение к учебе, будущей профессии и всему происходящему в стране. Наконец, проводился анализ статических показателей, характеризующих уровень жизни населения, статей, телепередач, выступлений политиков и чиновников, посвященных образованию.

Сначала о результатах анкетного опроса.

Прежде всего, мы попытались выяснить, какие цели ставят перед собой студенты, поступаая в вуз. Как показал анализ полученных данных, от 29 до 49% (в зависимости от факультета), а в среднем 42,47 %, студентов, поступаая в вуз, предполагают подготовить фундамент для получения работы, позволяющей материально обеспечить себя и свою семью. Однако делать вывод о преобладании материальных целей и интересов у них было бы преждевременно. Во-первых, даже для тех студентов, которые заявили материальный интерес как приоритетный, социально-культурный компонент не потерял свою значимость. Мотивы развития способностей и склонностей, повышения социального статуса, улучшение и расширения сферы общения и приобретения уважения в обществе значимы почти для половины опрошенных студентов.

Чтобы сделать выводы более уверенно и обосновано, мы поставили перед респондентами вопрос, касающийся выбора специальности, который конкретизирует и разъясняет содержание мотивов получения высшего образования. Довольно отчетливо обнаруживается из полученных данных, что лидирует сугубо личностная причина, т.е. соответствие выбранной специальности склонностям и способностям. Именно так мотивируют свое решение почти 40% опрошенных студентов. И хотя приблизительно 15% опрошенных студентов руководствовались сугубо прагматическими соображениями, причины общекультурные и общесоциальные преобладают, так как являются решающими почти для 55% респондентов.

Как показал опрос, большинство наших студентов привлекает сам процесс обучения независимо от результата и практической пользы. Это косвенно, но вполне определенно подтверждается тем, что подавляющее большинство студентов, ориентируясь на общероссийский и даже на региональный рынок труда, весьма неприятельные в отношении качества и содержания образования, все же хотят получить качественное и преимущественно универсальное образование. Соответствующие данные есть в результатах опроса.

Так, на общероссийский рынок труда ориентированы 70,72% опрошенных студентов, 12% опрошенных ориентированы на местный, региональный рынок труда и только 17,28% наших студентов намерены пробовать силы на международном рынке труда. Тем не менее, на вопрос: «Вы хотите получить качественное образование или это Вам безразлично?» - 185 респондентов подтвердили свое желание получить качественное образование, и только один отметил, что ему это безразлично. Ориентированы на универсальное образование 77,96% опрошенных студентов, и только 22,04% респондентов предпочитают узкоспециальное, практически ориентированное образование. При всех парадоксах и сложностях пензенского рынка труда, которые, кстати, широко известны, наши студенты очень внимательны и требовательны именно к качеству своего образования.

Результаты интервью во многом повторяют выводы, сделанные на основании опроса. Действительно, личностный и социально-культурный компоненты мотивации получения высшего образования здесь также доминируют. В интервью этот момент проявляется даже ярче, чем в анкетировании. Только 16% опрошенных, отвечая на вопрос о причинах, побудивших их продолжить обучение в вузе, первым назвали материальный мотив. Причем и среди этих респондентов нет ни одного, для которого материальная причина была бы единственная. Мысль о том, что высшее образование облегчает поиск работы, гарантирует материальное благополучие или, хотя бы стабильность, присутствует во многих ответах, но рядом с ними и чаще на первом месте фигурируют причины общекультурного и общесоциального характера. Распространенные формулировки: «хочу найти свое место в жизни», «хочу найти интересную работу», «мечтаю занять достойное место в обществе», «хочу получить новые знания и сделать карьеру, применяя их», «хочу стать уважаемым и достойным членом общества» и т.п.. Примечательно, что 42% опрошенных вообще не упомянули материальные мотивы получения высшего образования, а 8% назвали главной причиной получения высшего образования стремление к личному совершенствованию.

Полученные нами данные существенно расходятся с результатами исследований, проведенных в Москве. Н.Д. Сорокина отмечает, что доминирующая жизненная стратегия у студентов престижных московских вузов – прагматическая: успех в жизни, деловая карьера, материальная обеспеченность. (9). Но она же отмечает, что в других городах России картина несколько иная. Думается,

что ситуация, выявленная в Пензенском педагогическом университете, характерна для провинциальной (т.е. для собственно) России. Пенза – типичный российский провинциальный город, пед. университет – старейший, престижный, хорошего качества вуз (занимает 21 место в рейтинге среди 72 вузов соответствующего профиля), это, отнюдь, не пристанище для неудачников, в него поступает лучшая молодежь города и области. И эта ситуация не укладывается в концепцию «homo economicus», т.е. в концепцию неперменной рационализации, правильнее сказать, прагматизации, социального поведения по мере развития капитализма в России. Рассматривая спрос на рынке образовательных услуг как производный от спроса, складывающегося на рынке труда, и констатируя их несоответствие сегодня в России, исследователи склонны объяснять это «инерцией мышления», стереотипами советских лет, неповоротливостью системы и т.д. (10) Однако, в таком случае, остается открытым вопрос о причинах этой инерционности, которую российские граждане демонстрируют, отнюдь, не во всех сферах, а уж в динамичности современной российской действительности не откажешь. Кроме того, система высшего образования как раз и продемонстрировала в годы реформ гибкость и способность откликаться на потребности общества, а именно – на устойчивый спрос населения на услуги высшего профессионального образования.

Мотивация к получению соответствующего образования у студентов различных факультетов заметно различается. В целом в выборе экономически рациональной мотивации лидируют студенты юридического факультета - 48,94% из них ставят своей целью создание фундамента для получения работы, позволяющей материально обеспечить себя и свою семью. Соответствующее намерение есть у 46% студентов иностранных языков, у 43% студентов факультета социологии и социальной работы. Студенты физико-математического факультета намного более равнодушны к материальным благам, чем остальные, только 25,81% из них осознанно ставят материально-прагматические цели. Но эти данные весьма существенно корректируются ответами на вопрос о причинах выбора той или иной специальности. Здесь заявляют о своих прагматических установках только 25,53% опрошенных студентов ЮФ, 14% – ФИЯ, 8,62% – ФССР и 3,23% – ФМФ. Можно без каких-либо натяжек утверждать, что преобладание социально-культурной, личностной компоненты в мотивации наших студентов обнаруживается не только в средних величинах, но и действительно является ведущей тенденцией.

Чтобы повысить надежность выводов, было дополнительно проведено исследование динамики мотивации к получению высшего образования: у школьников, у студентов младших курсов и у старшекурсников. Результаты очень интересны. Более 85% процентов респондентов-школьников заявляют о своем желании получить высшее образование, причем около 70% из них мотивируют это стремлением к материальному обеспечению своей жизни. Процент опрошенных школьников, стремящихся в вуз за собственно образованием, с целью развития своей личности, гораздо меньше – в целом по выборочной совокупности – приблизительно 25%. На первых – вторых курсах университета картина несколько меняется. Здесь только 38% опрошенных в качестве ведущей причины получения ими высшего образования называют стремление к материальному благосостоянию, 31% уже демонстрируют уверенную социокультурную мотивацию. И значительно другая картина на старших курсах. Только 18,4% рассматривают высшее образование как средство для комфортного устройства в жизни, а 64% осознают самоценность образования, знаний, умений и всей системы отношений, связанных с пребыванием в вузе, так как это уже прочно ассоциируется с их личностью, их культурной и социальной принадлежностью. Конечно, многие из грубо прагматически, меркантильно настроенных студенты отсеиваются, во-первых потому, что понимают, что выбрали в наших условиях не лучшее средство для достижения своей цели, а во-вторых, не выдерживают напряжения учебного процесса: нет соответствующей мотивации, интереса к учебе. И все же можно предположить, что основная причина описанной динамики мотивации та, что в самом процессе образования развивается вкус к нему, понимание и чувство его самоценности для человека, стремящегося быть личностью, свободным и достойным человеком.

Как же выглядит социально-экономический и социально-психологический фон, который сопровождает и обуславливает именно такую мотивацию российской молодежи в области образования? Вот что нам удалось выяснить.

Подавляющее большинство семей наших студентов – городские (75,27%), 58,6% из них проживают в Пензе, 16,67% - в городах области и только 24,73% семей проживают в селе. Это при том, что население Пензы в общей численности населения области составляет около 35%, а городское население в целом – 64,4%. Известно, что жителям села по ряду причин труднее поступить в вузы и труднее содержать обучающихся в вузах детей. Однако для нас

сейчас важно то, что те жители села, которые имеют высшее и среднеспециальное образование, стимулируют обучение своих детей в университете и содержат их в меру своих сил. Анкетный опрос показал, что 84,78% родителей студентов из села имеют такое образование. В целом же приблизительно 86% родителей наших студентов имеют среднеспециальное и высшее образование, а 42,2% родителей респондентов – высшее, что значительно превышает среднероссийский уровень.

А вот семьи опрошенных нами студентов беднее, чем в среднем по России и даже по области. 56,45% семей опрошенных студентов имеет среднемесячный доход менее 3 тыс. руб. на одного члена семьи, причем у 21,50% он намного меньше указанной суммы. Такая классификация доходов, кстати, была принята в анкете на основании того, что среднемесячный доход на душу населения в Пензенской области колеблется вокруг 3000 рублей. Прожиточный минимум в Пензенской области в среднем осенью 2003 года составил приблизительно 1800 рублей. (11) Таким образом, больше половины студентов принадлежат к семьям, имеющим доход ниже среднего по области. Доходы больше среднего по области имеют только 23,66% семей опрошенных студентов, причем имеют доходы намного больше среднего только 5,38%.

Получение высшего образования нисколько не гарантирует в России достойный уровень материального обеспечения, что родителям наших студентов хорошо известно по собственному жизненному опыту. И тем не менее они готовы пойти и идут на весьма серьезные материальные затраты, чтобы учить и содержать своих детей во время учебы. Они готовы тратиться на оплату подготовительных курсов (33,33%), репетиторов (32,26%), оказание спонсорской помощи вузу и факультету (17,2%), на оплату обучения (20,43%), частной квартиры (17,74%), содержать своих детей во время учебы (питание, одежда, поездки) – 69,35% и даже оплачивать дополнительное и второе образование (15,05%). Сами студенты, сознавая для себя важность высшего образования и стремясь его получить, соглашаются, скорее, на содержательные (хорошая учеба, дополнительные занятия разного рода, и т.п.), чем на материальные и экономические усилия. Работать во время учебы готовы менее 20% студентов. И дело не только в инфантилизме наших студентов, но в большей степени в том, что рабочих мест для неквалифицированных и жизненно неопытных молодых людей очень мало, и, кроме того, большая часть доступных студентам вакансий, особенно дающих приемлемый заработок, находятся в маргинали-

зированных секторах рынка труда. В лучшем случае это означает очень жесткие условия найма при нарушении большинства прав работника, а часто чревато и криминалом. Однако если появляется возможность легального заработка, ее мало кто упускает.

Прежде чем делать какие-либо выводы, опишем еще один крайне любопытный и симптоматический факт, проявившийся в нашем исследовании. Во всех случаях – в опросе, интервью, беседах студенты относят себя (и часто свои семьи) к среднему классу. Результат на редкость единодушен – из всех опрошенных только один отнес себя и свою семью к высшему, а двое к – низшему, беднейшему слою. И это независимо от уровня дохода семьи, места жительства, сферы занятости, даже в том случае, если родители безработные, пенсионеры или инвалиды. Особенно в интервью респонденты настаивали на своей оценке, причем многие горячились, не соглашались ни на какие альтернативные предложения и приставки «бедный», «низший» к понятию «средний класс». Аргументы были на удивление схожи: мои родители имеют хорошее образование, у них интересная, уважаемая работа, или – они много знают, к ним прислушиваются и – обязательный, повторяющийся почти у всех аргумент: «мои родители имеют возможность дать мне высшее образование», о наличии высшего образования у сестры или брата сообщают с гордостью. Почти все респонденты настаивали на принадлежности к среднему классу людей, занятых высококвалифицированным, содержательным и творческим, социально значимым и уважаемым трудом. Без колебания они относят к среднему классу врачей, учителей, преподавателей вузов, работников культуры, инженеров. Мелких же и средних предпринимателей относят к среднему классу далеко не все.

Нетрудно заметить, что, определяя место свое и своей семьи в социальной иерархии, наши студенты ориентируются на некий сложившийся уровень жизни, потребления, структуры доходов и расходов родственников и знакомых своих родителей, которые предстают перед ними как самые распространенные. «Обычность» с их точки зрения образа жизни своих родителей они фиксируют в определении «средний». Однако, помимо субъективного ощущения похожести, обычности, есть и объективное основание подобного социального самоопределения. Уровень образования и распределение родителей большинства опрошенных студентов по сферам занятости было характерно для так называемого советского среднего класса. Его, кстати, отличала и устойчивая ориентация на высшее образование для своих детей как на безусловную ценность. В поре-

форменной России положение этих социальных групп существенно изменилось: они превратились в бедных «бюджетников» (звучит почти как «нахлебников») и были практически оттеснены к обочине социально-политической и культурной жизни. В связи с этим их трудно назвать средним классом в его классическом понимании. И, все-таки, это, несомненно, средний класс по своим социальным, культурным и нравственным установкам, а также по своей истинной социально-экономической роли.

Для той категории граждан, к которой принадлежат в большинстве своем наши студенты, характерны жесткая экономия, упрощенная и сокращенная структура потребления в целом (поэтому различия между ними по сферам занятости, материальному положению сглаживаются, это то, что можно назвать «равенством в бедности»). Потребление услуг в сфере культуры, туризма, расходы на поездки и путешествия значительно сократились по сравнению с советским периодом. А вот в сфере потребления товаров и услуг, связанных с содержанием, воспитанием и образованием детей, наши небогатые россияне гораздо более раскованны. Здесь их социально-экономическое поведение действительно приобретает черты «настоящего среднего класса». Все возрастающая потребность российских граждан в высшем образовании, на наш взгляд, есть способ психологического и социального самосохранения, предотвращения социальной деградации. Это одно из наиболее ярких выражений больших ожиданий и, в конечном счете, социального оптимизма россиян. А поэтому вряд ли эти социальные группы поддержат ту «модернизацию» образования, которую наметило правительство, ибо для них это станет социальной, психологической и культурной катастрофой. Хорошо это или плохо, означает ли это, что эти социальные слои консервативны? С нашей точки зрения, отнюдь, нет, не консервативны. Именно они и представляют собой важнейший социальный капитал, накопленный обществом и способный к саморазвитию, без которого невозможен (это сегодня уже широко признано) прорыв страны в подлинно современный, высокотехнологичный, социально гармонизированный и гуманистически ориентированный мир.

Отметим еще раз, что для перечисленных нашими респондентами социальных слоев характерны относительно высокий уровень образования, невысокие среднедушевые доходы, серьезные ограничения повседневного потребления, но вместе с тем большие вложения в образование детей. Именно уровень их образования и отношение к образованию детей отличает их от низших классов и

маргинализированных слоев общества. Это, если не понимают, то чувствуют наши студенты, поэтому для них важнейшим социально-квалификационным признаком является уровень образования. Большинство из них рассматривают высшее образование как гарантию от маргинализации, социальной и моральной деградации и даже как фактор социального роста. Причем, социальный рост они понимают своеобразно, как расширение жизненного горизонта, как возможность более интересной жизни и общения, содержательного труда, уважения окружающих. Таким образом, высшее образование в провинциальной России имеет для очень многих граждан самостоятельную, не связанную с требованиями рынка труда, с соображениями карьерного порядка социальную, культурную и социально-психологическую ценность.

Заключение.

В заключение можно констатировать, что заявленная гипотеза исследования, в ходе самого исследования, в сущности, подтвердилась и в значительной степени была развита и детализирована. Мотивация большинства студентов, вовлеченных в наше исследование, имеет социокультурное содержание и носит глубоко личностный характер. Она не задана извне и грубо внешними общественными структурами – потребностями производства и рынка труда, политикой и поддержкой государства, – а складывается даже в значительной степени вопреки им. Интересы личного развития, самореализации, приобщения к культурным и социальным ценностям, общественного признания, творческого успеха превалируют над причинами материального характера. Материальный мотив при получении высшего образования, отнюдь, не игнорируется молодыми людьми. Но будущее материальное благополучие не рассматривается ими как конечная, а тем более, абсолютная, цель получения высшего образования. Получение высшего образования для большинства опрошенных студентов является инструментом социального самосохранения, укрепления их социального положения, статусного роста.

Именно поэтому подчинение высшего образования сиюминутным требованиям рынка, его прагматизация и утилизация станет в полном смысле катастрофой для большинства наиболее сознательных, работоспособных и социально-продуктивных граждан России. Можно предположить, что сохранение и развитие системы высшего образования, причем бесплатного или хотя бы широко доступ-

ного, является неперенным условием стабильного и успешного развития России.

Примечания.

1. См. работы Шереги Ф.Э., Сорокиной Н.Д., Бестужева-Лады И.В., Ракитова А.И., Нечаева В.Я. и др.
2. Сайт: Статистика Российского образования – stat.edu.ru/
3. Пензенская энциклопедия /Под ред. К.Д. Вишневого/ - М.: Большая Российская энциклопедия, 2001 г. Ст.: Высшее образование.
4. Официальный сайт правительства Пензенской области: Социальная сфера: Образование. <http://www.penza.ru/01/06>.
5. Официальный сайт правительства Пензенской области. Социальная сфера: образование. <http://www.penza.ru/01/06>
6. Колесников Ю.С. Прикладная социология. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2001 год, - С. 50.
7. Официальный сайт Государственного комитета по статистике Российской Федерации, www.gks.ru
8. Российская газета от 27 мая 2004 г. – № 109 (3486) – С. 4
9. Сорокина Н.Д. Перемены в образовании и динамика жизненных стратегий студентов. // Социологические исследования – 2003 – 10.
10. Лоншакова Н.А. Региональный вуз и рынок труда: проблема адаптации. На примере Читинской области. // Социологические исследования – 2003 – 2.
11. Официальный сайт правительства Пензенской области: Экономика: Уровень жизни и доходы населения. <http://www.penza.ru/01/06>

Положение молодежи в России.

Галина Сметанина

Российское общество в последние 10-15 лет пережило глубокие экономические и политические трансформации, коренным образом изменившие уклад жизни и менталитет российского населения. Люди разных возрастных групп столкнулись с новыми реалиями.

Российская молодежь начала XXI века, усваивая идеи, взгляды, ценности трансформирующейся экономики, имеет дело с неоднозначным и противоречивым по результатам опытом их внедрения в современную практику.

Россия пытается прочно и всесторонне интегрироваться в процессы мирового развития. Это породило много проблем, которые необходимо осмысливать и учитывать во внутренней и внешней политике, в определении перспектив общественного и государственного развития, в формировании и социальном становлении молодого поколения россиян.

Многие проблемы молодежи оказались на обочине государственных интересов, не стали предметом специального внимания и их неотложного решения социальными институтами общества.

Общий вывод исследователей НИЦ при ИМ, сделанный в 1993 году, остается в силе: «Каждое последующее поколение российской молодежи по основным показателям социального положения и развития хуже предыдущего». Это выражается, прежде всего:

- в тенденции сокращения количества молодых людей, что ведет к старению общества и, следовательно, снижению роли молодежи как социального ресурса в целом. С 1987-1996 гг. в стране родилось на шесть миллионов детей меньше, чем за предыдущие десять лет. Количество молодежи в возрасте до 16 лет уменьшилось на три миллиона человек. Демографическая ситуация осложняется новым в российской действительности – ростом убийств и самоубийств, в том числе среди молодежи;¹

- в тенденции ухудшения состояния здоровья детей и подростков. Растущее поколение менее здоровое физически и психически, чем предыдущее. В среднем по России лишь 10% выпускни-

· Сметанина Галина Александровна – аспирант СурГУ (г. Сургут)

¹ Рыбаловский А.Л., Захарова О.Д., Иванова А.Е. Демографическое будущее России // Народонаселение. – 2002. - №1. – С.33-48.

ков школ могут считать себя абсолютно здоровыми, 45-50% из них имеют серьезные морфофункциональные отклонения;

- в тенденции расширения процесса десоциализации, маргинализации молодежи. Увеличивается количество молодых людей, ведущих асоциальный, аморальный образ жизни. В силу различных причин и в разной степени к ним относятся: инвалиды, алкоголики, бродяги, «профессиональные нищие», лица отбывающие заключение в исправительно-трудовых учреждениях, которые стремятся быть социально полезными гражданами, но в силу общественных условий не могут ими стать. Происходит люмпенизация и криминализация молодежи;

- в тенденции снижения возможностей участия молодежи в экономическом развитии. Статистические данные свидетельствуют о том, что доля молодых людей в составе безработных остается высокой. В 1994 году она составила – 35,5%, в 1997 году – 35%, от общей численности безработных;

- в тенденции падения социальной ценности труда, престижа ряда важных для общества профессий.

По мнению специалистов, начиная с середины 90-х годов, Россия заняла одно из ведущих мест в мире по потреблению абсолютного алкоголя на душу населения. Молодежная группа по этому показателю не только не отстает от старшего поколения, но зачастую и превосходит его.

Стремительно растет и число курильщиков табака, что принципиально расходится с тенденциями в индустриально развитых странах. По данным выборочного исследования, 68% юношей и около 30% девушек курят, в том числе регулярно 40% и 8% соответственно. Привычка к курению и соответствующему образу жизни, по мнению экспертов, наиболее интенсивно формируется и закрепляется, как правило, в течение подросткового периода развития.

Согласно информационно-аналитическому отчету о результатах социологического опроса на первом месте в округе стоят проблемы борьбы с распространением употребления наркотиков в молодежной среде.² Две трети опрошенных считают, что в их городах, поселках наркотизм получил широкое распространение. При этом 38% от числа опрошенных молодых людей указали на то, что

² Социальные проблемы, потребности, жизненные ценности учащейся и работающей молодежи Ханты-Мансийского автономного округа. - Краткий информационно-аналитический отчет о результатах социологического опроса (март-май 2002 г.). – Комитет по молодежной политике Ханты-Мансийского автономного округа. Кафедра социологии и управления общественными отношениями Уральского академии государственной службы. – Ханты-Мансийск. – 2002. – С.30.

в их ближайшем окружении есть люди, постоянно употребляющие наркотики.

По данным Минздрава России, число больных наркоманией и токсикоманией в стране выросло с 6,5 тысяч в 1991 году до 74,6 тысяч в 2000 году, а число состоящих на учете по данному диагнозу, соответственно, с 37,2 тысяч до 281,2 тысяч. И это при тенденции сокращения численности населения страны. Омоложение контингента употребляющих табак, алкогольные напитки, токсические, наркотические и другие психоактивные вещества, зависимость этих процессов от нарастания масштабов лоббирования табака и алкоголя, незаконного оборота и распространения наркотиков становятся устойчивой тенденцией в последнее десятилетие.

Исключительно тревожной в данной ситуации выступает доминирование молодежной составляющей в названной негативной тенденции. Наиболее высокие уровни заболеваемости наркоманией в России отмечаются в Московской, Кемеровской, Самарской, Томской, Тюменской, Иркутской областях, гг. Москве и Санкт-Петербурге.

В 2000 году под наблюдением наркологических диспансеров по поводу наркомании находилось 9062 подростка и почти 16 тысяч злоупотребляющих наркотиками. По сравнению с 1999 годом число больных наркоманией подростков выросло на 10,5%. Уровень заболеваемости подростков наркоманией на 70% выше, чем заболеваемость всего населения.

По данным органов здравоохранения, в России на конец первого полугодия 2001 года на учете состояло более 470 тысяч лиц, употребляющих наркотики, из них 325 тысяч – с диагнозом "наркомания". Злоупотребление наркотиками в настоящее время приобрело характер эпидемии.

Резко активизируется процесс наркотизации в молодежной и детской среде. При этом уровень заболеваемости наркоманией среди несовершеннолетних в 1,5 раза выше, чем среди взрослого населения. Об этом свидетельствует тот факт, что по сравнению с первым полугодием 2000 года количество подростков, больных наркоманией, за аналогичный период 2001 года увеличилось на 18,8%.

По результатам исследования, проведенного в Западной Сибири, в конце 90-х годов отмечено значительное снижение возраста первого знакомства с наркотиками: раньше 10 лет – 19%, с 10 до 12 лет – 26%, с 13 до 14 лет – 18%, остальные – старше 15 лет. По вы-

борочным данным, средний возраст приобщения к наркотикам у мальчиков – 14,2 года, у девочек – 14,5 лет.³

По данным ряда выборочных исследований, наиболее высокий уровень приобщения к наркотикам характерен для возрастной группы 16-19 лет, в первую очередь, среди учащейся молодежи. Эксперты делают вывод о том, что критическим, представляющим наибольший риск для наркотических соблазнов, является период перехода от подросткового периода к юношескому.

Среди причин, влияющих на распространение наркомании и токсикомании в подростковой и молодежной среде, эксперты на одно из первых мест ставят доступность наркотических и токсических веществ (в школах, кафе, на дискотеках, распространение на улицах, в парках, квартирах).

По данным исследования, проведенного в 2000 году в Санкт-Петербурге, при 18% приобщенных к наркотикам в среднем для всего населения, численность "пробовавших" те или иные виды наркотиков среди молодежи почти в 2-3 раза выше – от примерно 50% среди тех, кто моложе 24 лет, до 30% - среди 25-30-летних.

Ученые отмечают, что если уровень регулярно потребляющих наркотики среди всего населения принять за единицу, то активность молодых в возрастной группе 19-20 лет составит 3,3; в группе 20-24 года – 3,2; в группе 25-30 лет – 2,0. Чем ниже возраст, тем чаще наркотики присутствуют в образе жизни молодых.

Учитывая, что большинство потребителей наркотиков – граждане в возрасте до 30 лет (67,3% от общего числа), можно констатировать, что под угрозой находится здоровье самой значительной части молодого поколения.

В этой связи серьезную опасность для молодежной когорты населения представляют два взаимосвязанных явления. Рост числа преступлений, с одной стороны, связанных с оборотом и употреблением наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (основное число преступлений в этой сфере совершается лицами в возрасте от 14 до 30 лет, по экспертным оценкам – это 70-80% преступлений), а с другой – преступлений, совершаемых склонными к употреблению названных веществ лицами против жизни и здоровья людей.

На конец 2001 года таких преступлений было зарегистрировано (на 100 тысяч населения): убийства и покушения на убийство

³ Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации. 2000-2001 годы / Министерство образования Российской Федерации. – М., 2002. – С.32-34.

– 23,2, причинение тяжкого вреда здоровью – 38,5, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью – 65,1.

Масштабы наркотизации молодежи расширяются непропорционально быстро. В 2000 году количество потребителей героина возросло в 2,6 раза, стимуляторов амфетаминового ряда почти вполнину. Число больных наркоманией стало больше в полтора раза. Это явление – прямое следствие увеличения незаконного оборота наркотиков.

Интенсивно проявляются в такой ситуации и "спутники наркомании", прежде всего ВИЧ-инфекция. За период с 1 января 1987 года по 19 ноября 2001 года официально зарегистрировано 16,4 тысяч ВИЧ-инфицированных граждан России, из них 2,2 тысячи детей. Наиболее интенсивно этот показатель стал расти с 1996 года и к 2000 году увеличился более чем в 25 раз по сравнению с 1995 годом. По расчетам экспертов, фактически общее количество таких граждан в 2001 году превышает 1 млн. человек. Из них более 75% составляют дети и молодежь.

К ноябрю 2001 года зарегистрировано более 73 тысяч новых случаев ВИЧ-инфекции у россиян, что в 1,6 раза больше, чем зарегистрировано за тот же период 2000 года. Резкий подъем заболеваемости ВИЧ-инфекцией с 1999 года зарегистрирован за счет интенсивного вовлечения в эпидемиологический процесс молодежи Москвы, Московской и Иркутской областей (более 70% от всех вновь выявленных случаев).

Главной причиной заражения в период 1996-2001 годов было внутривенное введение наркотиков (93% случаев). На начало 2001 года таким способом заразилось ВИЧ-инфекцией в возрастной группе 15-20 лет 12,8 тыс. человек. Существенно активизировалось и заражение половым путем.

По данным исследований, наиболее высокий уровень приобщенности к табаку, алкоголю, наркотикам и другим психоактивным веществам характерен для возрастной группы 16-19-летних. При этом различие в приобщении к наркотикам мужской и женской части составляет 4:1. Среди тех, кому от 16 до 19 лет, постоянно употребляли наркотики около 23-25% мужчин и примерно 7-8% женщин. Как и в случаях с отклоняющимся поведением, приобщение к наркотическим веществам затрагивает главным образом мужскую часть молодого поколения. По данным исследований, проведенных в 1999-2000 гг., тенденция снижения возрастного порога приобщения к наркотикам стала еще более прочной и составила 14-15 лет.

Результаты проведенного в 2000 году ВНИИ МВД России в каждом федеральном округе комплексного социолого-криминологического исследования среди учащейся молодежи и студентов по подпрограмме "Профилактика наркомании и зависимости от психоактивных веществ, асоциальных явлений в молодежной среде, правовая защита и сохранение психического здоровья молодежи" в рамках федеральной целевой программы "Молодежь России" позволяют отметить современные особенности проблем наркомании в молодежной среде.

Полностью подтверждается сохраняющаяся устойчивая тенденция роста числа больных наркоманией, омоложения контингента потребителей наркотических средств и психоактивных веществ, зависимости этих процессов от нарастания масштабов незаконного оборота и распространения наркотиков. Преобладающую возрастную группу этого контингента составляют молодые в возрасте 14-21 года.⁴

В ходе исследования по характеру отношения и реального употребления наркотиков установлены следующие типологические группы молодежи:

"нормальные" – молодые люди, не проявляющие склонности к потреблению наркотиков, устойчиво отрицательно относящиеся к ним;

"группа риска" - юноши и девушки с либеральным отношением к распространению и употреблению наркотиков и других психоактивных веществ;

и "потребители" - те, кто хотя бы один раз употреблял наркотики или другие одурманивающие препараты без назначения врача. Последняя группа составляет в целом пятую часть от общего числа участвовавших в опросе. В Северо-Западном, Сибирском, Южном федеральных округах молодые люди групп риска и потребителей составляют более половины от общего числа. Повысился удельный вес женской части молодежи, представленной в названных группах.

Обозначенные особенности позволяют в определенной степени выделить специфику "болевых" проблем, требующих дифференцированного подхода к их решению в различных социальных и возрастных группах молодежи, установить важнейшие причины, в той или иной степени обуславливающие вовлечение молодежи в сферу распространения и употребления наркотиков со всеми вытекающими негативными последствиями.

⁴ Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации. 2000-2001 годы / Министерство образования Российской Федерации. – М., 2002. – С.35.

Потребление происходит в первую очередь в образовательных учреждениях (училищах, лицеях, колледжах, школах, вузах), дискотеках, в тех местах, где находят сбыт достаточно большие партии наркосодержащих веществ. Факторами, способствующими росту потребления, являются усиливающиеся в юношеской среде эмоционально-психологическая тревожность; стресс, в том числе и как реакция на диктат родителей и учителей; стереотипы агрессивного поведения; ощущение ущемленности, одиночества, неспособность преодолеть трудности и неудачи на жизненном пути; низкая социальная самооценка у значительной части молодых.

По данным выборочных исследований, сами подростки среди условий и причин, способствующих приобщению к наркотикам, выделяют в одном случае такие, как конфликты в семье; стремление все попробовать в этой жизни; от скуки; желание расслабиться, испытать кайф; потребность не быть "белой вороной" в компании сверстников; по глупости, по незнанию, это сейчас модно; под давлением старших или "авторитетов"; дурное влияние "улицы", компании; неблагоприятие в семье; общекультурную неразвитость.

Анализ своеобразия структуры досуговой сферы учащейся молодежи свидетельствует о том, что одной из самых существенных детерминант, обуславливающих легкую подверженность молодых в возрасте 14-21 года влиянию наркотиков, выступает фактическая деформация ценностно-нормативной сферы личности, доминирование мотивации безделья, праздности, отсутствие у них реально значимой содержательной деятельности и ответственности в указанный возрастной период как наиболее важных составляющих социализации личности.

Другой из самых тревожных проблем последних лет следует признать криминализацию молодежной среды, в первую очередь динамику подростковой преступности.

Эксперты объясняют высокий уровень преступности среди молодежи рядом факторов. Повышенный энергетический потенциал, неопределенность переходного этапа социализации, низкий социальный статус, ощущение социального неравенства, сложности самоутверждения в мире взрослых и целый ряд других характеристик выступают причинами повышенной возрастной девиантности молодежи. Незнание правовых и социальных норм поведения в значительной степени предопределяет активность девиации.

Криминализации молодежи способствует углубление социального расслоения, отсутствие четкой системы социально-одобряемого поведения, размытость идеологических принципов, подвер-

женность молодежи влиянию преступных группировок. Одной из ее форм выступает участие молодежи в правонарушениях, преступлениях.

По итогам 2001 года в целом по России несовершеннолетними и при их участии совершено 185,4 тыс. преступлений. Снижение по сравнению с 2000 годом (195,4 тыс. преступлений) составило 5,1%. Однако по-прежнему наиболее активными участниками преступлений остаются граждане в возрасте 18-30 лет.

Рост числа преступлений, совершенных несовершеннолетними, зарегистрирован в 26 субъектах Российской Федерации. Наиболее высокие показатели прироста по федеральным округам: Центральный округ – Белгородская область – на 17,6%, в г. Москве – на 5,6%; Северо-Западный округ - Ненецкий автономный округ – на 22,8%, Южный округ - Республика Ингушетия – 16,7%, Приволжский округ – Нижегородская область – на 5,2%, Коми-Пермяцкий автономный округ – на 16,6%, Уральский округ - Ямало-Ненецкий автономный округ – на 11,9%, Сибирский округ - Республика Тыва – на 40,3%, Читинская область – на 18,0%, Дальневосточный округ - Камчатская область – на 1,9%.

В 21 субъекте Российской Федерации отмечен рост тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними. Он наиболее значителен в Республике Тыва (+50,2%), Эвенкийском (+42,5%), Ненецком (+30,6%) автономных округах, Белгородской области (+19,5%), в Республике Карелия (+11,9%).

Несмотря на общее снижение по стране численности несовершеннолетних участников противоправных деяний, в 36 субъектах Российской Федерации она увеличилась. Наиболее значительное увеличение наблюдалось в Эвенкийском (+54,5%), Ненецком (+35,6%) автономных округах, Республике Тыва (+38,2%), Белгородской (+13,7%), Камчатской областях (+11,5%).

В 33 субъектах Российской Федерации отмечается рост численности участников преступных деяний из категории учащихся и студентов образовательных учреждений. Одновременно, в 29 регионах страны выросло количество несовершеннолетних участников преступлений. По данным статистики, интенсивность совершения преступлений молодыми значительно выше в городских поселениях, в которых молодежная когорта представлена весьма значительным числом в общем составе населения. Так, по данным информационного центра ГУВД Самарской области, динамика доли молодежи, выявленной за совершение преступлений в гг. Тольятти, Чапа-евске, Октябрьске, Жигулевске в период с 1991 по 2000 гг.,

наиболее высока и относительно стабильна (соответственно, более 60%, 56%, 45%, 56%). И хотя данные зависимости не прямолинейны, они отражают тенденцию в общем виде.

Ухудшается ситуация и с категорией несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения. В 52 субъектах отмечен рост их численности. Более всего – в Республиках Алтай (+32,5%), Мордовия (+31,3%), Татарстан (+26%), Тыва (+29,1%), в Еврейской автономной области (+43,2%), Самарской (+36,6%), Свердловской (+25,4%) областях.

В 2001 году выросло число несовершеннолетних участников преступлений, не имеющих постоянного источника доходов, и безработных.

В России стремительно растет наркопреступность. За период с 1995 по 2001 год число преступлений в этой сфере выросло в 3 раза. За 2001 год подростками совершено около 7 тыс. преступлений, связанных с изготовлением, приобретением, хранением, перевозкой, пересылкой либо сбытом наркотических средств или психотропных веществ. В 2001 году количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, превысило 240 тысяч.

Преступления в этой сфере проникли во все слои общества, распространились по всей территории страны, в том числе и в сельской местности. Так, в Самарской области в 2000 году число лиц в возрасте от 14 до 29 лет, выявленных за совершение наркопреступлений в сельской местности, выросло в 4 раза.

Эксперты в качестве одной из главных причин называют низкий уровень организации работы с молодежью, особенно по месту жительства.

Необходимым условием противодействия криминализации в молодежной среде может стать реальный прорыв в решении социально-экономических проблем молодежи и общества, целенаправленная работа по привлечению молодежи к занятию общественно значимыми видами деятельности; по созданию в стране сети специализированных учреждений для несовершеннолетних, попавших в трудную жизненную ситуацию и нуждающихся в социальной реабилитации; по активизации в этой работе роли детских и молодежных общественных объединений.

Значительным остается криминальный потенциал подростковой преступности. Около 80% преступлений, совершенных несовершеннолетними и (или) при их соучастии, составили тяжкие и особо тяжкие преступления. 18% подростков, совершивших пре-

ступления, находились в тот момент в состоянии алкогольного опьянения.

Молодежная преступность дает всходы на ниве бескультурья и примитивного досуга. Преступления чаще всего совершают дети из неблагополучных, малообеспеченных семей с низким культурным и интеллектуальным уровнем.

Противоречия между постоянно растущими потребностями и неравными возможностями их удовлетворения приобретают в молодежной среде особенно острый характер в силу несоответствия повышенного энергетического потенциала, бурного развития физических, интеллектуальных, эмоциональных сил, желания самоутвердиться в мире взрослых и низкой социальной зрелости, недостаточного профессионального и жизненного опыта, а, следовательно, и неопределенности социального статуса.

Неудовлетворенная потребность в самоутверждении чаще приводит к насильственным преступлениям. Для других оказывается предпочтительней "уход" от чуждого, непонимаемого мира в алкоголь, наркотики или же добровольный уход из жизни. Потребление алкоголя и наркотиков, суицидальное поведение в подростковой среде чаще выступают результатом неприятия (сознательного или несознательного) социальной действительности и неумением (или нежеланием) адаптироваться к реалиям современной ситуации.

Подростковые сообщества с преобладанием норм, ценностей, образцов поведения, отличных от господствующих в обществе и отвергаемых им, набирают силу и активизируют соответствующие ценностно-нормативные субкультуры (преступные, ретристские, национал-экстремистские и др.).

Внушаемость и конформизм, наиболее характерные для участников криминогенных групп, объединяют, как правило, подростков из конфликтных семей. В такой группировке несовершеннолетние проходят своеобразную школу ложного коллективизма, риска, романтики, подлости и жестокости. Такие "стаи" обоснованно называют молодежными бандами. Подросток, принимая зачастую стиль отношений в группировке, вынужден быть в ней. Иначе он - изгой.

В таких группах; как правило, отвергаются такие качества, как чуткость, внимательность, отзывчивость и доброта, отрицаются общечеловеческие качества. Отсюда – жестокость, доходящая порой до садизма, развязность, гнусные оскорбления, активизация агрессивного поведения.

К основным причинам роста преступности среди молодежи следует отнести: ослабление воспитательной работы в семьях, школах, училищах, институтах и на предприятиях, снижение воспитательного потенциала детских и молодежных общественных организаций, разлагающее влияние средств массовой информации, в первую очередь телевидения, пропаганда насилия всех видов, преступности, резкое снижение уровня жизни, смена подлинных общечеловеческих ценностей мнимыми суррогатными ценностями, отсутствие высоких идеалов у молодежи и взрослого населения, массовое распространение и доступность для детей и подростков алкоголя и наркотиков, недоступность занятий физической культурой и спортом, коммерциализация центров досуга, спортзалов, работы музыкальных школ, школ эстетического воспитания, различных кружков и студий, массовая безработица, общее снижение культурного уровня, массовая миграция населения, политическая нестабильность, ухудшение физического и психического здоровья подрастающего поколения.

Весьма показательна в этом отношении оценка самими подростками криминогенной ситуации. Большинство опрошенных не верят в эффективность борьбы с правонарушениями. Этот пессимизм определяется опытом контактов и взаимодействия молодых с работниками правоохранительных органов.

Все более криминализируется улица. Второе место занимают дискотеки, где, по свидетельствам молодежи, совершается более трети правонарушений. Однако профилактическая работа в этих учреждениях правоохранительными органами практически не ведется.

В ходе опросов молодым гражданам был задан вопрос: "Что, по Вашему мнению, является причиной правонарушений в молодежной среде?". Среди пятнадцати альтернатив на первом месте среди причин, по мнению почти половины (47%) опрошенных, оказалось употребление наркотиков и спиртного, "состояние наркотического или алкогольного опьянения". На втором - (46%) - "плохое воспитание, отсутствие культуры". 43% голосов набрала альтернатива - "получение быстрого финансового успеха". Около трети опрошенных отметили: "неорганизованность досуга" (нечем заняться в свободное время) – 32%, "стадный инстинкт" – 31%. Более четверти участников опроса (28%) в числе причин правонарушений подростков назвали "подражание друзьям и "авторитетам" преступного мира", 24% - "стремление к "острым ощущениям" и 22% - "отсутствие внимания к молодежи со стороны государства". Почти одина-

ковое число юношей и девушек считают, что правонарушения совершаются из "личной выгоды" (22%) и по причине "безнаказанности" (21%). В "низком интеллектуальном уровне" молодых правонарушителей видят зло 20% респондентов. Далее, по нисходящей, ответы располагаются следующим образом: "пропаганда насилия на телевидении" – 17%; "это одна из возможностей развлечения в свободное время" – 12%; "плохие законы" – 12%.

В организации досуга детей и молодежи различными организациями, в их тесном межведомственном взаимодействии кроется значительный воспитательный, профилактический резерв снижения уровня правонарушений, девиантного поведения подростков.

Широкое распространение получили такие явления социальной патологии, как попрошайничество, бродяжничество, безнадзорность несовершеннолетних, использование детей для целей паразитического существования.

К социально-экономическим причинам девиантного поведения в молодежной среде следует отнести длительное нарушение трудового уклада жизни, деформирующее быт людей, экономический кризис, безработицу, интенсивные миграционные процессы.

Психологические причины связаны с ростом числа детей, имеющих выраженные психофизические аномалии, черты асоциального поведения. Некоторые ученые соотносят их с генетической предрасположенностью. Среди подрастающего поколения такие дети составляют группу 3-5%. В реальной жизни указанные причины тесно связаны между собой и диалектически дополняют друг друга.

Одним из существенных факторов криминализации молодежной среды выступает нарастание асоциальности субкультур. Все интенсивнее проникают в сознание и поведение молодежи элементы криминальной субкультуры, прежде всего "блатного жаргона", уголовно-тюремного фольклора, татуировок с типичными тюремными сюжетами. Особенно часто "блатной жаргон" используют в общении юноши.

Неуважение к закону, представление о нем как о факторе второстепенной важности существенно усиливает криминогенное влияние на молодежь. Правовой нигилизм, снижение нравственных и правовых барьеров, отделяющих молодежь от криминального мира, объясняют рост численности криминальной молодежи в целом.

О положении современного рабочего класса России

О. Хлобустов

Рассмотрение вопросов современного положения российского рабочего класса невозможно без учета самооценки им своих жизненных условий. Хотя мы приводим данные за 2003г., они, по нашему мнению, также представляют, причем не только исторический, но и политико-прикладной интерес. Особенно учитывая известную инерционность социальных настроений населения в условиях отсутствия действия мощных и внезапно проявивших себя факторов, вроде дефолта, экономического кризиса и т.п.

Совокупное представление о мнении рабочих по некоторым важным аспектам современной жизни России мы можем получить по результатам опроса общественного мнения, проведенного Всероссийским центром по изучению общественного мнения (ВЦИОМ) в мае 2003г. (Всего в его ходе было опрошено 2107 респондентов, 358 из которых представляли квалифицированные и 121 человек - неквалифицированные рабочие. Пропорциональность выборки исследования позволяет предположить, что сегодня рабочий класс в России составляет около 22,14% ее населения старше 18 лет, или примерно 25,6 млн. человек) [Использованы данные информационных бюллетеней ВЦИОМ Мониторинг общественного мнения: социально-экономические перемены - М.- 2003 - N 4,5.].

34,1% квалифицированных и 48,4% неквалифицированных рабочих оценивали материальное положение своих семей "ниже среднего", при этом как "очень плохое" его оценивали, соответственно, 3,4% и 10,9%. Напомним при этом, что, по мнению социологов, полученными в процессе исследования величинами менее десяти процентов ответов можно пренебречь.

Попутно отметим, что как "очень плохое" материальное положение своих семей оценивали 10,9% служащих и еще 19,6% из них оценивали его как "плохое".

Как "среднее" материальное положение своих семей оценивали соответственно 58,9% квалифицированных и 39,4% неквалифицированных рабочих.

Конкретизируя свое материальное положение 42,9 квалифицированных и 44% неквалифицированных рабочих заявляли, что денег на продукты хватает, но уже покупка одежды вызывает у них серьезные затруднения.

Соответственно у 39 и 25,7 процентов рабочих денег хватает

на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования вызывает затруднения. А, соответственно, 10 и 20,7% респондентов-рабочих едва сводили концы с концами и денег не у них не хватало даже на продукты.

То есть в целом материальные затруднения испытывают 91,9% квалифицированных и 90,4% неквалифицированных рабочих.

При этом, по мнению опрошенных, материальное положение их семей за прошедший год не изменилось у 57,1% квалифицированных и 53,8% неквалифицированных рабочих, а "скорее ухудшилось" у 23,8 и 28,1% из них. В то время как "скорее улучшилось" оно у 12,4 и 14 процентов.

Подчеркнем, что, с одной стороны, речь идет именно о субъективных, индивидуально-личностных оценках опрошенных лиц, но, в то же время, именно подобные самооценки и становятся главной доминантой социально-политической активности и поведения индивидов и социальных групп.

Респонденты-рабочие отмечали, что "приходится "вертеться", хвататься за любую возможность заработать, чтобы обеспечить себе и своим близким **терпимую** жизнь (соответственно 47,1 и 37,3% ответов).

Значительной группе - 19 и 32,6% соответственно "пришлось отказаться от привычного образа жизни; жить, ограничивая себя в большом и малом". А 7,7% квалифицированных (и 9,6% неквалифицированных рабочих. Далее, кроме особо оговоренных случаев, в скобках мы будем указывать оценки неквалифицированных рабочих) не могут "никак приспособиться к нынешней жизни". И только для 18,3 (9,8)% в последние годы ничего особенного не изменилось, а 5,5 и 7,6 процентов соответственно смогли "использовать новые возможности, чтобы добиться большего в жизни".

По распределению ответов респондентов на вопрос: "Если говорить в целом, в какой мере вас сейчас устраивает жизнь, которую вы ведете?", выяснилось, что "вполне устраивает" она только 5,5 (8,6)% рабочих.

И еще "устраивает по большей части" 12 (8,8)% из них. Что намного меньше доли негативных оценок: 23 (18,2)% она не устраивает "по большей части" 12,4 (21,5)% она совершенно не устраивает, при среднем значении этого показателя в целом по выборке в 15,4%.

В то же время жизнь "отчасти устраивает, отчасти нет" соответственно 46 и 30,2% рабочих-респондентов.

И если 17,9% квалифицированных и 16,2% неквалифицированных рабочих считали, что "все не так плохо и можно жить", и еще 60,9 (58,4)% отмечали, что "жить трудно, но можно терпеть", то 18 и 21,3% из них полагали, что "терпеть наше бедственное положение уже невозможно".

В этой связи 21,7% квалифицированных и 30,9% неквалифицированных рабочих считали вполне вероятными в регионах своего проживания массовые выступления протеста населения против падения уровня жизни, в защиту своих прав, и в то же время соответственно 29,4 и 26,3% из них были готовы лично (ответы "скорее всего, да") принять в них участие, при среднем значении этого показателя в целом по выборке в 22,4%.

16,3% квалифицированных и 19,4% неквалифицированных рабочих надеялись, что через год, то есть в середине 2004г., их семьи будут жить лучше, тогда как никаких позитивных изменений не ожидали 29,4 (30,8)% из них и опасались его ухудшения соответственно 11,8 и 15,1 процентов.

В целом по выборке, как и среди рабочих, явно преобладающими являются пессимистические оценки положения в стране и ее будущего. Так не ожидают улучшения условий своей жизни в течение ближайшего года 47,9 (51,4)% рабочих, в то время как в среднем по выборке этот показатель составляет 53,7%.

И если 21,5 (22,8)% рабочих оценивают политическую обстановку в России в целом как спокойную - при среднем значении этого показателя в 19,5%, то 52,3 (51)% рабочих оценивают ее как напряженную и более 10 процентов из них - как критическую, взрывоопасную.

В то же время деятельность В.В. Путина на посту президента страны рабочие оценивали средне - соответственно 6,19 и 6,13 балла из возможных десяти баллов, при среднем значении этого показателя в 5,98 балла.

За полгода до парламентских выборов в России рабочие полагали, что в наибольшей мере их интересы выражали следующие из политических партий

Название партий	квалифицированные	неквалифицированные
КПРФ	10,7	27,3
<i>ЛДПР</i>	13,3	9,8
<i>"Единая Россия"</i>	8,3	7,2
<i>"Яблоко"</i>	2,6	5,1
<i>СПС</i>	1,4	1,4
НИКАКАЯ	26,2	31,8

В то же время наибольшим доверием у респондентов-рабочих пользовались следующие ведущие политические деятели России:

ФИО	квалифицированные	неквалифицированные
<i>Путин В.В.</i>	35,6	35,9
НИКТО	30,4	21,4
Затруднились с ответом	20,2	14,9
<i>Жириновский В.В.</i>	9,5	9,3
<i>Зюганов Г.А.</i>	7,6	19,7
<i>Грызлов Б.В.</i>	2,7	0,4
<i>Лужков Ю.М.</i>	2,7	3,4
<i>Шойгу С.К.</i>	11,2	8,1
<i>Немцов Б.Е.</i>	1,4	8,5
<i>Хакамада И.М.</i>	1,5	2,2
<i>Явлинский Г.А.</i>	4,8	5,5

На этом фоне определился электоральный выбор рабочих на парламентских выборах декабря 2003г.

В то же время, главными детерминантами изменений в общественном мнении населения являются социально-экономические условия его жизни. Что необходимо учитывать всем политическим субъектам при формулировании и проведении своей политики, и прежде всего в социальной сфере.

VI. ПОЛЕМИКА

Ещё раз о вреде озлобления

Признаться, не ожидал, что мое ни на что не претендующее письмо-отклик будет опубликовано на страницах «Альтернатив» (№4 за 2003 г.). В самом деле, я ставил перед собой более чем скромные задачи: показать, что «Альтернативы» читают в регионах России, что вы - в полном порядке, ибо принцип обратной связи действует. Кроме того, искренне хотелось призвать не «заикливаться» на давно минувшем, стимулировать вас к научной разработке действительно актуальной проблематики.

Еще с большим удивлением (если не сказать с изумлением) воспринял реакцию на мое послание заместителя главного редактора вашего журнала М.И. Воейкова. Сожаления достойно, что маститый ученый не нашел ничего лучшего, как разразиться злобным окриком-оплеухой двум, как он считает, едва «оперившимся» выскочкам, позволившим себе «свое суждение иметь». Что ж, придется напомнить уважаемому профессору многократно цитируемого им В.И. Ленина: «Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль».¹

Вот и на этот раз озлобление сыграло с самим М.И. Воейковым злую шутку. В своем не очень объемном материале наш доктор наук, войдя в обличительный раж, наделал столько явных ляпов, что для человека, претендующего на статус одного из корифеев современного марксизма, просто несолидно.

Итак, по порядку. Прежде всего, из контекста статьи М.И. Воейкова следует, что он объединил В. Колташова и меня в настоящее творческое сообщество, превратил нас в эдаких «братьев Гримм», только сочиняющих скверные сказки. Да и вправду, не тратить же столь драгоценное время столичного профессора на анализ каждого из «опусов» новосибирского и воронежского недоучек! Почти всю свою «жестко-полемическую» статью он посвящает критическому разбору заметок В. Колташова «Прошлое, настоящее и будущее социализма в России». «Секретарю обкома партии Макарову», по существу, отводится лишь несколько снисходительно-уничижительных строчек в самом конце.

У непосвященного читателя может ненароком сложиться впечатление, что два молодых автора действительно выражают

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 357

общность взглядов, предполагающую если не написание совместных работ, то уж во всяком случае - тщательное и всесторонне обсуждение интересующих их проблем. Но вся штука в том, что с В. Колташовым мы не только не общались, но и едва ли предполагали о существовании друг друга, не сведи нас вместе в своей гневной «отповеди на заданную тему» московский профессор Воейков. Однако я прошу у него прощения. Нести ответственность за то, к чему не имею никакого отношения, не собираюсь. А посему кратко оставлюсь лишь на том, что касается меня лично.

Неприятно удивлен, что увенчанный научными лаврами пожилой, видимо, человек в общении с молодежью прибегает к старому, как мир, дурно пахнущему приему: приписать оппоненту явную несурязицу, а затем запальчиво, с видом знатока, ее опровергать. "Гак обстоит дело, например, с воейковским утверждением, что «автор (то есть Макаров - И.М.) лезет в эту дискуссию, назвав свой материал «О сталинизме и троцкизме». Еще раз повторяю, в диспут с М.И. Воейковым я не напрашивался и уж тем более ни за что бы не назвал свое письмо, поданное редакцией в виде дискуссионной теоретической статьи, таким, простите, идиотским, несуразным с научной точки зрения, названием.

Сам термин «сталинизм» предполагает, прежде всего, существование оригинального, новаторского для своего времени, целостного и стройного учения И.В. Сталина, ставит его в один ряд с Фомой Аквинским и Макиавелли, Декартом и Гоббсом, Гегелем и Марксом. Столь же сомнительным представляется мне и ставшее уже привычным употребление понятия «троцкизм». Мне доподлинно неизвестно, каковым было отношение Л.Д. Троцкого к т.н. «троцкизму». Предполагаю, что он считал себя не «первым троцкистом», а все же одним из марксистов. Но знаю наверняка, что сам Сталин жестко пресек верноподданническое предложение Л. Кагановича ввести в идеологический обиход наряду с наименованием «марксизм-ленинизм» довесок «сталинизм».² Так что претензии относительно «сталинизмов», «троцкизов» и прочих «измов» М.И. Воейкову как заместителю редактора следовало бы предъявить своим коллегам по «Альтернативам».

Столь же нелепо смотрится пассаж профессора Воейкова насчет «теплой компании» либерала фон Мизеса и коммуниста Макарова. Такое соседство, опять-таки искусственно, волюнтаристски навязанное мне оппонентом, с одной стороны, конечно, весьма

² Чувев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева; послесловие С. Кулешова. М.: ТЕРРА, 1991, с. 254

лестно. Всегда приятно побыть в компании умного человека, пусть даже не очень симпатичных мне взглядов. Если ученый придерживается либеральных взглядов, то это совсем не означает, что он всегда говорит и пишет чепуху. М.И. Воейкову, верному последователю Троцкого, должно быть хорошо известно, что Лев Давидович не только не чурался, а почитал за большую честь общение, например, с Джоном Дьюи, «апостолом» философского прагматизма.

Но сейчас речь не об этом. Людвиг фон Мизес был притянут к Макарову, что называется «за уши» только с одной целью - показать, как секретарь обкома Компартии разглагольствует в либеральной парадигме о претензиях Троцкого на власть в стране и партии после Ленина. «Что было бы, если бы победил Троцкий - беспрестанно задают вопрос авторы. В данном случае нас не занимает вопрос по существу, ибо мы считаем, что вопрос изначально поставлен неверно. Это распространенная формула среди либеральных идеологов и подобной публики, которая далека от реальных фактов и научности. Изначально надо ответить, а была ли вообще борьба за власть», - изрекает мой визави, роняя слова, как пудовые гири. Очень хорошо, товарищ Воейков. Послушаем, к примеру, Н.И. Бухарина: «У них (троцкистов - И.М.) - другая программа, флаг которой был вывешен в знаменитом положении о термидоре; у них - другая тактика, которую нельзя иначе назвал., как тактикой повстанчества против Советской власти и нашей партии, первый флажок которой был вывешен в известном тезисе о Клемансо, от которого Троцкий отбредивался и говорил, что там не так изложено. Теперь смысл этого тезиса всякому дураку виден. Это означает переворот в нашей стране, это означает **другую власть** (курсив мой И.М.), это означает другую партию».³

Так говорит Бухарин. И говорит он это, заметим, не на судебном процессе против «право-троцкистского террористического центра» в 1938 году, а говорит убежденно, «от сердца» на Московской губернской конференции ВКП(б) в ноябре 1927 года. Любопытно было бы узнать, к какой группе относит Николая Ивановича достойный профессор к «либеральным идеологам» или к «подобной публике, которая весьма далека от реальных фактов (!) и научности»?!

Кроме того, услуги господина фон Мизеса понадобились Михаилу Илларионовичу Воейкову для того, чтобы продемонстрировать, какой либеральной нелепостью является сама мысль о том,

³ Бухарин Н.И. Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1990, с.205

что Троцкого и Сталина может что-либо объединять. Опровергая все законы диалектики, полный тезка знаменитого полководца возводит между ними не просто крепостную стену, а настоящую линию Маннергейма. Это видно, например, из сентенции о том, что «Троцкий был принципиальный революционер, идейный борец за социализм. Для него главным была борьба за идею, а не за пост как результат этой борьбы». Таким образом, как же можно ставить этого «принципиальнейшего идейного борца» рядом с «исчадьем ада», серым, посредственным, корыстолюбивым порождением бюрократического Термидора - со Сталиным?! Как повернулся язык у Колташова и Макарова употреблять слово «власть», говоря о благородном и бескорыстном Троцком?! Вот если бы об ограниченном и злобном Сталине - тогда пожалуйста, сколько угодно!

Ни сколько не подвергая сомнению революционные качества Л.Д. Троцкого, хотел бы здесь привести только один факт из биографии И.В. Сталина, думаю, в достаточной степени его характеризующий. Как известно, Сталин по заданию партии занимался организацией «экссов». Через его руки проходили сотни тысяч рублей. Помогая другим, он не потратил ни копейки не то что на удовлетворение своих личных потребностей, но даже на лечение умирающей жены с малолетним ребенком на руках.

Жертвенность, постоянный риск, ненависть к мещанскому болоту, полное презрение к «радостям жизни» были чем-то вполне обычным, само собой разумеющимся в железной когорте этих Людей. Нет ничего удивительного, что именно они оказались на высоте решения сложнейших задач в революционной ситуации 1917 года. Наверняка не является большим открытием для почтенного доктора экономики и то, что сотни сторонников Троцкого оставили своего «духовного отца», как только Сталин со свойственной ему решительностью «повернул огонь направо»: пошел на сворачивание НЭП, «ликвидацию кулачества как класса», ускоренную индустриализацию страны.

В предыдущем письме мне уже приходилось писать о том, что Троцкий и Сталин - две противоположности в рамках ленинского единства. Безусловно, это были совершенно разные люди. Люди разных культур, разного темперамента, разного политического почерка, разных способностей. Но то, что конечная их цель, система ценностей, понимание стратегических задач были едиными, мне представляется несомненным. Сам М.И. Воейков цитирует очень показательный отрывок из воспоминаний В. Сержа. О том же свидетельствует, как ни странно, и В.М. Молотов: «Что же касается миро-

вой революции, действительно, мы не забывали о долге перед пролетариатом других стран... Но, в отличие от кричащих о мировой революции троцкистов, мы ее делали. И сделали - создали мировую систему социализма. Мы не кричали об индустриализации, как троцкисты, но сделали ее. Они говорили коллективизации, а привел крестьян в колхозы Сталин...»⁴

Таким образом, нынешние попытки эпигонов Троцкого «отлучить» Сталина от Ленина, Октября, социалистической программы выглядят столь же смешно, сколь потуги сталинских пропагандистов 30-х годов XX века объявить Троцкого и его сторонников «агентурой фашизма». Применяя обычную для «троцкистов» терминологию, можно отметить, что любому из главных фигурантов внутрипартийного противоборства 1923-1929 г.г. - Троцкому, Сталину или Бухарину исторически могла выпасть незавидная роль «могильщика революции». Весь вопрос был лишь в различных сроках гибели «раннего социализма». Таково неумолимое действие объективных закономерностей.

М.И. Воейков не оспаривает по существу данное утверждение, уделяя главное внимание стилю письма «секретаря обкома партии Макарова», цепляясь за отдельные слова и речевые обороты. Что ж, как говорил знаменитый Карлсон, «пустяки, дело житейское», ничего нового в том нет, ибо затушевывание сути, подмена ее обсуждением второстепенной дребедени есть еще один старинный нечестный полемический прием.

Вообще, просто диву даешься, насколько не диалектично мышление нашего ученого «светила». Вся логика его рассуждений укладывается в метафизическую схему: «или-или». Или черное или белое. Или «святой» Троцкий, или «демонический» Сталин. Кстати, просто обязан возвратить М.И. Воейкову его же критический «шар» насчет «очевидных провалов элементарной логики». По всему видно, не Колташов и Макаров, а наш уважаемый доктор экономических наук явно не в ладах не то что с диалектической, но даже с формальной логикой. Судите сами: «Он (Макаров - И.М.) сам уже во всем разобрался, - заявляет «румяный критик мой», - и точно знает, где он находится и что ждет его впереди. Но почему-то нам про это не говорит».

Не остается ничего более, как напомнить сему многоученному мужу первый закон формальной (аристотелевой) логики - закон тождества. «Этот закон говорит о том, что мысль о каком-либо предмете должна быть тождественной самой себе, он выражается в

⁴ Радзинский Э.С. Сталин. - М.:ВАГРИУС, 1997. с.271

формуле $A=A$: например, растение есть растение, и т.п. Этот закон имеет важное значение для правильного, последовательного мышления, для определенности наших суждений. Если вы рассуждаете о кафедре, то нужно все время иметь в виду именно ее, а не какой-либо другой предмет. Стоит заменить в процессе высказываний предмет мысли (в данном случае кафедру) другим предметом, чтобы сбиться с правильного пути, допустить логическую ошибку».⁵

Блестящий образец применения этого закона дает нам, например, все тот же всякий раз обильно цитируемый М.И. Воейковым Ленин в работе «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках т.т. Троцкого и Бухарина». Помните: «Чтобы поставить ... вопрос правильно, надо от пустых абстракций перейти к конкретному, т.е. данному, спору?»⁶

У меня нет ни малейших оснований считать, что М.И. Воейков не почитает В.И. Ленина. Тем не менее, вспоминается афористичное ленинское: «Поменьше б почитали, а побольше бы читали».

Судя по всему, столь образованному марксисту наших дней очень хотелось, чтобы «секретарь обкома партии Макаров» в данном письме по конкретной проблеме «рассудку вопреки, наперекор стихиям» пустился бы в рассуждения о категорическом императиве Канта, перспективах глобализации, судьбах русской интеллигенции... Да мало ли на свете интересных тем! Но вновь прошу у него прощения. Право демонстрировать собственную логическую некомпетентность я почтительно предоставляю ему самому. Если в споре по существу конкретного вопроса - внутрипартийной борьбы в СССР 20-х годов прошлого столетия - человек с докторской степенью требует раскрытия иных, не относящихся к делу проблем, нам «тупым и грешным», остается только развести руками.

Что верно, то верно - «невежество никогда еще никому не помогало». Да вот какая штука получается. Будь моя заметка в самом деле претенциозной профанацией, коей М.И. Воейков постарался ее представить, глубокоуважаемый профессор не разразился бы такими громами и молниями со своего недостижимого научного «Олимпа». В лучшем случае посмеялся бы с коллегами по редакции. В худшем - молча отправил бы в мусорную корзину. В том то и дело, что письмо задело его, что называется, «за живое». И вот почему.

⁵ Розенталь М.М. Принципы диалектической логики. -- М.: Издательство соц.-экон. Литературы, 1960, с. 48

⁶ Ленин В.И. Поли. собр. соч., т. 42, с. 292

Существуют малочисленные и разрозненные, зачастую непримиримо враждующие между собой группки левых ученых. «С времен очаковских и покоренья Крыма» они погрязли в своей историко-архивной пыли, в бесконечных схоластических спорах о том, сколько чертей поместиться на кончике иглы, спят ли ангелы, кто был более прав (или Лев) - Троцкий или Сталин».

Перефразируя одного белого генерала, воскликнувшего: «От болтуном Россия погибла!», можно сказать, что от перестроечных болтунов горбачевского призыва погибла Советская власть. (Сразу же оговорюсь, что это - не более чем метафора, а то М.И. Воейков, чего доброго, примется всерьез разбирать эту фразу «по косточкам» с высот своего понимания марксистской науки.) Они настолько заскорузли, оторвались от живой жизни, что воспринимают как личное оскорбление любую попытку молодых сил разобраться в чем-либо, предложить пусть пока наполовину ошибочное, пусть слабое, но все же свое, самостоятельное, не основанное на их «школках» и авторитетах видение проблем. Ученый снобизм, самолюбование, «почивание на лаврах» никого еще не доводили до добра. С апломбом и свирепостью школьного учителя из класса коррекции, выбивающего ответы у двух умственно неполноценных учеников, М.И. Воейков обрушился на Колташова и Макарова, хотя не имеет о них ни малейшего представления. Спокойней, глубокоуважаемый профессор! Не злитесь. Нужно мудрее, терпимее, осторожнее относиться к творчеству молодых, даже если оно никак не согласуется с Вашим. Или у Вас имеется патент на обладание абсолютной истиной?

В заключении не могу не отметить еще одну маленькую, но очень существенную детальку. В воейковской «булле» раз пять, словно смакуя, напоминает, что Макаров - не кто иной, как «секретарь обкома партии»(!). Зная ту ненависть, с которой т.н. «троцкисты» относятся к КПРФ - наследнице традиций не только Ленина, но и Сталина (из песни слова не выкинешь), все же замечу, что негоже в научной дискуссии так открыто ее демонстрировать. Мы ведь ведем разговор пока только об истории партии, которую знаем (знаем, товарищ Воейков!) и уважаем. Приберегли бы обличительный темперамент для политических баталий. Но в реальную политику Вас ведь тягачом не затащишь. Вас ведь вполне устраивает роль кабинетного, «чистенького», «приятного во всех отношениях» ученого, критически надувающего губки на «мерзкую», «соглашательскую» КПРФ и ее региональных секретарей.

Весьма печально, что для понимания многих «критических марксистов» так и остался недосягаемым тот самый одиннадцатый тезис о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».⁷

С уважением, И. МАКАРОВ

P.S.

Выбери автор статьи «О пользе знания ...» немного иной тон, я, конечно, мог бы и промолчать в ответ. Еще раз подчеркиваю, ввязываться в дискуссию по проблемам прошлого века не входило в мои планы. Но на этот раз прошу опубликовать данное письмо без сокращений и купюр, поскольку М.И. Воейков оказался не очень разборчивым в средствах полемики и в выражениях.

Заранее благодарен.

Реплика на письмо-отклик И. Макарова

Как члену редколлегии «Альтернатив» мне дали на рецензию письмо-отклик И. Макарова, где он полемизирует с зам. главного редактора журнала «Альтернативы» М. Воейковым по ряду принципиальных вопросов нашей истории. Я сам неоднократно спорил с М. Воейковым по этим вопросам и потому думаю, что имею право вмешаться в их публичный разговор. На заседании редколлегии я высказался за публикацию письма Макарова в журнале, тем не менее, считаю, что он избрал неверный, малоубедительный и даже развязанный тон по отношению к М. Воейкову - одному из самых знающих, на мой взгляд, отечественных исследователей творчества Троцкого. Чего стоят, например, такие инвективы И. Макарова в адрес М. Воейкова, как «ученый снобизм», «самолюбование», «почивание на лаврах», «свирепость школьного учителя» и т.д., и т.п. Признаюсь, давно не читал подобных текстов. Прикрываясь в этой полемике своей молодостью, И. Макаров напрочь забывает, что в науке аргумент молодости не имеет никакой силы. В ней важны доказательства, а не эмоции и обиды на своего оппонента.

Однако выскажусь по существу ряда принципиальных вопросов, которые поднял в своем письме-отклике И. Макаров.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 4

Из текста его письма следует, что Троцкий и Сталин являются «двумя противоположностями в рамках ленинского единства». В чем же Макаров увидел это «единство»? Его цитирование Молотова позволяют заключить, что это «единство» он видит в том, что Сталин, Троцкий и Ленин одинаково верили в мировую революцию и необходимость индустриализации страны, но Сталин на практике делал мировую революцию, а Троцкий только говорил о ней; Сталин совершил индустриализацию, а Троцкий лишь ее декларировал.

О том, как Троцкий двигал мировую революцию в 1905 году и Октябре 1917-го года, как защищал ее на фронтах гражданской войны в качестве наркома обороны, известно всем объективным исследователям. О значительной роли Сталина в этих революциях наука пока ничего не известно. О том, как Сталин «делал» мировую революцию после Октября 1917 года могут, в частности поведать китайские коммунисты, которых Сталин сдал гоминдановцам в конце 20-х гг., и социалисты из ПОУМ, которых «вождь всех народов» приказывал уничтожать без суда и следствия во время гражданской войны в Испании. Что же касается Троцкого, то, как известно, он, будучи отстраненным от политической власти в это время, паразитально точно предупреждал Коминтерн о гибельности «державной» политики Сталина по отношению к международному рабочему и коммунистическому движению. Подтвердился полностью и его прогноз относительно соотношения сил в мире и соответствующего поведения Сталина накануне второй мировой войны.

Как, вообще, можно говорить о некоем «единстве» Сталина и Ленина после известного «Политического завещания» вождя Октябрьской революции? Напомню, накануне 12-го партсъезда Ленин, обвинив Сталина во многих политических ошибках, «нелояльности» и «грубости», потребовал устранить его от руководства партией. Однако очередной приступ болезни Ленина не дал ему возможность исполнить это требование.

Что касается проблемы индустриализации, то известно, что Сталин во многом превзошел Троцкого и троцкистов с их концепцией «сверхиндустриализации» страны. Какова была цена этой волюнтаристской политики на своей шкуре испытали многие рабочие, инженеры и ученые, обвиненные в ходе индустриализации во вредительстве и закончившие свою жизнь «врагами советской власти». Похожее можно сказать и относительно проведенной Сталиным коллективизации, полностью извратившей идею Ленина о добровольной кооперации на селе по мере насыщения сельского хозяй-

ства необходимой техникой. Человеческие жертвы этой авантюристической политики так же всем хорошо известны.

Решительно выступая против «отлучения» Сталина от Ленина, Макаров тем самым снова возрождает старую теорию «тождества двух вождей», проявляющуюся в известном тезисе – лозунге: «Сталин – это Ленин сегодня». Со времен господства этой теории прошли десятки лет. Многое изменилось в нашей стране с тех пор: КПСС потеряла власть и сошла с арены истории, не стало СССР и советской власти, опубликованы многие неизвестные ранее факты из биографии Сталина (в частности, подписанные им «расстрельные списки» «врагов народа», свидетельствующие о полном отходе самовластного «хозяина» не только от Октябрьской революции, Ленина и марксизма, но и от требований элементарной демократии, вообще). Вместе с тем, коммунист Макаров, как и многие современные антикоммунисты, продолжают исповедывать совершенно ложную теорию «тождества двух вождей».

В последнем случае, Макарова, на мой взгляд, явно подводит любимая им формальная логика. Как известно, имеющая смысл при суждении о неизменных вещах и явлениях, она становится бесплодной и сугубо консервативной силой при изменении последних. Жаль, что Макаров этого не понимает, не смотря на то, что молодости всегда была присуща стихийная диалектика и чувство современности.

Лишь мерзостью настоящего можно объяснить, ныне модную ностальгию по сталинизму. Вместе с тем, на ее основе нельзя делать успешную левую политику, что подтверждается, в частности, противоречивой и мало-результативной деятельностью КПРФ, активистом которой продолжает оставаться Макаров.

В заключении, хочется пожелать ему полностью избавиться от подобной ностальгии.

*Б.Ф. Славин,
доктор философ. наук, профессор.*

VII. ЭССЕ

Легенда без фактов, или «И кошка тоже смотрит на короля».

Анатолий Ботвин

Известие о публикации воспоминаний В. Кардина о Михаиле Александровиче Лифшице (В. Кардин «А дела идут своим чередом...» - «Лехаим», 2004/2) заинтересовало, даже заинтриговало меня, давнего уже почитателя этого удивительного, выдающегося человека. Когда пришло оно, я как раз листал воспоминания того же автора в журнале «Знамя» (2/2003), и там ожидая встретить что-нибудь о М. Лифшице, но нашел только упоминание «памфлета выдающегося марксиста-догматика Мих. Лифшица «Дневник Мариэтты Шагинян» (стр. 143) – как «новомирская» публикация он попал в постановление ЦК 1954 года и стал одной из причин снятия А. Твардовского с поста редактора «Нового мира» и исключения М. Лифшица из партии (кажется, не утвержденного).

Начало «Воспоминаний и размышлений» (под такой рубрикой опубликованы «заметки» - определение самого автора) В. Кардина в общем не разочаровало меня, соответствуя моим привычным уже ожиданиям и «общему высокому мнению о Михаиле Александровиче», в котором не паз убеждался и сам автор. Он свидетельствует об этом на своем собственном материале, примерах, опыте с восхищением, обычным и для других мемуаристов, рисуя поистине королевский, по богатству природы, внешний и духовный облик молодого и зрелого М.А. Лифшица! Но чем дальше я читал, переходя от «воспоминаний» к «размышлениям», второй половине и концу жизни М. Лифшица, тем больше это высокое впечатление снижалось, и в целом заметки В. Кардина оставили меня после первого прочтения в удручающем состоянии подавленности, угнетенности, безнадежности.

Вот, мол, казалось мне, убеждает нас автор, как блестяще начиналась и продолжалась жизнь, а очутилась у разбитого корыта (жизнь и Михаила Александровича, и Лидии Яковлевны, его жены, единомышленника и соавтора); вот, мол, какой блестящий был талант, но верность «марксистскому догматизму» погубила его! «Марксизм, конечно же, «лопнул», а вместе с ним «лопнула» и

· Ботвин Анатолий Павлович – журналист, г. Ульяновск.

жизнь М. Лифшица, посвятившего ее именно «марксизму-догматизму». «Единственно верное учение» потерпело «сокрушительный крах» (заключительные слова мемуаров!), а вместе с ним, надо понимать, «крахнулись» жизнь, дело и слава Мих. Лифшица...

Однако, придя в себя от удручающе-тягостного, грустно-смертного гипноза окончания заметок В. Кардина и заново их обозрев, я обнаружил, что,, к счастью и к сожалению, это всего лишь еще одна «удобная схема», по выражению самого автора, «умышленно либо по легкомыслию», лишающая прошлое и настоящее важных особенностей, достоверности, конкретности, подлинного понимания и смысла, если хотите – истины. (Причем схема далеко не новая, не оригинальная: нечто подобное уже писали и А. Кондратович, и Н. Дмитриева...) Автор как будто хочет опровергнуть известную мудрость, которую не раз повторял и М. Лифшиц: мы все сойдем под вечные своды, лишь слово истины не умрет. Нет, внушает нам «схема» заметок: и человек умирает, и слово, правда, истина недолговечны, умирают тоже... вместе с ним, раньше или чуть позже... Да и что есть истина? И слова-то такого нет в историческом свидетельстве В. Кардина о М. Лифшице, кроме как в отрицательном, уничижительном значении! Между тем, повторяю, убеждение в существовании единой, абсолютной истины было, можно сказать, краеугольным камнем воззрений философа.

Первое доказательство несоответствия «удобной схемы» действительному положению вещей есть то, что ни личность М.А. Лифшица, ни его произведения не оставляют того впечатления безнадёжности и краха его жизненной и теоретической позиции, которое хотят произвести на читателя «Воспоминания и размышления». Смее утверждать, будучи, в частности знаком с перепиской М.А. Лифшица и Михаила Григорьевича Михайлова (1922-1991), что М. Лифшиц до конца жизни оставался удивительно цельной, гармоничной личностью, человеком бесконечно широких познаний и взглядов, глубочайшего оптимизма, сохранявшим «веселое расположение духа» и свою «улыбку Джоконды». («... правильно, трагически понятая гармония шире всего остального в мире и гуманная резиньяция заложена в природе вещей», - писал он по поводу Пушкина в 1938 г., и эти слова, мне кажется, могут быть отнесены к нему самому и к его трагической эпохе).

Свидетельством тому – и его «последний завершённый труд», книга «В мире эстетики» - книга поистине блестящая и блистательная, смешная, как комедия Мольера, и светлая, хотя и не без грусти, по-настоящему классическая, напоминающая лучшие

страницы критической и философской литературы, Вольтера, Дидро... Вообще, осмелюсь сказать, что произведения Мих. Лифшица оказывают тот же эффект, что и подлинные произведения искусства – рождают надежду и веру в неисчерпаемость человеческих сил и духа, способных преодолеть в своем развитии все препятствия.

В. Кардин и сам признает: «Его догматизм обретал порой блистательное выражение в лекциях и книгах, трактующих самые разные проблемы – от бессмертия классиков до капризов сексуальной революции». Что же сие значит? Можно ли «блистательно» выразить ложные взгляды? Нет, как будто имеется в виду не это. Почему бы не сказать, что «лекции и книги» Мих. Лифшица полны найденной и выраженной с помощью «артистически развитой теории» истины, обаяния ее, которого не избежал и такой скептик, как наш автор? Тогда причем здесь «догматизм»? Или это такой «догматизм», который не мешает, а обеспечивает победу истины, мысли, такой «догматизм», благодаря которому достигается эта победа? Или победа достигается вопреки «догматизму»? Тогда следовало бы подтвердить примерами слова о «творчестве, не лишенном противоречий» и «священных именах», которые «словно бы парализуют авторский рассудок», а не оставлять их пустыми, дежурными фразами.

Впрочем, сегодня совершенно нет необходимости в доказательном опровержении «марксизма-догматизма»: обывателю настолько «промыли» мозги, что он проглатывает все разоблачающие штампы, клише, схемы, догмы, ярлыки, так сказать, не разжевывая, он дышит ими естественно, как воздухом... Собственно, так пишет и сам В. Кардин: «Сегодня в мою скромную задачу не входит пересмотр марксистской теории. Для подобного дела достаточно доброты. А когда доброты бродят стаями, присоединяться к ним не обязательно». И тут же «присоединяется» к самой большой, может быть, стае «доброты»-пошляков и обывателей: «Хотя марксизм, конечно же, «лопнул».

Ну ладно, марксизм сегодня – «мертвая собака», и на него можно вешать что угодно или попросту игнорировать его. Хотя ведь, как известно, «марксизмов», «догматизмов», «карикатур на марксизм» было и есть столько, что еще основатель его вынужден был сказать: «Ясно одно, что сам я не марксист!» В чем же состоял «марксизм-догматизм» М. Лифшица? То, что нам сообщает В. Кардин, весьма общо, приблизительно, недостоверно, сводится к принятым на сегодня штампам, клише, догмам, «удобным схемам», а то и просто к убийственному ярлыку. Представляющие марксизм,

30-е годы в таком общем виде, писал М. Лифшиц, продолжают именно худшее – «догматическое единообразие»!

Делом жизни М. Лифшица были мысли; не зная или не поняв их, нельзя понять и его как человека, нельзя понять его жизнь. А, между тем, заметки В. Кардина представляют читателю основополагающие мысли-факты духовного облика и биографии М. Лифшица весьма туманно, невнятно, вовсе умалчивая о главных из них!

Например, заметки прилагают к М. Лифшицу такой общеизвестный штамп: «Для него существовало учение, способное, в отличие от прочих, осчастливить человечество». Но разве это так? Смею утверждать, что нигде вы у М. Лифшица подобных слов и мыслей не найдете. В. Кардин пишет словно о вчерашнем безграмотном крепостном крестьянине, поверившем в завтрашний земной «коммунистический» рай, а не о таком тонком теоретике и мыслителе, как М. Лифшиц, для которого марксизм отнюдь не был счастливой палочкой-выручалочкой или «универсальной отмывкой». Со всем ведь другое дело, что для него марксизм был истиной нашего времени, разгадкой истории, ответом на вопрос о смысле личной и исторической жизни людей: они не сознают это, но они это делают, а сознание – такая вещь, которую мир рано или поздно должен обрести...

Марксизм был для него «постоянной драмой мысли, которая разыгрывается в уме рядового человека с такой же, а может быть и большей достоверностью, чем в уме дипломированного интеллектуала». С точки зрения практической, как осуществление истины, он – «болезненная и трудная работа», так как «людям всегда приходится переделывать то, что они начинают. В этом даже их святая обязанность, ибо истина, тем более практическая, не может родиться сразу в готовом виде, как Афина из головы Зевса. Но одно дело самая болезненная и трудная работа над осуществлением этой истины, и совсем другое дело – обывательское, слепое желание «все Петрово дело назад повернуть». О содержании и цели этого дела он писал, например, так: «...уничтожение частной собственности может стать началом новой эры в истории, основанной на планомерном развитии жизни, не вызывающем роковых последствий и не приводящем к обратным результатам.

Вот Гегель, и книжная мудрость,
И смысл философии всей».

Похоже ли это на те штампы и клише, которыми оперирует В. Кардин? И можно ли сегодня писать на таком уровне неконкретности? Добросовестно ли это? Профессионально ли? Чем ваши но-

вомодные штампы, догмы лучше старых? По сути, оказывается, и те, и другие – ваши догмы, а отнюдь не М. Лифшица, который выступал и против тех, и против других!

Он писал: «Но разве не верно, что модные увлечения в искусстве и философии питаются стихийным отталкиванием от догматизма, быть может, чрезмерным, но простительным? Стихийным – да, но простительным? Это уже совсем другой вопрос. Неужели вам никогда не приходит в голову, что так называемый догматизм тоже был стихийной реакцией на вековые исторические стеснения, которые неизбежно должны были вызвать такие крайности, предсказанные давным-давно и Герценом, и Лавровым, да и самим основателем марксизма?» К сожалению, В. Кардину тоже «не приходит в голову», и следов понимания подобной исторической диалектики, приложения ее к пониманию жизненной позиции М. Лифшица нет в «Воспоминаниях и размышлениях»!

Частный случай той же диалектики – отношении к религии. В. Кардин пишет о нынешнем к ней обращении как о «поветрии, менее всего предусмотренном поборниками «единственно верного учения». Что это такое? «Опять соврамши»? Или так писать можно, не зная азбучных истин и текстов «учения», или в безудержном обывательском желании все очернить, затемнить самое ясное, дискредитировать «учение»? Относит ли В. Кардин к его «поборникам» М. Лифшица, который в одной своей статье цитировал как азбучное, высказывание-предвидение Ф. Энгельса: «Единственная услуга, которую еще можно в настоящее время оказать господу богу, – это запретить религию»? Ведь так и вышло: «воинствующие безбожники» запретили религию, и ныне мы имеем ее «возрождение», предусмотренное, вопреки словам В. Кардина, «учением».

Ну и, наконец, главный, может быть, факт духовной биографии М. Лифшица, без знания и понимания которого невозможно, по-моему, писать о нем, но даже намек на который нет в заметках В. Кардина, – это то, что М. Лифшиц очень рано, едва ли не в конце 20-х годов, понял поражение, трагедию октябрьской революции, что, однако, не заставило его отвернуться от нее, перестать верить в справедливость и будущее начатого ей великого дела. В. Кардин может не принимать исторической диалектики таких масштабов, таких исторических взглядов, но ничего не сказать о них, повествуя о М. Лифшице – это, повторяю, на мой взгляд, не сообщить читателю основополагающих фактов и поистине оказаться в положении «кошки, которая тоже смотрит на короля»!

Так как В. Кардин в весьма мелочном, меркантильном свете,

опять же, не сообщая главного, изображает отношения М. Лифшица и А. Твардовского, будет уместно привести здесь свидетельство самого М. Лифшица: «На чем мы сошлись с Твардовским? На том именно, чего не может принять в силу коренной своей и затаенной враждебности к Октябрьской революции Солженицын. У нас была, у меня особенно, полная ясность насчет того, какова разница между путем ленинским и путем сталинским, сознание того, что хорошего не жди, что кровь льется большая, что каждый из нас только одной ногой на земле, и в то же время, что есть глубокое основание, не ошибка какая-нибудь, не просто замысел злодейский чей-нибудь в этом, а тяжкий противоречий ход истории, сознание отсутствия альтернативы. И все же – как Твардовский и Казакевич удивились моим словам в 1956 году!» (М. Лифшиц. Очерки русской культуры. М.: 1995, сс. 232-233).

Напомню здесь опять слова о «гуманной резиньяции» и гармонии, включающей в себя трагедию, причем «трагедия есть действие, в котором обратная сила рождается из наших собственных свободных поступков и помыслов». Такова ведь и трагедия Октябрьской революции.

Жаль, очень жаль, что автор, в свое время прославившийся статьей «Легенды и факты» в «Новом мире» А. Твардовского, сегодня сам, вольно или невольно, подчиняясь господствующей обывательщине и «стае доброхотов», по сути, создает новые легенды... без фактов! Ни фактов, ни аргументов, ни знаний, собственно, и не требуется. «Самое главное, - как писал М. Лифшиц в предисловии к книге «В мире эстетики», - крутить фильм наоборот. Этого достаточно, чтобы иметь успех у толпы «смешных модниц», воображающих, что они достигли бог весть какой свободы за счет школьных истин марксистской теории».

Возьму на себя смелость вместо В. Кардина утверждать, что М. Лифшиц чувствовал то, что В. Кардин по-своему именуется «зыбкостью почвы»: движение, откат интеллигентской обывательщины к идеям Бердяева, «Вех» и дальше, дальше, дальше... «вперед в обратном направлении». Ведь очень рано, в 50-е годы, заметив это движение, М. Лифшиц отдал много сил и времени борьбе против различных форм подобной идейной слабости, в том числе – против модернизма. Знал он и об опасной силе, стоявшей за спиной новой обывательской моды. Мне кажется даже, что он предвидел, предчувствовал и нынешнюю победу «бурсака», «маленького чумазого», ведущего «к возрождению капитализма в его худших формах» (см.: М. Лифшиц. Собр. соч. в 3-х тт., т. 3, М.: 1988, стр. 282), что, повто-

рю, отнюдь не заставляло его отказаться от своего «вероисповедания».

Предвидел он и нынешнюю волну воспоминаний и успел «даже предупредить людей будущих поколений», что «история не всегда вызывает на суд потомства свидетелей, достаточно компетентных, чтобы понять происходившее, и даже достаточно добросовестных». Сказано как будто об авторе «Воспоминаний и размышлений»! В другой раз он писал об английской поговорке «И кошка тоже смотрит на короля», «мемуарах кошки» - хорошем литературном мотиве и своей боязни попасть в это ложное, коварное и смешное положение. Но и этих предупреждений не услышал автор «Воспоминаний и размышлений» о М. Лифшице и очутился в незавидном, смешном положении «кошки, которая тоже смотрит на короля»!

Три этапа российского неокapитализма.

Владимир Алпатов

После трагических событий августа 1991 г. мы прошли уже два исторических этапа и находимся на пороге третьего.

Первый этап, связанный с так называемой эпохой Ельцина, был для тех, кто тогда захватил власть, этапом «расставания с прошлым», коренной ломки всего и вся.

Мне вспоминается разговор с одним из «демократов» в марте 1991 г. Я спросил его: «Зачем вам Ельцин? Он умеет только разрушать и ничего не может построить». Он ответил: «Да, это так. Но сейчас строить и не надо. Надо как можно больше разрушить, а строить потом будут другие». И весь период правления Ельцина, особенно в первые его годы, решалась задача уйти как можно дальше от советской эпохи. Обращалось внимание, прежде всего, на обеспечение необратимости происходящего. При этом сознательно сохранялись определенные «острова стабильности», не подлежавшие демонтажу, прежде всего, сырьевой, особенно нефтегазовый комплекс.

Для обеспечения необратимости была разработана определенная программа действий. Не будем сейчас обсуждать вопрос о том, кто ее реально разрабатывал. Не всё из намеченного удалось разрушить: инерционность советской системы была больше, чем это казалось. Но с точки зрения поставленных целей программа оказалась хорошо продуманной: цели большей частью были достигнуты.

В целях разрушения, во-первых, стремились очень быстро провести «реформы»: раздать всё, что можно, в частную собственность, привязать рубль к доллару, открыть все границы, изменить законодательство. На первых порах, особенно до лета 1992 г., всё стремились сделать как можно быстрее. Потом, начиная с «кризиса неплатежей», правящей команде пришлось идти на определенные компромиссы. Необходимо было и привлечь на свою сторону часть советской элиты, особенно директорский корпус, и не допускать массовых выступлений трудящихся: поначалу многим казалось, что они возможны. Кое-что из того, что намечалось в 1991-1992 г., в итоге не осуществилось, например, ликвидация советских профсо-

Алпатов Владимир Михайлович, д.ф.н., профессор, заместитель директора Института востоковедения РАН.

юзов, упразднение Академии наук. В обоих случаях верхушка этих организаций нашла компромисс с ельцинским руководством. Но главное – передел собственности – было проведено исключительно быстро; итогом стало быстрое формирование класса крупных собственников, даром получивших в свои руки значительные средства и не желавших по своему социальному положению возврата к советским порядкам в каком-либо виде.

Во-вторых, нужно было создать в стране «управляемый хаос», при котором советские институты и традиции разваливались сами собой. Отсюда сознательный курс на децентрализацию власти («Берите суверенитета, сколько сможете!»), обеспечение свободы слова и печати, поощрение сферы публичной политики. После многолетней советской сверхцентрализации начавшаяся еще при Горбачеве политика «гласности» очень быстро нарушила привычные связи, как горизонтальные, так и вертикальные. После августа 1991 г. власть продолжала поощрять те же процессы, поскольку пока еще требовалось разрушение, а не созидание. Отсюда же в области управления ориентация на непрофессионалов, «завлабов», которые, попадая на руководящие должности в хозяйственной и административной сфере, уже самим фактом своего существования дезорганизовывали работу.

В-третьих, в международной сфере был взят курс на максимальное сближение с Западом и отказ от всех принципов советской внешней политики. Отсюда поспешный уход в «никуда» из Восточной Европы, «сдача» бывших союзников в Афганистане, свертывание отношений с афро-азиатскими странами. Запад, естественно, приветствовал и поддерживал такую политику.

В-четвертых, в сфере идеологии и культуры ориентировались на сознательно противостоявшие советской системе ценностей диссидентские и близкие к ним традиции, ставшие на время официальными. Внешне, особенно до 1994 г., казалось, что главная движущая сила «преобразований» – либеральная интеллигенция из числа людей, либо ругавших советскую власть на кухнях и восхищенно слушавших «голоса», либо имевших опыт арестов и обысков. В период борьбы Ельцина с Горбачевым такая интеллигенция играла роль тарана, бившего по советской крепости, в период самого активного разрушительства она была широко представлена в органах власти. Пиком ее успеха стала осень 1993 г., когда составленный из нее «Выбор России» получил статус «партии власти». Казалось, что теперь так будет всегда.

Однако подлинные движущие силы российского неокapи­та­лизма лишь до поры до времени использовали этих людей, которых политолог М.Малютин назвал в те годы «хаотами». Диссидентская традиция была по своей сути разрушительной, вопрос о социальном устройстве России после падения коммунизма сначала вообще мало волновал большинство ее представителей, позднее они долго исходили из не слишком конкретных идей о внедрении западных моделей или просто из желания сделать «всё наоборот». Сильные на словах, «хаоты» не имели достаточных представлений о том, что такое управление государством. К тому же они прочно усвоили идеи, свойственные не только диссидентам 60-80-х гг. XX в., но вообще большинству русских революционеров. Российская, а затем советская власть вызывали у них такое отвращение, что они склонны были отрицать свое государство вообще. Лево настроенные студенты в 1904 г. радовались победам японцев, а Сахаров и его друзья в 80-е гг. симпатизировали афганским моджахедам. Если многие из большевиков изменили позиции, придя к власти («Мы оборонцы с 25 октября 1917 года» – писал Ленин), то «хаоты» так и не преодолели синдром революционеров и продолжали ориентироваться на заветы диссидентов. Но в 90-е гг. их деятельность работала на общий замысел и помогала новой российской буржуазии.

Реально власть никогда не была полностью в руках «хаотов». Даже в самые благоприятные для них годы их вождем стал Ельцин, социально и культурно представлявший совсем иные слои общества. Но, безусловно, Ельцин, особенно когда еще не был болен, оказался идеальным лидером для осуществления задач разрушения остатков социалистического строя.

«Управляемый хаос», однако, старались не доводить до уровня «неуправляемого хаоса», к которому страна была близка осенью 1993 года. После этого период разрушения в чистом виде сменился периодом «сдержек и противовесов»: власть лавировала между разными группировками (как между центром и периферией, так и между разными группами в центре). Периоды форсирования «реформ» сменялись периодами затишья, команду «завлабов» сменили выходцы из советской номенклатуры вроде Черномырдина, внешняя политика после смены Козырева на Примакова стала менее проамериканской. Тем не менее, общий курс на разрушение, пусть более медленное, продолжался, что привело к кризису 1998 г. После этого политика власти стала еще более осторожной, но сама фигура Ельцина олицетворяла старый курс.

Власти и объединявшимся вокруг ее силам противостояла оппозиция, в начале, до первой чеченской войны в декабре 1994 г., только левая. После первоначального периода разброда наступил период консолидации большинства левой оппозиции вокруг КПРФ. Вначале существование коммунистов как серьезной политической силы не предусматривалось «демократическими» сценариями. Лишь во время избирательной кампании 1995 г. власть по-настоящему занялась проблемой КПРФ. С одной стороны, нужно было считаться с настроениями в обществе, которые просто подавить было уже невозможно. К тому же власть посчитала КПРФ «меньшим злом» по сравнению с крайне левыми, тогда еще имевшими влияние в массах. Поэтому с декабря 1995 г. коммунисты были включены в систему «сдержек и противовесов», не только получив статус легальной оппозиции, но и включившись в систему органов власти (посты в Думе, «красные губернаторы», в 1998-1999 гг. и участие в правительстве). С другой стороны, в 1996 г. было сделано всё, чтобы не допустить коммунистов к высшей власти.

Положение коммунистов оказалось после этого двойственным: «младший партнер» власти и партия, стремившаяся к изменению строя. Сама организованная сверху система «управляемого хаоса» работала где-то и в пользу КПРФ. Децентрализация власти и усиление роли регионов открыли, в том числе, и возможность формирования «красного пояса». Допущенная властью ради усиления хаоса свобода слова открывала для партии возможности активной легальной деятельности. Но в эпоху «организованного хаоса», раздражавшего многих, КПРФ сумела найти выгодный для себя облик - силы «порядка», противостоящей хаосу (чего не удалось сделать «Трудовой России», РКРП и другим крайне левым). Произошла парадоксальная ситуация: официальная идеология 90-х гг. была во многом антигосударственной, а оппозиция, да еще призывавшая к революционному изменению строя, оказалась на определенном этапе наиболее крупной силой, выступавшей за укрепление государства. Зюганов для данного исторического периода по своим качествам оказался очень на месте «главного государственника».

В 1996 г. власть в критический момент сумела переиграть коммунистов (помимо очень вероятных для тех выборов фальсификаций) именно целенаправленным разрушением облика компартии как стабилизирующей силы. Казалось бы, не выигрышная в период массового отхода от антикоммунизма тема сталинских репрессий оказалась удачно выбранной для власти: уставшему от перемен народу внушалась мысль о том, что коммунисты будут снова всё ме-

нять в обратную сторону, тогда как Ельцин гарантирует сохранение хотя бы того, что есть. Однако после президентских выборов облик КПРФ в целом удалось восстановить, что проявилось на в целом удачных для коммунистов губернаторских выборах 1996-1999 гг. и во время кризиса 1998 г.

Политическое пространство между ельцинской властью и КПРФ не было почти ничем заполнено до конца 90-х годов, когда ненадолго появился блок ОВР. ЛДПР всегда была мнимой оппозицией. Однако с 1994 г. начала обозначаться правая оппозиция (к ней следует отнести и «Яблоко»: хотя по ряду вопросов оно критиковало власть слева, но его критика, прежде всего, шла с позиций более последовательного антигосударственничества). В 1991-1994 гг. никто, кроме явных маргиналов вроде Новодворской, не критиковал Ельцина за недостаточно последовательную борьбу с пережитками социализма. Но потом, когда «завлабов» значительно потеснили бывшие представители номенклатуры, а компромиссов с советским прошлым стало больше, база для правой, антикоммунистической оппозиции стала появляться. Ее могли поддерживать и капиталисты, недовольные излишним вмешательством чиновников в их деятельность, и значительная часть интеллигенции, не получившая после 1991 г. того, на что она надеялась.

Однако с 1999-2000 гг. стала меняться историческая эпоха. Знаком перемен стала смена первого лица государства, осуществленная самой правящей командой. От «управляемого хаоса» было решено переходить к восстановлению управляемости. Власть использовала сравнительно благоприятную международную конъюнктуру, связанную с высокими ценами на поставляемое из России сырье. Наступил второй, во многом переходный исторический этап, более или менее совпадающий с первым сроком президентства Путина.

В течение этого периода власть была осторожна и в разрушении, и во внедрении чего-либо нового. Значительных изменений в экономике не происходило, большинство обсуждавшихся в Думе и в средствах массовой информации «реформ» так и не осуществлено, хотя и не снято с повестки дня. Основная проблема, решавшаяся властью в этот период, - полномасштабное восстановление вертикали власти.

На смену импровизациям, резким сменам настроений, свойственным хаотичной эпохе Ельцина, пришло методичное, не быстрое, но и не медленное распространение власти Центра. Условно наступившую эпоху можно назвать эпохой Путина, однако личная

роль нынешнего главы государства (в отличие от роли его предшественника) не всегда ясна. Во многом можно говорить о «коллективном Путине», хотя состав этой команды время от времени менялся.

Некоторые мероприятия этой команды произвели очевидный эффект, другие были не столь заметны и проявились не сразу. Но, подводя итоги первого срока Путина, приходится отмечать, что основные цели, поставленные в 2000 г., осуществлены. Самостоятельность регионов почти исчезла, а поддержка почти всеми губернаторами «Единой России» – явный знак восстановления власти Центра. Тихо, без привлечения большого общественного внимания уничтожена всякая самостоятельность Совета Федерации. В два этапа установлен полный контроль власти над Думой: сначала от рычагов думской власти оттеснили оппозицию, а затем обеспечили нужный результат выборов. В несколько этапов установлен почти полный контроль власти над телевидением и радиовещанием, а оппозиционные печатные издания оттеснены на периферию. Поставлены преграды перед претензиями крупного капитала на влияние во власти. Дела Гусинского, Березовского, Ходорковского, получившие безусловную общественную поддержку, это показали. Это вовсе не означает отказ от курса на развитие капитализма, но олигархи поставлены под контроль чиновников. Наконец, 14 марта 2004 г. состоялось «увенчание здания», символический акт, завершающий переходный этап.

Смена курса с сохранения хаоса и децентрализации на стабилизацию и централизацию привела, в том числе, к дозированному возврату к советским традициям. Истории с гимном и Красным знаменем – символические примеры. При Путине уже нет ни демонстративной ориентации на диссидентскую культуру и идеологию, ни подчеркнутого западничества, что вызывает раздражение у правых. Показательны попытки частичного восстановления позиций России на территории СНГ. Иногда власть идет (в определенных, конечно, рамках) на популярные внутри страны, но неприемлемые для Запада меры, как это было с ликвидацией оппозиционных телеканалов и арестом Ходорковского. Правые, сохраняющие аллергию на любые признаки советской культуры, кричат о «возврате в прошлое». Но гораздо точнее об этом пишет молодой автор «Независимой газеты» Алексей Лапшин (22.04.2004): «Воспоминание о прошлом как об альтернативе настоящему система нейтрализует через включение некоторой части этого прошлого в культурное поле современности. Таким достаточно простым способом создается вы-

годная государству иллюзия преемственности и мирного сосуществования поколений».

Власти, конечно, важнее задобрить обывателя, сохраняющего советские привычки, чем немногочисленных «хаотов». Но «возврат» имеет свои пределы. Очень показательное включение «Единой Россией» на предвыборном плакате в число фигур, олицетворяющих великое прошлое России, Сталина (и одновременно Сахарова), но не Ленина. Сталин оценивается не только как победитель в войне, но и как «могильщик» революции, установивший в стране «порядок». Ленина же стараются связать с «бедами» для России и ненужной гибелью людей. Централизация власти требует и государственнической идеологии, а Сталин наряду с Петром Первым, но в отличие от Ленина, хорошо в нее вписывается. И 80-летие со дня смерти Ленина, и очередная годовщина со дня его рождения послужили в большинстве СМИ поводом для издевательств над ним, здесь сошлись и государственные телеканалы, и правоопозиционная «Новая газета». А Сталин всё больше подается официальной пропагандой как «неоднозначная», но выдающаяся историческая фигура.

Кстати, «новый курс», во всероссийском масштабе связанный с именем Путина, уже давно проявился в Москве. Там демонтаж советской системы произошел быстрее, чем где-либо, а наличие средств дало возможность достаточно скоро стабилизировать ситуацию в масштабах столицы. Носители хаоса Попов и Станкевич очень рано сменились «стабилизатором» Лужковым, вскоре очистившим аппарат от оставшихся там «завлабов». Идеология Путина во многом была предвосхищена Лужковым (от акций в защиту Крыма до копирования сталинского юбилея Москвы).

На новом этапе иными стали и политические партии. Вероятно, не случайно и здесь в эпоху «управляемого хаоса» картина была хаотичной. Партии создавались и ликвидировались стихийно, попытки сознательного и целенаправленного партийного строительства не были успешными. При отсутствии единого центра власти нельзя было и создать успешную «партию власти». Даже в 1999 г. это еще не получилось в полной мере (что, кстати, дало возможность коммунистам временно сохранить позиции). Теперь впервые в капиталистической России создана относительно полноценная «партия власти», на которую команда Путина может опираться. Число партий стараются сократить. И власти можно уже не поддер-

живать правые партии: «завлабы» и диссиденты сделали свое историческое дело и могут уходить.

Правые не смогли приспособиться к новому историческому этапу. Одни продолжают диссидентскую, «правозащитную» традицию, уже исчерпавшую себя (характерен поворот в декабре 2003 г. ряда бывших избирателей «Яблока» к «Родине» и Глазьеву). Другие пытаются скрестить эту традицию с государственническими идеями («либеральная империя»), но государственным всем равно ближе Путин, а для последовательных «хаотов» эти идеи неприемлемы ни в каком виде. Вдобавок правая оппозиция была переиграна властью в деле Ходорковского: попытка выступить в защиту олигарха если и оказала воздействие, то лишь отрицательное.

Но изменение облика власти сразу поставило в сложное положение и коммунистов. Во времена «управляемого хаоса» они для многих олицетворяли спокойствие, честность, добропорядочность, традицию. Не всем, разумеется, это нравилось, кому-то хотелось бросаться в омут перемен, но значительному числу населения все эти черты импонировали. Довольно долго сильных соперников в этом образе у коммунистов не было. В какой-то мере на этом поле (при иной идеологии) действовал Лужков, но он олицетворял богатую, с точки зрения регионов, Москву и поэтому не мог стать политиком общероссийского масштаба. Первым реальным соперником коммунистам здесь оказался Примаков, но отвлечь у КПРФ много голосов блок ОВР не сумел. Но всё изменилось с укоренением во власти Путина. Не раз уже коммунисты жаловались на то, что власть «перехватила» их лозунги. Но речь идет не о лозунгах коммунистов вообще, а лишь о тех из них, которые на определенном историческом этапе всеобщего разрушения были сознательно выброшены за борт властью, а коммунисты их сохранили. Теперь же, когда управляемость восстановлена, эти лозунги вновь нужны власти.

Коммунисты не смогли в 2003 г. предложить лозунги, принципиально отличные от тех, которые приносили им успех в 1995-1999 гг., оказавшись в роли «второй партии порядка», что низводило их на уровень, подчиненный по сравнению с уровнем «Единой России». К этому добавилось и создание при поддержке власти «третьей партии порядка» в лице «Родины». В отношении последней сработали, кроме всего прочего, «эффект новизны» и понравившаяся части избирателей агрессивность, которой не было у КПРФ, на которую давил груз традиций, приобретенных в уже истекший исторический период. А невнятная и двусмысленная пози-

ция коммунистов в отношении дела Ходорковского еще снизила их результат.

После выборов 14 марта начался третий этап второго издания российского капитализма. Переходный период окончен. Восстановление вертикали власти завершено. Рейтинги Путина остаются высокими. Массовых выступлений против власти почти нет уже давно. Мировые цены на нефть и газ пока не падают. Самое время осуществлять «непопулярные реформы». Конечно, не всё из того, что в 1991 г. предназначалось к разрушению, уничтожено, но уже можно приступить к «строительству», в ходе которого еще многое пойдет под бульдозер.

Что предполагается построить? Ясно, что о восстановлении социализма речи не идет. И правые, и левые, и «центристы» в большинстве сходятся на том, что курс Ельцина будет продолжен. Среди многих таких оценок процитируем одну, данную философом В.И. Толстых: «Путин является либералом российского разлива, который очень последовательно и систематично продолжает проводить уже сложившийся до его прихода политический, экономический и прочий курс. Он является абсолютным либералом и в экономике, и в социальной сфере. Но при этом он полагает, что этот либерализм можно представить народу, обществу и миру в облачении сильного государства».

Это не значит, что власть просто вернется к тому, что происходило во времена Ельцина, и будет пытаться копировать всё западное. «Свобода предпринимательства», нигде в мире в полной мере не существующая, будет допускаться лишь в ограниченных пределах. При «управляемом хаосе» появился слой олигархов, пытавшихся установить полную власть над страной; команда Путина постарается не допустить этого. Крупная буржуазия в основном уже поставлена под контроль чиновничества (по сути она ставится на то место, которое всегда занимала в системе российского капитализма). Очень похоже, что власть будет скорее ориентироваться не на западные, а на восточные образцы (японские, южнокорейские, тайваньские, но не китайские). Там, во-первых, при полном господстве частной собственности очень велика роль государственности очень велика роль государственных чиновников, во-вторых, крупные компании управляются не столько владельцами (из которых обычно никто не владеет контрольным пакетом), сколько наемными директорами. Укрепление государственных структур шло последние годы не для того, чтобы затем отдать власть крупному капиталу. Но экономические привилегии этому капиталу будут даны. Как пишет тот же Толстых,

«ведь «самые низкие налоги в Европе» являются таковыми лишь для богатых. А для бедных 13% налога – самые высокие в той же Европе. Не думаю, что Путин не знает того, что налоговая реформа была проведена в интересах богатых, а не бедных».

Налоговая реформа – единственная серьезная реформа, проведенная в первый срок Путина вне сферы управления. Другие реформы, включая жилищно-коммунальную реформу, реформы образования и здравоохранения будут осуществляться в ближайшие четыре года. Произойдет это, разумеется, за счет бедных слоев населения.

Ограничусь близкой мне областью высшего образования. Как следует из разработок группы Шувалова по плану реформ на второй президентский срок, будет доведено до конца введение западной системы бакалавров и магистров («3-4 года за студенческой скамьей – и на рынок труда поступит клерк или менеджер», по выражению «Независимой газеты»), а вместо стипендий будут введены кредиты студентам, которые будут затем погашаться. Ясно, что эта новая система ударит, прежде всего, по малообеспеченным выпускникам вузов, которым будет труднее расплачиваться за полученное обучение. И еще она противоречит всем традициям не только советского, но и дореволюционного образования. Возможно, что она улучшит подготовку клерков и менеджеров, но на подготовку специалистов будет оставаться лишь два года. Безусловно, социальные потрясения при «революционных изменениях» вполне вероятны.

В то же время будут, очевидно, делаться попытки поощрять частный бизнес за пределами сырьевых отраслей, избавиться от перекоса экономики в сторону нефтегазового комплекса, добиться устойчивого экономического роста, укрепить военно-промышленный комплекс.

Помимо подготовки «непопулярных реформ», власть, безусловно, ищет пути преобразования политической системы по западным образцам. С этой точки зрения, как во всех «цивилизованных странах», должна существовать социал-демократическая партия (которая всё никак не получается в России) и не должно быть партии, исповедующей господствовавшую в советском обществе идеологию, «внесистемную» для современного Запада. Точнее, такая партия может существовать как карликовая (на Западе и сейчас есть коммунисты), но она не должна играть скольконибудь существенную политическую роль.

Сейчас власти не нужна и сколько-нибудь значительная партия правее «Единой России» ни как партия уже не нужных ей «хаотов», ни как партия претендующего на самостоятельную политическую роль крупного капитала. Однако ей нужна «оппозиция его величества», которая могла бы стать посредником между властью и народом. Эта оппозиция могла бы успокаивать народ в периоды «непопулярных реформ» и удерживать власть от слишком резких шагов. В капиталистических странах данную роль играют либо профсоюзы (что у нас вряд ли реально), либо социал-демократические партии. Идеальной для власти была бы партийная система, аналогичная системе ФРГ 50-х гг. или Японии почти всю вторую половину XX в.: несменяемая «партия власти» и более или менее умеренная левая оппозиция.

Попытки власти построить такую партию оппозиции предпринимались еще при Ельцине (блок Рыбкина в 1995 г.), но тогда они закономерно проваливались. Теперь они стали активнее, хотя пока нет «нормального» российского капитализма (он может и вообще не состояться), не может быть и полноценной социал-демократической партии. «Родина» в виде, в каком она прошла в Думу, – не социал-демократическое образование. «Автономное плавание» Глазьева не получилось. В КПРФ пока что попытки социал-демократизации не имеют большого успеха. Однако партия в прежнем своем облике теряет привлекательность. Сможет ли самая крупная партия оппозиции измениться соответственно новому этапу развития страны, покажет время.

Следует сказать и о попытках создавать левые группы и объединения вне КПРФ. Разумеется, речь не идет о проектах, идущих от Кремля, вроде «левого центра» Рыбкина в 1995 г., партии Селезнева в 2002-2003 гг. или продолжающегося сейчас создания объединения во главе с Семигиным. Но с 1991 г. мы видели много попыток самоорганизации на основе тех или иных левых идей и концепций. В обстановке «управляемого хаоса» 1991-1993 гг. левое движение оказалось раздроблено, атомизировано и очень далеко от народа. Ситуация изменилась после восстановления КПРФ, к которой примкнули очень многие. Но не все левые были согласны с ее позицией, а за пределами КПРФ расколы и размежевания продолжались. Почти сошли на нет и превратились в секты крайне левые, более устойчивы формирования, пытающиеся пересадить на русскую почву идеи и методы западных левых, вроде клуба «Диалог». В последнее время заметным стало пришедшее с запада антиглобалистское движение (в котором, впрочем, участвует и КПРФ).

В последние годы политическое значение этих партий и групп было равно нулю. Однако они могли бы быть полезны в двух отношениях. Во-первых, там ведется интеллектуальная работа, разрабатываются концепции и идеологические системы, которые можно обсуждать. Ведутся споры, в которых, может быть, когда-нибудь родится истина (внутри КПРФ атмосфера не так уж этому способствует). Во-вторых, они могут быть полигоном для выработки новых областей и методов работы. Особенно это относится к антиглобалистам, деятельность которых может оживить слишком традиционные методы наших коммунистов. Важно также найти ключ к рабочим, с которыми пока что оказывается работать труднее всего. Здесь малые левые группировки, на которых не висит груз парламентской деятельности и избирательных кампаний, тем или иным образом пытаются что-то найти. Сейчас рабочее движение почти сошло на нет, но в ходе «непопулярных реформ» ситуация может измениться.

На нынешнем историческом этапе, когда советский строй всё более уходит в прошлое, для политической борьбы всё труднее использовать советский опыт (а если он где-то пригоден, то больше для «партии власти»). Надо искать что-то новое (включая и забытое после 1917 г. старое).

Если общий курс команды Путина на ближайшие годы (включая идеологическую его составляющую), по-видимому, ясен, то многие конкретные детали пока трудно предсказать. А главное, неясны шансы власти на успех того, что она собирается осуществить за ближайшие два года (потом надо будет готовиться к следующим выборам и к передаче власти преемнику). Весьма возможным представляется и такой вариант. «Реформы» частично осуществляются, частично уходят в песок, экономический рост не получается, кредит доверия, полученный Путиным в 2000 г., оказывается израсходованным. Тогда не до социал-демократических проектов, а классовая борьба вновь разгорится. В этих условиях последовательное противостояние власти окажется востребованным. Кто тогда сможет его возглавить?

VIII. РЕЦЕНЗИИ

Теория “национал-большевизма” Николая Устрялова

(Н.В. Устрялов. Национал-большевизм.

– М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 656 с.)

Михаил Веков

О национал-большевизме как теоретической и политической концепции 20-х годов многие читали или слышали, многие знают современных “национал-большевиков” Э. Лимонова, но это далеко не одно и то же. Бравых молодцов Лимонова оставим пока в покое, а познакомимся непосредственно с классической очень интересной теоретической конструкцией национал-большевизма из первых рук, из книги ее автора Николая Васильевича Устрялова (1890-1937). Устрялов вошел в русскую историю как активный общественный деятель и социальный мыслитель, публицист, создатель и идеолог теоретической концепции “национал-большевизма”, ведущий теоретик сменовеховства.

Сегодня, наконец, можно спокойно, в домашних условиях прочитать основные идеи и мысли Устрялова благодаря усилиям С.М. Сергеева, составителя и публикатора только что изданной книги всей основной публицистики Устрялова. С.М. Сергеев предположил внушительному тому работ Устрялова обстоятельное и умное введение, где назвал своего героя “гениальным госслужащим”. Мы еще вернемся к этому введению, а сначала поговорим о самой книге Устрялова.

Родился Устрялов 25 ноября 1890 г. (ст. стиля) в Санкт-Петербурге, в семье врача. Его предки были крестьянами. Отец, Василий Иванович, закончил медицинский факультет Киевского университета, получил дворянство; мать – дочь калужского купца. В 1908 г. Устрялов закончил гимназию в Калуге с серебряной медалью, в том же году поступил на юридический факультет Московского университета. В 1913 г. оканчивает университет с дипломным сочинением на тему “Теория права как этического минимума” и остается при кафедре истории философии права “для приготовления к профессорскому званию”. Стажируется в университетах Франции и Германии, успешно сдает магистерские экзамены и в 1916 г. становится приват-доцентом Московского университета.

Уже, будучи студентом и особенно после окончания университета, Устрялов увлекается политическими вопросами, часто выступая со статьями в право-либеральных и кадетских изданиях. Февральскую революцию 1917 г. Устрялов встретил с энтузиазмом, Октябрьскую – как поражение либеральных и демократических надежд. В 1919-1920 гг. был белогвардейцем, занимая в Омске должность директора пресс-бюро печати при правительстве Колчака, как впоследствии писали – был министром пропаганды у Колчака. После разгрома Колчака в январе 1920 г. перебирается в Харбин, где наряду с преподаванием в Харбинском юридическом факультете, активно занимается публицистической деятельностью. Эта деятельность и принесла Устрялову мировую известность и прочно вписала его имя в ряд наиболее интересных социальных мыслителей и лучших российских публицистов.

В 1925 г. Устрялов принимает советское гражданство, становится директором Центральной библиотеки КВЖД, в 1935 г. возвращается в СССР. В 1937 г. арестовывается по вздорному обвинению и 14 сентября расстреливается. Реабилитирован в 1989 г. по решению Верховного Суда СССР.

Так что же такого писал Устрялов, что имя его не сходит со страниц научных монографий и популярных статей, а многие положения и мысли становятся уже общим местом нашей литературы? И надо сказать, что современный процесс овладения его литературным наследием заметно ускоряется.

Суть концепции Устрялова, которая была изложена им в серии статей, затем собранных в двух книгах (“В борьбе за Россию” - Харбин, 1920; “Под знаком революции” - Харбин, 1925, 2-е изд. 1927), состоит в следующем. Пережив поражение белогвардейского движения в гражданской войне, Устрялов одним из первых понял бесперспективность вооруженной борьбы с большевиками, с Советской властью. Устрялов был державник и государственник, во всем его творчестве преобладали национальные и государственные мотивы. Он первым почувствовал и увидел, что именно большевики, несмотря на свою интернационалистическую и коммунистическую интенцию и лексику, волей-неволей работают на воссоздание великой российской державы. “Словно сама история нудит интернационалистов осуществлять национальные задачи страны” - писал Устрялов в феврале 1920 г. (с. 61). Борьба против большевиков, считал Устрялов, становится борьбой и против России. Поэтому он призывал бывших белогвардейцев и идейных про-

тивников Советской власти “сменить вехи” и идти на службу этой власти.

Важным элементом устряловской концепции “национал-большевизма” была экономическая составляющая необходимости хозяйственного развития России в рамках буржуазного способа производства. “Перед нами, - писал Устрялов в 1922 г., - решительное преобразование русской жизни на недвусмысленно “буржуазный” манер” (с. 219). При этом важно отметить, что Устрялов не считал целесообразным развитие страны по капиталистическому пути. Тем самым он различал буржуазность как способ производства и капитализм как его особую историческую форму. Для России он полагал возможным особую экономическую форму, сочетающую частную инициативу и частную собственность с государственным регулированием экономики и мощным государственным сектором. Отсюда призыв Устрялова и вообще сменовеховства к возвращению интеллигенции, специалистов на советскую службу, а эмигрантов – назад, в Россию.

Этот мотив в работах Устрялова стал звучать особенно сильно после 1921 г., начала НЭПа. “Государство затосковало по хозяйству” - писал Устрялов в 1921 г. И тут же разъяснял: “Советский строй не только не исчерпывается экономической политикой немедленного коммунизма, но даже и не связан с нею органически и неразрывно” (с. 157). Устрялов полагал, что объективная необходимость развития экономики, экономизма поведет к отходу большевиков от социалистических догматов, к формированию особой националистической идеологии мощного национального государства по принципу “редиски”: извне – красная, внутри – белая. “Красная кожица, вывеска, ... сердцевина, сущность – белая, и все белеющая по мере роста, созревания плода. Белеющая стихийно, органически” (с. 144-145).

Устрялов полагал, что большевизм под влиянием объективной экономической необходимости вынужден будет эволюционировать, т. е. изменить прежде всего свою экономическую политику в смысле отказа от “немедленного коммунизма”. Тем самым и большевизм уже будет не тот. “Эволюция тактики большевизма в основном хозяйственно-государственном вопросе есть эволюция большевизма” (с. 184). Здесь Устрялов правильно выделял решающее значение экономического фактора для развития не только страны, но и эволюции государственно-политической власти. В начальный период нэпа он отмечает рост новых хозяйственных элементов: крестьянство, “омелкобуржуазившихся” рабочих, новой бур-

жуазии городов. Эти кадры “новой буржуазии”, считал Устрялов, не только не заинтересованы в реставрации насильственного “коммунизма”, но и потребуют соответствующих изменений и в области “большой политики”. Революционная Россия, писал Устрялов в 1922 г., “превращается по своему социальному существу в “буржуазную”, собственническую страну (с. 232).

Провидчески Устрялов писал, что “мужички явственно становятся фактическими хозяевами положения”, ибо именно они составляют массовый социальный слой и экономический фундамент нового строя. “Крестьянская Россия не есть Россия дворянская, помещичья. Но из этого все же отнюдь не вытекает, что крестьянская Россия есть в какой бы то ни было мере социалистическое и пролетарское государство” (с. 290). И очень точный и верный вывод делает Устрялов в статье 1925 г.: “В мелкобуржуазной стране, каковою является теперешняя Россия, только то правительство будет воистину прочно, которое реально удовлетворит хозяйственные запросы мелкой буржуазии, т. е. в первую очередь крестьянство” (с. 310). Подтверждение этому можно найти в сталинской политике уже с конца 20-х годов, направленной против крестьянства. Для удержания власти Сталину потребовалось создание все более мощного бюрократического и репрессивного аппарата, который в основном составлялся из деклассированных элементов того же крестьянства.

Во второй половине 20-х годов Устрялов разделяет и поддерживает идеологию “правых коммунистов”, был на стороне правящей сталинской группировки, был “определенно за Сталина”. Он видел насущную задачу внутренней экономической политики в том, чтобы “раскрепостить труд, заинтересовать население в труде”. “Что же касается пути оздоровления политики, то он один, и символическое имя ему, повторим, - неонэп” (с. 371).

Однако с конца 20-х годов сталинская верхушка партии, действительно обеспокоенная ростом буржуазных элементов, перешла на двойственную позицию. Фактически проводя экономическую политику национал-большевизма (потому то Устрялов и был “за Сталина”), которая как он верно предвидел, была единственно реальной, усилило борьбу с этой идеологией и репрессии против буржуазных элементов и тех идеологов, которые прямо и открыто об этом писали.

В целом предположения Устрялова в части создания мощного государства, с крупной индустриальной экономикой, определенно оправдались. Оправдалось и то, что идеология “национал-большевизма” стало de facto экономической идеологией советского перио-

да. Ошибся Устрялов лишь в том, что Россия в его прогнозе должна была сохранить рыночную экономику. Тогда этого не произошло, но рыночные взаимоотношения объективно пробивались через все препоны авторитарной власти.

Заслуга Устрялова состоит в том, что он оказался одним из первых и наиболее глубоких разработчиков экономической концепции, которая объективно соответствовала действительному ходу истории, того пути социально-экономического развития, по которому в конце концов и пошла страна.

Теперь вернемся к введению С. Сергеева, которое также интересно и также вызывает желание кое с чем поспорить. Сперва, рассмотрим проблему взаимосвязи Устрялов – Сталин. Автор введения совершенно верно пишет, что Сталин действовал “совершенно в духе устряловских рекомендаций” (с. 34). Однако об этом пишут почти все комментаторы. Но С. Сергеев идет дальше и уточняет, что Сталин выполнил устряловскую программу лишь частично, “ее экономическую сторону он отверг вместе с нэпом” (с. 43). Фактически это верно. Устрялов предлагал сочетать централизованное государственное руководство экономикой с рынком, Сталин же все сделал без рынка. Но все-таки упор в конструкции Устрялова делался на укреплении государства, а не рынка. Поэтому сталинский переворот 1929 г. не был смертелен для концепции Устрялова, он нашел возможным с ним примириться. Кстати говоря, вот евразийцы, которые были теоретически весьма близки к Устрялову, сталинизм воспринять не смогли.

И последнее. С. Сергеев задается вопросом: что же такое национал-большевизм? И дает такой ответ: “Это программа преодоления революции с наименьшими потерями” (с. 28). Нам представляется это определение слишком узким, даже формальным. Нам представляется, что национал-большевизм и есть сама революция; есть то, что единственно могло получиться в социально-экономической плоскости после революции. Просто Устрялов нашел точные слова, чтобы все это озвучить.

IX. НАША ПАМЯТЬ

Памяти Ю.В. Сухотина (1935-2004)

17 июня 2004 г. на 70-м году жизни скоропостижно скончался доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН Юрий Викторович Сухотин.

Юрий Викторович родился 14 февраля 1935 года в семье российской гуманитарной интеллигенции. Его детство было омрачено войной, переездами, голодом. В 1953 г. он поступил на экономический факультет Московского университета, который закончил в 1958 г. В том же году был принят на работу в институт экономики АН СССР и после учебы в аспирантуре (1960-1963 гг.) защитил кандидатскую диссертацию «Народнохозяйственная эффективность капитальных вложений и темпы роста промышленности СССР». На ее основе им была подготовлена монография «Эффективность капитальных вложений и межотраслевые связи» (М.: Экономика, 1966), удостоенная в 1968 г. премии Ленинского комсомола.

С 1967 г. по 1971 г. Ю.В. Сухотин руководил созданным в институте экономики АН СССР сектором методологических проблем эффективности общественного производства. В 1971 г., после ликвидации этого сектора, перешел на работу в ЦЭМИ. Здесь начинается, по существу, его путь как самостоятельного мыслителя, поставившего вопрос: почему оптимальное планирование, казалось бы, такое органичное экономике социализма, не нашло поддержки? Результатом стал цикл работ, посвященных анализу экономических интересов, поведения и мотивационного механизма, которые помогли вскрыть «анатомию» советской хозяйственной системы и к которым, надо думать, все чаще будут обращаться читатели, по мере того как живое знание об ее устройстве будет уходить в прошлое. На их основе в 1979 г. он защитил докторскую диссертацию «О хозяйственных формах планомерного управления».

Итогом этих исследований для самого Ю.В. Сухотина стало движение от обычного, экономического понятия оптимума (экстремум целевой функции и т.п.), к понятию «*оптимума* (или, скорее, благополучия в самом широком смысле) *для общества*». Т.е. для него нормативный подход с позиций экономической рациональности перерос, в конечном счете, в *служение экономическими средствами всей системе человеческих ценностей*. Особенно в по-

следние десятилетия Ю.В. Сухотин работал, быть может, на самом важном направлении нашей науки, связанном с поиском баланса между ценностями экономической эффективности и социальной справедливости вместо их нынешнего, чаще всего, вульгарного противопоставления.

Естественно, с этих позиций он не мог поддержать тот курс на строительство элитарной экономики, которым озаменовались у нас 90-е гг. Возможно, роковую роль в этом развитии событий сыграла невозможность для советских экономистов, знавших Запад только по книжкам, во время оценить то опасное развитие событий, которое привело там к «неолиберальной революции», ознаменовавшей закат социал-демократии и переход к социал-дарвинизму.

Как человек он был прежде всего русский интеллигент в самом высоком значении этого слова, которое теперь все больше уходит не только из жизни, но и из людской памяти.

Ю.В. Сухотин отдал всю свою жизнь экономической науке. Поэтому лучшей памятью о нем станет продолжение наших общих усилий по ее развитию.

Основные труды Ю.В. Сухотина.

1. Эффективность капитальных вложений и межотраслевые связи. М.: Экономика, 1966 (в 1968 г. была удостоена премии Ленинского комсомола среди экономических работ).

2. Вопросы эффективности общественного производства. М., Наука, 1970 (глава «Экономическая реформа и народнохозяйственный оптимум» и руководство авторским коллективом).

3. Введение в теорию и методологию системы оптимального функционирования экономики. М.: Наука, 1984 (главы в книге).

4. Экономика: свобода и солидарность. М.: Наука, 1991(главы в книге).

5. Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Под ред. Д.С. Львова. – М.: Экономика, 1999 (глава в книге).

Х. ИНФОРМАЦИЯ

Авторские поправки к переводу рецензии двух книг о Новочеркасске в *Альтернативах* № 2 за 2004 г.

На стр. 151:

написано: «Социальный состав участников Новочеркасских событий необычен, прежде всего, тем, что несколько человек, которые предъявили требования властям имели уголовное прошлое и их можно назвать «маргиналами». С другой стороны...»

должно быть: «Социальный состав участников Новочеркасских событий отличался прежде всего тем, что мало кто из участников, которые привлекли внимание властей, имели уголовное прошлое или могли бы считаться «маргиналами». Наоборот...» (The social composition of the participants in Novocherkassk is distinctive, first of all, in that few of the actors that came to the authorities attention had criminal records or could be described as marginals. On the contrary...»)

написано: «Новочеркасские события также никак не связаны и с уровнем политического и классового сознания участников.»

должно быть: «Новочеркасские события отличаются и уровнем политического или классового сознания их участников.» (The Novocherkassk events stand apart also for the level of political or class consciousness manifested by the participants.)

На стр. 155:

написано: «И действительно, то поразительное социальное влияние, которое «шоковая терапия» оказала на рабочих, чем-то напоминает последствия «холодной войны» и сопровождающий ее экономический кризис»

должно быть: «На самом деле социальные последствия «шоковой терапии» для рабочих во многом напоминают воздействие гражданской войны и сопровождающей ее экономической разрухи»... (Indeed, in striking ways the social impact on workers of a shock therapy is reminiscent of that of the civil war and the accompanying economic crisis.)

Новая книга о рабочем движении:

В.П. Андреев, Д.В. Воронин.

"Шахтеры и шахтерское движение в Кузбассе в 1989-1991 гг."

Монография отражает один из самых кульминационных и драматичных моментов советской истории - 1989-1991 гг. Не случайно горняки Кузбасса и шахтерское движение были избраны авторами в качестве предмета исследования. Так уж случилось, что шахтеры Кузбасса выступили в качестве основной разрушительной силы, показавшей в те переломные годы образцы организованности, сплоченности, высокой социально-политической активности.

Анализ движения не ограничивается пределами Кемеровской области, рассматривается на широком общероссийском фоне в тесной связи с событиями в стране. Авторам удалось не только расширить региональные рамки исследования, обогатить предмет своего изучения, выявить общие закономерности и тенденции развития рабочего движения в стране, но и проследить региональную и отраслевую специфику их проявления в Кузбассе.

Монография интересна и привлекательна насыщенностью и разнообразием источников, и своеобразной синтезированной методологией. В отличие от многих современных ученых, игнорирующих в угоду конъюнктурным соображениям марксистскую методологию, авторы монографии использовали как современные отечественные и зарубежные методологические принципы исторического исследования, так и марксистские подходы. Особенно удачно авторы использовали метод психоанализа. С его помощью, думается, им удалось четко разработать и ярко отразить лидерство в рабочем движении, представить различные его психологические типы.

Шахтерское движение представлено во всей его многогранности, сложности и противоречивости. Авторам удалось показать истоки социального конфликта, проследить количественный и качественный состав шахтерского движения, отразить социокультурный и психологический облик его участников, раскрыть эволюцию их политического поведения.

Особое место в монографии занимает проблема взаимоотношений горняков Кузбасса с лидерами демократического движения, в частности с Б.Н. Ельциным. Авторы показывают сложный, а порой и небескорыстный характер этих отношений, особенно со стороны Б.Н. Ельцина. Вполне правомерно в монографии отмечается, что будущий Президент России использовал поддержку и волнения шахтеров в своих интересах.

Отметим острый полемический характер монографии. В ней как опровергаются, так и поддерживаются взгляды предшествующих исследователей по тем или иным дискуссионным проблемам. Авторы монографии занимают свою принципиальную позицию, дают обстоятельную и аргументированную критику противоположным точкам зрения.

Из недостатков отметим некоторую прямолинейность при сравнении советской и дореволюционной ментальности россиян, чрезмерное увлечение теоретическим наследием западных социологов, переоценку потенциальных возможностей и преимуществ советской системы. Эти замечания не умаляют достоинств монографии, которая, на наш взгляд, является определенным вкладом в разработку современных проблем отечественной истории.

А.Н. Першиков к. ист. н., доцент ТПУ

**Омский Государственный педагогический университет,
фонд общественных инициатив «Альтернативы» (Москва),
Сибирская конференция труда**
организует заочную международную научно-практическую
конференцию с изданием итогового фундаментального сборника
авторских материалов по проблеме

«Общественная самоорганизация в мировой истории».

Планируется обсуждение следующих направлений проблемы:

- синергетика и обществознание: теоретический и методологический аспекты;
- отчуждение человека от власти и общества: пути преодоления;
- альтернативные безгосударственные сообщества в эпоху государственности;
- община и общинные традиции в истории человечества;
- общественное (территориальное и производственное) самоуправление в мировой истории;
- коллективная экономика и кооперативное движение: история и современность;
- профсоюзы как проявление негосударственной самоорганизации трудящихся, синдикализм;
- гражданское общество как проявление негосударственной самоорганизации;
- теория и история анархизма;
- новые социальные гражданские инициативы в России и мире.

К участию в конференции приглашаются историки, философы, социологи, экономисты, правоведы, общественные деятели.

Материалы (в форме статьи объемом до 1 п.л., в режиме Word, сноски в конце текста, дискета и распечатка, сведения об авторе) просьба выслать до 1 марта 2005 г. по адресу:

644099, Омск-99, наб. Тухачевского-14,
ОмГПУ, кафедра политической истории,
Профессору Штырбулу Анатолию Алексеевичу.

Выход сборника планируется в сентябре-октябре 2005 г. Участникам конференции будет выслан экземпляр сборника.